

Аннотация

В книге рассматриваются технологии навязывания нашему народу, особенно молодежи, губительных стереотипов мышления и поведения, которые являются бомбами в информационной войне против нашего Отечества.

Введение

Понятие «информационная война» или, точнее, «информационная война против России» вошло в обиход отечественных средств массовой информации еще в 90-е годы. Потом обстановка в стране несколько изменилась, снизив накал алармистских настроений в обществе. Тем не менее, многие разрушительные процессы по-прежнему развиваются в России, причем столь стремительно, что прозрение общества почти всегда оказывается запоздалым. Мы утверждаем: против нашей страны развязана демографическая война как составная часть информационной войны. И, конечно, это война нового поколения, ведущаяся по законам тех самых информационных войн, которые предполагают дезинформацию противника. Именно поэтому вражеская армия нередко выдает себя (и принимается!) за... Армию спасения. Поясним: проявлением демографической войны мы считаем политику снижения рождаемости, активно пропагандируемую в России под вывеской «планирования семьи». Службы планирования семьи существуют у нас уже около двадцати лет (с 1992 года).

Конечно, если бы кем-то из официальных лиц было заявлено, что в нашей и без того вымирающей стране государство принимает программы, которые препятствуют рождению детей, общество, наверное, связало бы подобный факт с понятием геноцида. Но так, естественно, никто не заявляет. Напротив, говорится об «охране репродуктивного здоровья», «репродуктивных правах», «безопасном материнстве», «ответственном родительстве» и даже «здоровом образе жизни». Казалось бы, звучит хоть и странновато, но вполне гуманно. Ну, а то, что истинный смысл подобных понятий прямо противоположен их благородной упаковке, мало кто улавливает. Переведем значение некоторых из них с «планировочного» языка на человеческий:

«охрана репродуктивного здоровья» — включает в себя контрацепцию, стерилизацию (!), аборт;

«репродуктивные права» — право на контрацепцию, стерилизацию, аборт и растление детей в школах под видом «полового воспитания», «основ здорового образа жизни», профилактики наркомании и СПИДа, и т. п.;

«половое воспитание» — привитие детям психологии, способствующей отказу от деторождения, в том числе путем открытой пропаганды контрацепции и стерилизации, скрытой пропаганды абортов и сексуальных извращений (онанизма, женского и мужского гомосексуализма), которые, как легко догадаться, тоже не способствуют продолжению рода; фиксируясь на физиологии и «технике» секса, крадут у будущих юношей и девушек **тайну** (здесь и далее выделено нами. — Примеч. авт.) и лишают их таким образом главного счастливого потрясения юности — романтической любви, а часто даже физической тяги к противоположному полу (последнее весьма помогает снизить рождаемость);

«здоровый образ жизни» — в представлении «планировщиков» обязательно включает в себя применение контрацепции;

«безопасное материнство» — использование контрацепции (якобы для предотвращения осложнений после абортов, которые могут привести к смерти);

«ответственное родительство» — включает в себя использование контрацептивов, сцеплено с лозунгом «ребенок должен быть здоровым и желанным» (в 90-е годы, в начале российской «планировочной» эпопеи лозунг был более откровенным: «пусть **один** ребенок, но здоровый и желанный»);

«здоровые и желанные дети» — получают только при «запланированной» беременности, т. е. когда женщина намеренно делает перерыв в контрацепции. Хотя всем известны примеры, когда женщина не собиралась иметь ребенка, но потом, родив, была счастлива и благодарила Бога, что не сделала аборт. Кстати, если следовать вышеприведенному лозунгу совсем буквально, то даже «желанного», но предположительно «нездорового» ребенка следовало бы аборттировать. (В юности вообще редко желают детей, они рождаются как результат желания интимной близости. Скольких бы из

нас не было на свете, если бы в Советском Союзе распространялась эта лукавая идеология!)

При этом даже в уже ставшем в последнее время одиозным клише «планирование семьи» слышится что-то положительное, солидное. Легко ли неискушенному человеку догадаться, что речь идет об отказе от детей? А между тем в действующем законе о здравоохранении есть статья о планировании семьи (Раздел VII), где четко определено, что входит в соответствующее «медицинское» понятие. Три пункта: контрацепция, аборт, стерилизация. И все!

Мало того, существуют официальные методические указания для центров планирования семьи, где сказано, что критерием успешной деятельности таких центров является не количество вылеченных бесплодных пар, не число новорожденных младенцев (хотя для отвода глаз в этих центрах оказываются услуги по родовспоможению), а именно количество произведенных абортов. Странного здесь на самом деле ничего нет, если хотя бы немного ознакомиться с историей вопроса.

Когда-то название организации, занимающейся борьбой с рождаемостью, было более откровенным — Лига контроля над рождаемостью. Созданная в 1921 году в США феминисткой Маргарет Зангер Лига, несмотря на пуританские установки тех лет, быстро стала одной из влиятельнейших организаций Америки. В том же 1921 году Маргарет Зангер сажают на месяц в тюрьму за организацию подпольного абортария и распространение опасных для здоровья контрацептивов, а уже в 1922 году она созывает международную конференцию в защиту абортов и совершает кругосветное турне с циклом лекций. Конечно, у самой Маргарет денег на подобные мероприятия в то время не было.

Зато они нашлись у тех, кому ее деятельность показалась перспективной. Ведь еще в конце XVIII века сильных мира сего стали не на шутку волновать последствия буржуазных революций. Написав на своих знаменах «Свобода, равенство, братство», победители вовсе не собирались по-братски делиться своими правами и состояниями с простыми людьми. Но сама логика развития того общества, которое они строили, неизбежно требовала демократизации: «сверчки» уже не хотели знать свои «шестки». Как обуздать «быдло», не меняя знамен? Снова возвести сословные перегородки было невозможно. И тогда... пошли разговоры об угрозе перенаселения.

Выразителем подобных умонастроений стал профессор политэкономии Томас Мальтус, который в 1798 году издал труд под названием «Опыт о законе народонаселения». В нем автор с очевидным сейчас схематизмом доказывал, что численность населения планеты растет в геометрической прогрессии, а мировое производство — лишь в арифметической. И предлагал весьма незамысловатые меры по борьбе с «лишними людьми». Они сводились к отмене благотворительности, поощрению преступности и войн, к приостановке развития медицины и т. п.

На определенном этапе идеология мальтузианства сыграла свою роль, но потом, с дальнейшим развитием идей гуманизма, сделалась уж слишком одиозной. В наиболее откровенном своем варианте она окончательно дискредитировала себя в эпоху Третьего рейха и после победы над фашизмом была решительно осуждена.

Но параллельно шел поиск новых форм управления «быдлом». И тут бойкая феминистка Зангер пришлось как нельзя более кстати — ее модель геноцида выглядела гораздо более благопристойно и даже называлась «Мирный план» («Plan for Peace»). Зачем истреблять людей эпидемиями и бомбами, зачем выглядеть жестокими варварами, когда можно просто снижать рождаемость? Результат будет, конечно, не сиюминутным, как при бомбардировке, но зато более надежным. Ведь женщина, потерявшая детей на войне, может родить еще, а если ее стерилизовать — это уже гарантия. Да и точность таких «попаданий» гораздо выше! Чума или война особенно не выбирают, кого лишит жизни, тогда как «мирный план» предусматривает строгую дифференцировку.

А потому уже в 1925 году Фонд Рокфеллера начал спонсировать Американскую лигу контроля над рождаемостью. В 1934 году Зангер опубликовала проект закона, призванного «остановить перепроизводство детей». Там были, к примеру, такие статьи:

«Статья 3. Свидетельство о браке дает супругам право лишь на совместное ведение хозяйства, но не на родительство.

Статья 4. Ни одна женщина не имеет права выносить ребенка и ни один мужчина не имеет права стать отцом без разрешения на родительство.

Статья 5. Разрешения на родительство должны выдаваться государственными органами супругам по их просьбе при условии, что они способны материально обеспечить будущего ребенка, обладают необходимым образованием для правильного воспитания ребенка и не имеют наследственных болезней...

Статья 8. Умственно отсталые, лица с врожденными преступными склонностями или

имеющие наследственные заболевания, а также все прочие, признанные биологически неполноценными, должны быть либо стерилизованы, либо, в сомнительных случаях, изолированы, с целью не допустить появления потомства, страдающего теми же пороками»

(цитаты по книге Грант Дж. «Ангел смерти». М., Просветитель, 1997).

К умственно отсталым, между прочим, Зангер относила 70 % американцев. А негров, евреев и славян вообще считала низшими расами, которые в принципе недостойны размножения.

Стоит полистать журнал «Контроль над рождаемостью», издававшийся М. Зангер, чтобы убедиться: то, что казалось тогда одиозным, сегодня для массы людей — норма. Вот, например: «Супружеская измена (по крайней мере, в физическом смысле слова) не должна считаться основанием для развода. Это естественное последствие современного брака». Или еще: «Большая семья представляет собой угрозу, поскольку каждый следующий ребенок понижает уровень жизни семьи».

Правда, кое-что так и не вошло в массовое сознание, например, зангеровский образ грудного ребенка как «маленького монстра» или «куска мяса». С другой стороны, шведская столица Стокгольм на прошедшем в конце 90-х годов Всемирном конгрессе семей в Праге уже была названа «первым постсемейным городом» — там две трети жителей, проникнувшись духом «свободной любви», никогда не имели и не собираются заводить семью.

Но что реализовалось «на все сто», так это растление малолетних. Хотя М. Зангер (как, впрочем, и ее последователи) выражалась более деликатно. Она ратовала за половую просвещенность детей и подростков, за то, чтобы «освободить их от сексуальных предрассудков и табу». И чтоб никакого морализаторства! Секс — естественное занятие для подростка. Если он чувствует, что созрел до сексуальной активности, то это — «его выбор».

Общество просит лишь, чтобы он не производил на свет детей. Все виды секса естественны, и никаких извращений не существует, если при этом не совершается насилие. А извращение, опять же, одно-единственное — иметь много детей. Сегодня, в начале XXI века, дети имеют возможность на каждом лотке, в каждом газетном киоске купить дешевый подростковый журнал (названий много, но содержание практически одинаковое) с открытой пропагандой «безопасного секса» и содомии. Последняя, впрочем, уже выведена Всемирной организацией здоровья (ВОЗ) из разряда патологии и причислена к разновидностям нормы, что тоже сообщается детям.

В 1942 году, в разгар войны с Гитлером, Зангер переименовала свою Лигу в Ассоциацию планирования семьи, а в 1948 году, получив подпитку из фонда Браша, который вкладывал большие средства в евгенические исследования, основала Международную федерацию планирования семьи (МФПС). Штаб-квартиру МФПС бесплатно предоставило Английское евгеническое общество.

Евгеника — наука об улучшении человеческой породы и выбраковке «беспородных» — активно пропагандировалась в фашистской Германии. В апреле 1933 года в немецком журнале «Ревю» была опубликована статья близкого друга М. Зангер Эрнста Рудина, которая называлась «Евгеническая стерилизация: насущная потребность». Впоследствии ее автор стал директором гитлеровского проекта генетической стерилизации. С крахом фашизма евгеника ушла в тень, но сегодня снова выходит на авансцену. Правда, чтобы не вызывать ненужных ассоциаций, ее обычно продвигают под флагом «генной инженерии».

Руководство Международной ассоциации планирования семьи обязывало все свои филиалы разрабатывать и внедрять в образовательные системы подопечных стран программы полового воспитания. Программы эти предполагали использование откровенных рисунков в учебных пособиях, дискредитацию традиционных нравственных ценностей, подрыв авторитета родителей и провоцирование половой распущенности подростков. Все эти принципы воплощены сейчас и в российских школьных программах.

Хотя в условиях развитой демократии проводить прополку «плевел человечества» (изящная метафора М. Зангер) довольно трудно, кое-какие успехи в США есть. Вот данные 80—90-х годов:

- в 1980-е г.г. Ассоциация планирования семьи начала открывать абортарии на базе школ. И из первой сотни клиник не было **ни одной** при школе для белых детей;

- число стерилизованных чернокожих женщин на 45 % выше, чем белых. Среди выходцев из Латинской Америки их на 30 % больше, чем среди белых. Стерилизовано 42 % всех индианок и 35 % пуэрториканок;

- в штатах Техас и Индиана «планировщики» разработали специальные программы для нацменьшинств. Чтобы заманить девушек и женщин в свои центры, они раздавали им талоны, дающие право на покупки товаров со скидкой, дарили модные диски и даже устраивали бесплатные танцульки.

Так что все добровольно, никакого открытого насилия. По сравнению с гитлеровскими «технологиями» — огромный шаг вперед;

- в некоторых странах Африки проводилась инъекционная стерилизация под видом вакцинации женщин от различных тропических болезней.

27 апреля 1974 года в основные ведомства США: Министерство обороны, ЦРУ, Министерство сельского хозяйства, Агентство международного развития — был послан запрос, подписанный госсекретарем Генри Киссинджером. «Президент распорядился изучить влияние роста мирового народонаселения на безопасность США и соблюдение наших международных интересов», — говорилось в запросе. И не только изучить, но и предложить конкретные меры, как уменьшать население в суверенных государствах, не вызывая сильного противодействия властей и граждан. В результате появился документ, аббревиатура которого напоминала ружейный код: NSSM-200 (National Security Study Memorandum). Он был составлен Советом по национальной безопасности, возглавляемым самим президентом США (тогда это был Никсон). Главная задача Совета — координировать зарубежные операции всех подразделений правительства.

26 ноября 1975 года Меморандум стал руководством к действию в области американской внешней политики. Опубликование фрагментов этого документа стало возможным лишь в июне 1990 года. И, когда знаешь его содержание, многое из того, что происходит в нашей жизни, предстает в ином свете.

«При том, что население США составляет 6 % от мирового, мы потребляем около трети природных ресурсов, — признают авторы Меморандума. — В последние десятилетия Соединенные Штаты все больше зависят от импорта полезных ископаемых из развивающихся стран, и эта тенденция, судя по всему, продолжится... Поэтому США все больше заинтересованы в поддержании политической, экономической и социальной стабильности в странах-поставщиках...»

Продолжим цитирование: «Поскольку, снижая рождаемость, мы можем улучшить перспективы такой стабильности, — политика в области народонаселения становится весьма важной для соблюдения экономических интересов США». И еще более откровенно: «Быстрый рост населения в развивающихся странах... наносит ущерб их внутренней стабильности и отношениям с теми странами, в развитии которых США заинтересованы, создавая таким образом политические проблемы или даже угрозу национальной безопасности США».

«Когда перенаселение приводит к массовому голоду (речь идет о странах, богатых полезными ископаемыми. — Примеч. автора. Все встречающиеся в дальнейшем пояснения принадлежат авторам книги), голодным бунтам и социальным переворотам, это неблагоприятно для систематического освоения природных ресурсов и долгосрочных инвестиций». Следовательно, какой-то минимум стране все-таки надо оставить, «иначе концессии иностранных компаний будут экспроприированы или подвергнуты жестоким нападениям». И далее: **"...подобные кризисы наименее вероятны при низком или отрицательном приросте населения"**. Это как будто про нас сказано, хотя в 1975 году американцы планировали подобную "демографическую войну" прежде всего применительно к 13 наиболее многолюдным развивающимся странам (в том числе к Индии, Индонезии, Бразилии, Мексике, Египту и Нигерии).

Может возникнуть вопрос: а почему именно снижение рождаемости? Не проще ли уменьшать народонаселение за счет старых людей? Но, во-первых, это антигуманно (хотя некоторые западные страны уже приняли закон о "гуманном" убийстве больных стариков — эвтаназии), а, во-вторых... "Молодые люди... более подвижны, нестабильны, склонны к экстремизму, оппозиционности и насилию, чем старшее поколение. Их легче мобилизовать на атаку институтов законной власти или собственность "истеблишмента", "империалистов", мультинациональных корпораций или других — часто иностранных — учреждений, на которые сваливают вину за неполадки в стране".

Снижать рождаемость предполагалось уже отработанным способом — распространением служб планирования семьи, которые занимались бы пропагандой "простых, дешевых, эффективных, безопасных, продолжительно действующих и приемлемых методов предупреждения беременности". **"Это жизненно важный аспект** для любой программы по контролю над мировым народонаселением", — честно признавались авторы Меморандума. Можно насаждать службы планирования семьи в качестве самостоятельных организаций, а можно — для отвода глаз — вписывать их в уже имеющиеся структуры здравоохранения, привязывая к охране здоровья матери и ребенка, снижению материнской и младенческой смертности. "Интеграция планирования семьи в систему здравоохранения поможет нам опровергнуть... обвинение в том, что США больше заинтересованы в снижении численности людей в развивающихся странах, нежели в обеспечении их будущности".

Далее: "Мужская и женская стерилизация получает широкое распространение, когда эта операция упрощается, ускоряется и становится безопасной. Женская стерилизация усовершенствовалась благодаря применению лапароскопов и полостных операций". Мужскую стерилизацию тогда предполагалось еще немного "доработать".

А насчет "полостных операций"... По свидетельству беременных женщин, российские гинекологи теперь усиленно пропагандируют кесарево сечение, находя чуть ли не для каждой соответствующие медицинские обоснования. А заезжие спецы из Америки проводят учебные семинары по "методике постродовой стерилизации".

Вернемся к Меморандуму. "Ключевым фактором эффективного использования существующих контрацептивных техник была и остается проблема образования". "Не снижая усилий, направленных на взрослое население, необходимо сконцентрироваться на юном поколении — тех, кто сейчас в начальной школе или еще моложе".

Теперь вам понятно, почему в нашей школе так упорно навязывают "половое воспитание", а в наших дошкольных учреждениях появились добрые тетеньки, готовые совершенно безвозмездно просветить четырехлеток, "откуда берутся дети"?

Но, конечно, одного предложения "услуг по планированию семьи" мало. Необходимо организовать спрос, создать социальные и психологические предпосылки для якобы стихийного снижения рождаемости. Например, важным фактором такого снижения, как сказано в Меморандуме, является более позднее вступление в брак. Предусматривалась и "ориентация новых поколений на создание малодетной семьи". А применительно к развивающимся странам "крайне необходимо убедить широкие массы в том, что в их индивидуальных и национальных интересах иметь в среднем троих, а потом и двоих детей".

Вообще, в секретном документе "необходимости убеждать" народы этих стран уделяется очень много внимания. Прямо говорится, что политика планирования семьи обречена, если она "не поддержана изнутри", и авторы документа призывают опираться на местных лидеров. Как этого добиться? Во-первых, приглашением их на семинары в Нью-Йорк со всеми сопутствующими этому приятными обстоятельствами. Во-вторых, "можно минимизировать обвинения в империалистической мотивации... если неустанно повторять, что мы заботимся:

а) о праве каждого человека свободно и ответственно определять число детей и промежутки между их рождением... и

б) о социально-экономическом развитии бедных стран..." А для гарантии успеха Меморандум рекомендует, предоставляя той или иной стране кредиты, продовольствие и другие виды помощи, учитывать, как она себя ведет в области family planning. Сокращает свое население или морочит голову богатой тетушке Америке?

Кстати, с тех пор разрыв между самыми бедными и самыми богатыми странами только увеличился, детская смертность ужасает своими показателями, а во многих развивающихся странах всю эксплуатируется детский труд. Зато по части контрацептивов все планы перевыполнены: их потребление с 1974 года увеличилось более чем в 5 раз.

"Секретный план" бесценен еще и тем, что в нем подробно рассказывается о его исполнителях. Кроме Агентства США по международному развитию (ЮСАИД) среди них нет организаций чисто американских — только международные. Главная или, как говорят бюрократы, "головная" — Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА). Теоретически в этот Фонд поступают пожертвования от самых разных стран. В 1974 году их было 65, однако вклад США составлял примерно половину от общего бюджета Фонда. В последующие годы эта доля снизилась, но не слишком значительно.

ЮНФПА, по замыслу авторов Меморандума, играет координирующую роль в осуществлении депопуляционных проектов. Под его дудку пляшут такие организации, как ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) и многие другие, в том числе и Международная федерация планирования семьи (МФПС). "США должны объединить страны-доноры, ВОЗ, ЮНФПА, ЮНИСЕФ и Всемирный банк для создания консорциума, который бы помогал наиболее нуждающимся странам в организации... системы здравоохранения, неотъемлемой составной частью которого станет планирование семьи". ЮНЕСКО призывалась возглавить работу с учениками начальной школы, чтобы внушить им "в процессе формального и неформального обучения" идеал малодетной семьи. Все эти замыслы, как показало дальнейшее развитие событий, удалось успешно претворить в жизнь.

Так что в Меморандуме представлены стратегия и тактика войны нового образца. Причем в отличие от войн ядерной, химической или бактериологической - **демографическая война уже идет**. Сами американцы поняли это давным-давно. Еще весной 1989 года на страницах журнала "Вашингтон

Куотерли" в статье «Глобальные демографические тенденции к 2010 году в аспекте безопасности США» Пентагон открыто призывался к тому, чтобы "планированию населения" был придан статус программы по разработке новых видов оружия (*Global Demografie Trends to the Year 2010: triplications for U.S. Security. Washington Quarterly, Spring 1989*).

До 1991 года наша страна проводила суверенную демографическую политику и, естественно, упомянутые международные программы нас не касались. Но в 1991 году СССР перестал существовать, и мы сразу получили место в черном списке стран, подлежащих "демографической коррекции", "демографическому сдерживанию". (Не правда ли, изящные замены шокирующего слова "геноцид"?). Уже на следующий год в "суверенной России" появилась новая общественная организация — Российская ассоциация планирования семьи или РАПС. (В настоящее время переименована в РАНИР — Российская ассоциация народонаселения и развития.)

В 1992 и 1994 годах соответственно в Рио-де-Жанейро и Каире состоялись международные конференции по народонаселению, на которых миру была навязана программа так называемого "устойчивого развития", предполагающая консервацию того уровня потребления, который позволяют себе сегодня развитые страны (и одновременно — консервацию нищеты, присущей развивающимся странам, поскольку именно она служит в данном случае мировым "консервантом"). Конференции проходили под эгидой ООН, но процитируем отрывок из заявления президента Клинтона, сделанного им в 1997 году в связи с финансированием Конгресса международных программ по народонаселению. "Мы подтверждаем, что США будут и впредь занимать руководящую роль в мире по предоставлению добровольной помощи в области планирования семьи... Планирование семьи является **ключевым моментом** нашей всеобъемлющей стратегии..."

"Программа действий по регулированию народонаселения", принятая в Каире, фактически повторяет американский Меморандум национальной безопасности 1974 года. О сокращении рождаемости в Каире было заявлено достаточно прямо (разумеется, только для сохранения здоровья женщины и соблюдения ее репродуктивных прав!). В списке организаций, принимающих участие в разработке и финансировании соответствующих программ, — наши старые знакомцы: ЮНФПА, Всемирный банк, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, МФПС и Совет по народонаселению, учрежденный в свое время Ф. Осборном, сподвижником Маргарет Зангер, а также "Ассоциация за добровольную хирургическую контрацепцию" (т. е. стерилизацию) и Фонд Рокфеллера.

В июле 1999 года, выступая на 21-й Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, тогдашний вице-премьер Правительства России, а ныне спикер Совета Федерации РФ, В. И. Матвиенко заявила: **"Россия полностью привержена духу и целям Каирской конференции. Следуя установкам Каира, правительство целенаправленно проводит свою политику в области народонаселения"**. Но какие рекомендации можно вычитать из документов Каирской конференции? И как они соотносятся с сегодняшними российскими реалиями?

— Демографические цели, которые ставит перед собой государство, не должны навязываться агентам служб планирования семьи (рекомендация 11).

Иными словами, чтобы государство не давило "агентов" своими "демографическими целями", систему планирования семьи необходимо сделать максимально децентрализованной и неконтролируемой. Поэтому в нашей стране с 1992 года появились: РАПС (с 52 филиалами), Международный фонд охраны здоровья матери и ребенка (в 1997 г. у него было 40 региональных представительств), Российское общество контрацепции, международные женские центры, а также множество загадочных учреждений — "Эзоп", "Ариадна", "Ювентус", "Магистр" и прочие, — которые под видом досуговой или просветительской деятельности проводили (или проводят) антирепродуктивную пропаганду. А наряду с ними — более 300 государственных центров планирования семьи под эгидой Министерства здравоохранения. Кроме того, такие центры вписывались в уже существующие поликлиники, больницы, женские консультации. Помните, в американском Меморандуме рекомендовалось на выбор две технологии: либо создание отдельных центров, либо их интеграция в медицинские учреждения? Наши "планировщики" осуществили и то, и другое, а Президентское послание к Федеральному собранию от 10 мая 2006 года, в котором отчетливо звучит призыв считать улучшение демографической ситуации приоритетной целью нашего государства, им не указ!

— Ненужные медицинские и законодательные ограничения к сервису по планированию семьи должны быть устранены (рекомендация 14).

Еще в 1997 году премьер Черномырдин подписал постановление с перечнем "социальных показаний", по которым женщинам позволено сделать аборт даже на 22-й неделе беременности, когда

ребенок уже вполне может появиться на свет живым! Под этот перечень — бедность, плохие жилищные условия, отсутствие постоянной работы, развод с мужем и т. п. — подпадало большинство женщин нашей страны. (Слава Богу, после многократных требований общественных организаций, главным образом Московской ассоциации православных врачей, в июне 2003 года правительство существенно сократило этот позорный список.) Увеличено и число медицинских показаний для стерилизации, теперь чуть ли не воспаление легких может послужить основанием для перевязки маточных труб.

— *Правительства и неправительственные организации должны поощрять предоставление услуг в области планирования семьи по различным каналам таким группам населения, как подростки, мигранты и беженцы (рекомендация 15).*

На пятилетнем юбилее РАПС в 1997 году тогдашний замминистра здравоохранения А. Д. Царегородцев бодро доложил: программа по планированию семьи для работы социальных служб с беженцами уже издана. И за семь лет в **500(!)** семьях русских беженцев из Таджикистана, проживающих в пригородах Москвы, **не родилось ни одного ребенка** (Илюхин В. И. «Обвиняется Ельцин». М., ФТМ России, 1999. Стр. 42).

— *Правительство должно признавать особые нужды молодежи и подростков, поддерживать программы, направленные на минимизацию риска заражения СПИДом и другими венерическими заболеваниями (рекомендация 16).*

Все программы "АнтиСПИД", которые нам довелось изучить, — а изучили мы их немало, — на самом деле лишь провоцируют интерес к сексу и половую распущенность. И, следовательно, увеличивают риск заражения СПИДом. Вот, например, полезные советы школьникам из челябинской программы "Беседы о СПИДе": "Всегда пользуйся презервативом при вагинальном и оральном сексе; если заниматься анальным сексом, пользуйся специальным, особо прочным презервативом и большим количеством смазки; будет еще безопаснее, если вместо сексуального контакта заниматься сексуальными играми без проникновения: поцелуй, ласки, массаж, мастурбация". А первоклассников из города Ярославля обучали игре "Инфо-антиСПИД", участники которой лихо меняют "половых партнеров" — естественно, понарошку.

Ну, а чтобы все это стало возможным, надо активно внедрять в жизнь еще одну рекомендацию:

— *Особое внимание следует уделять обучению педагогов и развитию соответствующих коммуникационных методик, направленных, в частности, на устранение чувства ложной стыдливости (рекомендация 20).*

В России это стали называть "уроками по снятию стыда" — с них начинаются многие программы секс-просвета.

Как мы уже говорили, "шумовым прикрытием" демографической войны служат декларации прав женщин на свободный выбор, заявления о необходимости борьбы с абортами, СПИДом и венерическими заболеваниями, об охране репродуктивного здоровья. Однако даже по официальной российской статистике на сегодня из 10 беременностей 7 по-прежнему оканчиваются абортами, а заболеваемость сифилисом и СПИДом за последнее десятилетие выросла многократно. Так называемая "охрана репродуктивного здоровья" (а по существу - отвлечение средств от реальной заботы о женском здоровье и направление их на антидетородную пропаганду) сопровождалась в девяностые годы трехкратным ростом анемий (малокровия) среди беременных, более чем двукратным увеличением числа расстройств менструального цикла, ростом бесплодия и заболеваемости раком молочной железы и матки. То есть ни одна из декларируемых целей не была достигнута.

Зато в те же 90-е годы рождаемость в России снизилась почти вдвое, количество детей в стране сократилось почти на 4 млн. человек. И хотя сами "планировщики" будут уверять, что виновата в этом исключительно плохая экономика, в документах для внутреннего пользования (*Доклад миссии ЮНФПА. С. 18*) вполне определенно указывается на связь между снижением рождаемости и растущей популярностью современных противозачаточных средств.

Добавим, что секс-просветовская трактовка гомосексуализма как варианта нормы могла только способствовать распространению СПИДа. А по заключениям виднейших психиатров (проф. Драпкин Б. З., проф. Козловская Г. В., проф. Остроглазов В. Г. и др.) программы сексуального просвещения, разрушая чувство интимного стыда — **одного из главных показателей психической нормы**, — инвалидизируют детскую психику, искусственно растормаживая сферу влечений, замедляют умственное развитие. Соответственно повышается вероятность наркотизации подростков и заражения их венерическими заболеваниями и тем же СПИДом. Рост агрессивности, неизбежно связанный с преждевременной сексуализацией, толкает подростков в криминальные сообщества. Не случайно к концу XX началу XXI века смертность среди мальчиков и девочек 15–19 лет увеличилась на 50 %. Теперь

о перспективах.

По прогнозу ООН (*"Краткий доклад о контроле за мировым населением, 1999 год: рост, структура и распределение населения"*. ООН, Комиссия по народонаселению и развитию. 32 сессия, 22–30 марта 1998 года. Стр. 7) Россия к 2050 году должна выйти на первое место в мире по убыли населения, которое составит тогда 121 млн человек, притом что 101 млн. будет у Турции — нашего черноморского соседа).

Америку, напротив, ждет к 2050 году огромный прирост — 75 миллионов человек. Для развитой страны это фантастические показатели! Вероятно, с учетом подобных прогнозов американцы начали перестраивать свою политику в области образования: отменять секс-просвет и вводить "программы целомудрия" с ориентацией на брак, супружескую верность и многодетность. Думаем, в самом скором времени они решительно ужесточат отношение к контрацепции, абортам и гомосексуализму. Подобно табаку и спиртному, противозачаточные средства, аборт и разврат не будут поощряться в Соединенных Штатах, а сделаются по преимуществу "экспортным товаром".

И если сравнить ожидаемую в 2050 году численность населения США (349 млн. человек) и России, станет очевидным, что к середине XXI века демографическая война против нашей страны будет "успешно" завершена.

"Стремительные политические, экономические, социальные и **демографические** изменения, произошедшие в Российской Федерации... имеют историческую важность и **далеко идущие последствия**", — сказано в уже цитировавшемся нами Докладе миссии Фонда народонаселения ООН (ЮНФД 1997. Стр. 6). Сегодня все мы должны вдуматься в эту обтекаемую фразу и перестать относиться к проблеме планирования семьи как к чему-то третьестепенному. Демографическая безопасность — наиважнейшая составная часть национальной безопасности. Службы, препятствующие деторождению на нашей территории, необходимо закрыть, а демографическую политику сделать полностью свободной от иностранных влияний и вливаний.

Политика России должна быть направлена на преумножение и защиту жизни народа, а не на планирование небытия!

Мы в течение последних 20-ти лет старались внести свой посильный вклад в дело сопротивления насаждению нашему народу, особенно молодежи, губительных стереотипов мышления и поведения и надеемся, что эта книга поможет постепенно перейти от обороны к наступлению и в конечном итоге — к победе.

Глава I **Я НЕ ПРОСИЛ МЕНЯ РОЖАТЬ**

Дети как предмет роскоши

Когда родители слышат от ребенка фразу: "Я не просил меня рожать", они цепенеют. А ребенок, чувствуя себя победителем, продолжает натиск и нередко добивается своего. Родители же еще долго пребывают в растерянности, терзаясь вопросом: что на это сказать? С одной стороны, логически все так: и, правда, не просил... (Хотя как он мог попросить, если его еще не было?) А с другой стороны, самые разные люди, не сговариваясь, ощущают одно и то же: их ребенок проявил какую-то страшную, черную неблагодарность. И это очень больно ранит и одновременно ставит в тупик. Ведь опять же, рассуждая логически, особенно благодарить часто бывает не за что.

От кого-то мать отказалась прямо в роддоме. Кто-то живет с папой-алкоголиком, а у кого-то даже такого папы нет. Кто-то побирается по электричкам, кого-то тяжелая болезнь с младенчества приковала к постели.

Но и в случае вполне благополучной, даже счастливой детской судьбы детство быстро проходит, и рано или поздно человека все равно настигают болезни, утраты, горести. А в конце — смерть.

"Ну, и за что тут благодарить?" — сокрушенно вздыхая, думают родители.

Тем более что почва для сокрушения густо унавожена сегодняшним идеологическим компостом. Ведь в вопросе деторождения постепенно произошел очень серьезный сдвиг.

Когда люди верили в Бога, супруги вообще особо не размышляли, желанен ребенок или не желанен, уместен или неуместен. Ребенок — дар Божий, о чем тут рассуждать? Не хочешь иметь детей — не женись. Или, если женился, но по каким-то причинам детей иметь не можешь, воздерживайся от интимной близости.

Потом, по мере охлаждения веры, ребенок все больше и больше становился вопросом личного

выбора. Чему, конечно же, способствовали все новые и новые медицинские изыскания в области предупреждения беременности. Однако выбор семьи почти всегда склонялся в положительную сторону: в принципе детей иметь хотелось. Правда, количество желаемых потомков неуклонно уменьшалось. В последние десятилетия XX века общепринятым суждением было примерно такое: "Ну, один ребенок это, конечно, маловато, эгоистом вырастет. А два — в самый раз! Куда больше?" Причем это "больше", как правило, не подразумевало материальной составляющей ("мы не можем себе позволить"). Наоборот, многодетность давала надежду на улучшение плохих квартирных условий.

Голодная смерть в эти годы детям, даже если их было больше двух, тоже не угрожала. Образование и здравоохранение были бесплатными. Значит, и это не вводило в дополнительный расход. Так что под "куда больше?" даже в нашей безбожной советской стране подразумевалось осуществление неких духовных идей: ребенок как повторение любимого человека, как возможность обрести родственную душу. В том числе и мотив продолжения самого себя — "пусть частичка меня живет в моем ребенке".

Сегодня же... нет, нельзя сказать, что дети никому не нужны и что духовные мотивы исчезли. Но если человек не верит в Бога, то потребность в ребенке все чаще перемещается в сферу материальную. Ребенок начинает восприниматься чуть ли не как составная часть потребительской корзины человека с высоким качеством жизни. Сначала нужно обзавестись жильем, приличной обстановкой, включающей в себя помимо мебели массу бытовых и развлекательных приборов, существование без которых, по современным стандартам, кажется неполноценным, а то и невозможным. (Как жить без телевизора? Откуда мы тогда узнаем новости? А без компьютера? А без стиральной машины?..) Естественно, молодой семье нужен автотранспорт. Потом еще какое-то время необходимо пожить для себя. И лишь потом можно начать думать о ребенке.

Хватит ли средств для достойного воспитания и обучения будущего наследника, для его цивилизованного отдыха и культурных развлечений, которые тоже нынче недешевы? Не говоря уж о полноценном, сбалансированном питании, красивой, модной одежде и ярких игрушках. Нельзя же допустить, чтобы он чувствовал себя ущербным, изгоем, хуже всех! Это ведь чудовищная травма!

Если принять такой взгляд на жизнь, очень быстро окажется, что ребенок уже не является Божиим даром. Он превращается в предмет потребительской корзины и даже, более того, в **предмет роскоши**. И позволить его себе может далеко не каждый. Чем "ответственней" и атеистичней потенциальный родитель, тем меньше он ощущает право на родительство. Человек, не верующий в Бога, не надеющийся на Него, со страхом думает о хронической нестабильности. Его пугает инфляция, межэтнические конфликты, терроризм, угроза безработицы, потеря накоплений и здоровья.

И от рождения ребенка отказываются потому, что он воспринимается не как Божие благословение, а как роскошь. А роскоши, конечно, хотелось бы, но в наше нестабильное время без нее можно и обойтись. Скромнее надо жить. Что делать? Не всем же быть миллионерами...

Этап полного отвержения детей в нашей отставшей от мировой цивилизации стране пока не наступил. Хотя кое-какие сигналы из недалекого будущего до нас доходят. В начале 2000-х годов при поддержке компании "Юкос", начал выходить и бесплатно распространяться в молодежной среде глянцевого журнала "Ракел". Журнал не просто для новой молодежи, а, если можно так выразиться, для "новых лучших", которые с высокомерной иронией взирают на простецкую молодежь.

Во всех публикуемых материалах видны потуги создать что-то вроде "высокой моды" на сверхсовременный стиль жизни. Это кредо выражено уже в названии на обложке. Три первые буквы по-английски означают грязное ругательство, но это юмор для посвященных. Всем же остальным, в случае чего, можно попенять на испорченное воображение.

Под статью и содержание журнала. Такую грязь, как метко выразился когда-то по сходной проблеме К. И. Чуковский, "без калош читать нельзя". Но зато все с претензией на оригинальность. Это, кстати, часто бывает у маргинальных меньшинств.

Ну, так вот, в одном из номеров была помещена, можно сказать, программная статья на тему детей (*Вяземская А. «Я никогда не буду одна»*) "Дети? Неизбежное зло, — говорит одна моя подруга. "Я с ужасом поняла, что больше никогда не буду одна", — написала мне, родив, другая. Третья, падая и плача от недосыпа, шепчет в трубку онемелыми губами: "Эта сволочь не спит"... Или другой перл из той же статьи: "Вот он, твой малыш. Такой милый, хороший, ходит под себя, беспрестанно орет, пускает слюни и пучит глаза". Читаешь и поражаешься: надо же, такие заявки на оригинальность и одновременно такой беззастенчивый плагиат!

Ведь еще в 20-30-е годы прошлого столетия в журналах родоначальницы "планирования семьи" Маргарет Зангер ребенок изображался "орущим куском мяса"!

И подобные пассажи не новы: "Хочешь нести ответственность за наличие корки засохших соплей у него под носом и регулярность его физиологических отправлений? Может быть, хочешь запаривать по вечерам чернослив и впихивать ему в рот под дикий визг, а он в ответ будет плевать в тебя коричневой гадостью?"

Вот-вот! Сторонники Зангер, описывая младенцев, тоже старались вызвать к ним отвращение и брезгливость. Другое дело, что в нашей стране до сих пор так публично не изъяснялись. А теперь эти нравственные помои преподносятся как совершенно нормальные.

Ну, а те, кто еще не дорос до таких высот, могут, конечно, заниматься идиотизмом: рожать, нянчиться, воспитывать. Но только пусть от детей ничего не требуют: "Забудь... о какой-либо благодарности. Это был твой личный выбор, значит, и ответственность только твоя. Наши дети нам ничего не должны... **Они нас рожать не просили**".

Так выстраивается новая идеология, новое мировоззрение, в котором дети уже не Божие благословение, а проклятие судьбы.

Компенсация за неубийство

В 2000 году европейская практика судопроизводства обогатилась прецедентом, который еще недавно мог быть сочтен остроумным вымыслом. Мы имеем в виду так называемое "дело Перрюша". Суть такова: умственно отсталый мальчик получил по решению суда денежную компенсацию за то, что его мать в свое время не сделала аборт. На следующий год уже три семьи, дети которых (от 9 до 11 лет) родились с физическими недостатками, потребовали себе компенсации, и высший апелляционный суд Франции постановил, что инвалиды имеют право на материальное вознаграждение за то, что их матерям не была предоставлена возможность от них своевременно избавиться. СМИ откликнулись на это заголовками типа "Суд Франции признал право ребенка быть нерожденным".

Процесс, как видите, встречный: с одной стороны, родители получают все большие права и возможности не рожать детей. С другой стороны, детям предоставляется вопиющее по своей абсурдности право быть нерожденными. Ведь предъявлять это право может только уже появившийся на свет!

Нет, совсем не все французы с восторгом приняли такое расширение прав ребенка. Но интересно, какие они выдвигали аргументы. По сообщению того же агентства Lenta.ru, "решение вызвало резкую критику со стороны организаций врачей. Страх перед судебными исками заставит их рекомендовать аборт при малейшем намеке на какой-либо врожденный недостаток". А представители Организации по правам инвалидов сетовали на негуманность решения суда и выражали опасения, что теперь не только врачей, но и родителей, давших жизнь больному ребенку, смогут обвинить в безответственности.

То есть все аргументы лежали в поле гуманизма и рациональной логики. А на этом поле безбожная либеральная идеология неизменно одерживает победу за победой. От очередного либерального наскока консервативная часть общества поначалу испытывает шок, потом пытается протестовать, но терпит поражение и привыкает к новшеству как к неотъемлемой составляющей современной жизни. Однако такое положение возможно только тогда, когда дискуссия лишена религиозного фундамента. Когда не только либералы, но и приверженцы традиционной морали не говорят о Боге и Его установлениях, молчаливо подразумевая, что это нечто отжившее, ненаучное, непрофессиональное — то, о чем даже как-то неприлично упоминать в обществе цивилизованных людей. В этой ситуации либералы не просто одерживают победу силой своих аргументов, но и неизменно выглядят более человечными.

Противники абортов говорят, что операция вредна для здоровья.

— Безусловно! — соглашаются либералы. — Женское здоровье — непререкаемая ценность!

И предлагают abortивные таблетки — никакого риска и никаких страданий.

Что?! Гомосексуалисты не имеют права преподавать в школах? Да это ж дискриминация! Нельзя допустить, чтобы кто-то чувствовал себя изгоем, чтобы развивался комплекс неполноценности, который может привести даже к суициду. И принимаются "гуманнейшие" законы, позволяющие содомитам работать не только в школах, но и в яслях.

И на претензии тоже очень "гуманной" Организации по правам инвалидов либералы не замедлят ответить. Эти умелые игроки в гуманизм всегда найдут чем крыть.

— Конечно, родителей жалко, — посетуют они, а потом выложат козырную карту: — Но ведь ребенку-то инвалиду еще хуже. Разве это жизнь? Никаких радостей, никаких удовольствий, никаких наслаждений — одни страдания. Нет уж, простите, такая безответственность должна быть наказуема.

Кто мешал брачным партнерам пойти в генетическую консультацию, своевременно сдать анализы и, узнав о вероятности рождения больного ребенка, прервать неудачную беременность?

Наши супергуманисты были бы кругом правы, если, как выражается один известный московский священник, "не учитывать фактор Бога".

— Знаю, что вы сейчас скажете! — отмахнется читатель. — Вы, собственно, с этого начали. Жизнь дают не люди, а Бог, и не человеку решать, кому жить, а кому нет. Человек должен только благодарить и кланяться — за "бесценный дар жизни", как любят выражаться верующие. Нет уж, мои дорогие! Это смотря какая жизнь! Одна, может, и бесценный дар, а другая больше похожа на проклятье.

Но жизнь — бесценный дар не потому, что она обязательно прекрасна, исполнена наслаждений и сулит бесконечное количество возможностей. Нет, вовсе не это смутно чувствуют родители, воспринимая упрек "я не просил меня рожать" как проявление неблагодарности. Был когда-то советский фильм "Путевка в жизнь". Так вот, рождение — тоже путевка. И не просто во временную земную жизнь, а в вечность. Куда человек в этой вечности попадет, во многом зависит от его свободной воли, оттого, как он пройдет свой земной путь. Но возможность обрести вечную жизнь одна — через зачатие и рождение. А ее-то, эту самую главную возможность, как раз и не принимают в расчет безбожные гуманисты, рассуждая о неравенстве возможностей здоровых и больных.

Творец жизни — Господь, а родители — ее единственные проводники. Только через них Он воплощает Свой замысел. И именно за это — за потенциальную возможность обрести небесный рай — дети должны быть вечно благодарны родителям. Любим, даже самым что ни на есть дурным и безответственным. Даже тем, кто бросил своих детей. Тем, кого в житейском смысле и родителями-то не назовешь. Недаром пятая заповедь не призывает почитать хороших родителей, а лаконично, безо всяких уточнений гласит: "Чти отца твоего и мать твою". То есть **любых!**

Итак, метафизическая роль физических родителей абсолютно уникальна, и потому сатана, что в переводе с древнееврейского означает "противник", всячески старается эту роль затушевать, принизить, опорочить. Сколько запущено в оборот уничижительных выражений: "дурное дело нехитрое", "сделали ребенка", "наклепали детей", "животный инстинкт материнства"; сравнений из области зоологии ("плодовита, как крольчиха", "она уже с икрой", "он взял ее с приплодом", "отелилась"); из ботаники ("ты — женщина, а не семенной огурец!"); из кулинарии ("с начинкой").

Кто поставит под сомнение справедливость афоризма "Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала"? Еще чаще такое можно услышать об отце. И в нравственно-этическом плане это правильно. А в мистическом ошибочно. Но поскольку для многих людей вечная жизнь — либо миф, либо невообразимая абстракция (да что говорить, даже христиане не всегда связывают зачатие, вынашивание и рождение человека с бессмертием души), роль кровных родителей не так уж сложно принизить до животного уровня, а то и вовсе свести к нулю.

Когда об этом думаешь, по-новому высвечиваются слова апостола Павла из 1-го Послания к Тимофею. Не постижение премудрости, не преуспевание в каком-то ремесле или общественных делах и даже не воспитательная функция (мальчиков в старину женщины почти не воспитывали) названы залогом женского спасения, а, выражаясь современным языком, функция репродуктивная: "Жена... спасется через чадородие". Конечно, при условии, "если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием" (1 Тим. 2,15). Но последнее заповедано всем христианам, независимо от пола, а вот чадородие — специфически женский путь спасения, возможность для каждой женщины искупить грех праматери Евы.

По вине Евы человеческий род был изгнан из земного рая, и теперь ее дочери должны искупать первородный грех рождением потенциальных обитателей рая небесного. А как часто слышишь даже от православных женщин, что лучше родить одного-двух детей, зато дать им хорошее воспитание и образование! Дескать, количество потомства обратно пропорционально качеству жизни каждого из детей: на еду, на одежду, на различные кружки и студии, на обучение в школе и вузе — на все нужны деньги. Поделив на нескольких, не дашь по-настоящему никому. Согласитесь, это иной взгляд на "цели и задачи материнства".

— Нашли тему для иронии! — гневно воскликнет благочестивая мать. — А что, разве уже не обязательно воспитывать и выучивать детей? Нарожать, а там пусть растут, как сорная трава? Ничего себе у вас понятие о родительском долге!

Но ведь мы не спорим о важности воспитания. Только, во-первых, одно нельзя противопоставлять другому, а во-вторых, не следует так смещать акценты на земную жизнь. В одной широко известной молитве матери о чадах своих почти дословно повторяется строка из книги пророка Исайи. Там, правда, говорится: "Вот я и дети, которых дал мне Господь" (Ис. 8, 18). А в молитве читаем: "Удостой меня, с

упованием на Твое милосердие, предстать с ними [с детьми] на Страшном суде Твоим и с недостойным дерзновением сказать: "Вот я и дети мои, которых Ты дал мне, Господи!"

Ты, а не я! А что должна будет сказать женщина, руководствовавшаяся ленинским принципом "лучше меньше, да лучше"? Ты давал, а я не хотела? Думала, мне виднее, когда придет нужный момент? Полагалась не на Тебя, а на себя? Считала, что слова апостола мне не указ? Не верила в помощь Твою и Твое промышление о моей семье?

Даже если отказ от многодетности не связан с эгоистической боязнью трудностей, все равно он свидетельствует о маловерии. Так что не только аборт и гормональная контрацепция, фактически вся имеющая abortивный эффект, не только "барьерные" методы, связанные с излитием семени (грех Онана, каравшийся в Ветхом Завете смертью), но и самые, казалось бы, невинные, "естественные" методы планирования семьи, мягко говоря, небезупречны.

И пусть никому из нас неведомо, кого Господь помилует и введет в Царствие Небесное, все же чем больше детей, тем больше надежда, что хотя бы кто-то станет праведником и молитвенником о нашем роде. Не потому ли так преизобилует сейчас благодать на тех православных семьях, которые вопреки логике "мира сего" полагаются на волю Божию и "в наше трудное время" рожают много детей? Эту благодать чувствуешь почти физически, особенно если родители сами из многодетных православных семей, их предки тоже были чадолюбивы, и правильное устройство семьи и жизни не нарушалось ни в одном поколении.

"Планировщики" из преисподней

В XX веке, когда идеология планирования семьи, провозглашающая право людей на "безопасный секс" (то есть на разврат, отказ от деторождения и аборты), пронизала как международное право, так и национальные законодательства многих стран, началась сатанизация мира. Хотя люди пребывают в уверенности, что это никакой не сатанизм, а, наоборот, просвещенность, цивилизованность и гуманность.

Однако по поводу абортов, которые так рьяно пропагандируются "планировщиками семьи", архимандрит Рафаил (Карелин) в книге "В аду на земле" пишет следующее: "В 1580 году французский юрист Жан Бодлен попытался систематизировать преступления колдунов и ведьм по 16 пунктам. Шестой пункт гласил, что эти пособники нечистой силы "посвящают дьяволу зародыши, находящиеся в утробе матери". Затем эти зародыши умерщвляли, из них приготавливали колдовскую мазь — аналог нынешних фетальных, то есть эмбриональных препаратов...

Мать, убивающая ребенка, сама того не понимая, соучаствует в колдовском ритуале — в посвящении ребенка демону, а вместе с ним — своей души".

В основе идеологии планирования семьи лежит одно — отвержение Божественного замысла о себе и о своем спасении. А ребенок, говорящий родителям о том, что он не просил его рожать, еще и отвергает непосредственных исполнителей этого замысла, родителей.

"Я не просил меня рожать..." Так мог бы завопить из глубин преисподней нераскаянный грешник, привыкший всегда и во всем винить других и неизбежно доходящий в своем исступлении до богоборчества. Теперь же этот адский вопль все чаще исходит из уст детей — тех, кого еще недавно было принято сравнивать с ангелами.

Все мало-мальски серьезные явления общественной деятельности устроены по типу слоеного пирога. Верхний слой самый очевидный, но, как правило, не самый главный. А главное обычно таится внизу, в основании, до которого добираться далеко не сразу. Первый слой пирога "планировщиков", конечно же, коммерческий: фармакологические компании стремятся как можно шире распространять свою контрацептивную продукцию, аборты тоже приносят прибыль, можно неплохо заработать и на школьных секс-программах.

Второй слой, с трудом, впрочем, отделимый от первого, нравственный (с приставкой "без"). В "половом воспитании" детей весьма заинтересованы порнодельцы. Это позволяет им выращивать кадры потребителей и производителей соответствующих товаров и услуг. Расшатывание моральных норм дает возможность более успешно проводить вестернизацию, насаждать новую идеологию, в которой главная цель человека — получать удовольствие. Вот вам еще один слой, идеологический. С ним сцеплен четвертый, геополитический: снижение рождаемости ослабляет государство и, в конечном счете, ведет к его уничтожению.

А начинка, суть — в самом низу: слой потаенный, оккультный, о котором многие, соприкасающиеся с планированием семьи, даже не догадываются. Вот только можно ли сущность

назвать слоем? Правильно ли это? Пожалуй, точнее сравнить оккультизм с закваской, без которой ни одного слоя бы не было. Не взшло бы тесто.

Оккультную подоплеку "планирования семьи" вначале лишь смутно ощущаешь. Ведь тайные знания потому и тайные, что о них негде прочитать, негде услышать. Да и спросить не у кого. Но что ни возьмешь в руки: рекламный ли буклет, программу ли для детей, пособие для родителей — от всего тянет таким сернистым дымком сатаны.

Не один раз мы наблюдали реакцию тех, кто впервые видел материалы, выпущенные Российской ассоциацией планирования семьи (РАПС) и сходными с ней конторами. Люди цепенели, на их лицах отражалась какая-то смертная тоска. Кричащая непристойность таких чувств не вызывает. Скорее, шок, возмущение, защитный смех.

Пускай даже любопытство! Главное, что нравственная система координат не рушится. В худшем случае может поменяться место самого человека в этой системе, но он все равно будет понимать, где верх, а где низ, где порок, а где добродетель.

С "планировочно-просветительской" же литературой картина принципиально иная. Это жизнь в перевернутой системе координат, где верх и низ незаметно меняются местами. Где разврат уже не разврат, а "альтернативные формы семьи", где убивать нерожденных детей нравственно (дабы "не плодить нищету"), но безнравственно порицать содомитов. Где не стыдно распалить в детях чувственность, зато очень стыдно быть стыдливым. "Планировщики" создают такой мир, в котором система координат антагонистична традиционному, прежде всего, христианскому миру. Это реальность преисподней, где тоска и скрежет зубовой. Уж не предчувствие ли этой inferнальной тоски омрачает лица людей, когда они листают рапсовские брошюры?

Даже очень беглый экскурс в историю выявляет любопытные связи. Идеолог современного движения "планирования семьи" Маргарет Зангер, основательница Лиги контроля над рождаемостью, была членом Ордена розенкрейцеров — тайной масонской организации. Розенкрейцеровская символика (роза, лампада и проч.) украшала ее журнал "Birth Control Review" ("Контроль над рождаемостью"). Розенкрейцеры же в свою очередь во многом связаны со средневековым Орденом тамплиеров. Одним из самых известных представителей Ордена восточных тамплиеров был Алистер Кроули — идеолог современного сатанизма. Известно, что тамплиеры и другие масоны поклоняются Бафомету (одно из наименований сатаны).

Может, конечно, охранники репродуктивного здоровья напрочь лишены обоняния и не ощущают от "планировщиков" запаха сатанинской серы, настолько удушливого, что его уловили даже не обладающие особо тонким мистическим нюхом эксперты МВД. В приложении к справочнику "Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера", изданному в 2000 году, Российская ассоциация планирования семьи квалифицирована как "оккультный центр". В связи с этим возникает вопрос: по какому праву эти оккультисты получили в нашей стране всемерную государственную помощь и поддержку? Ведь 17 января 1992 года А. Шохин, бывший тогда заместителем председателя правительства РФ, подписал распоряжение № 92-р, в котором говорилось буквально следующее: "Положительно отнестись к созданию Российской ассоциации планирования семьи... Министерством и ведомствам Российской Федерации, Советам Министров республик в составе Российской Федерации, органам исполнительной власти краев, областей, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга, а также предприятиям и организациям, расположенным на территории Российской Федерации, оказывать Российской ассоциации планирования семьи необходимое содействие в ее деятельности".

Запах серы

Наверное, не все знают, что у сатанистов тоже есть "заповеди". Только не 10, а 13, так как 13 для них — счастливое число. И почти никто не осознает, что многие из этих "заповедей" прочно усвоены современным обществом и воспринимаются как нечто аксиоматичное, само собой разумеющееся, установленное от века. Скажем, вторая заповедь сатанистов гласит: "Не признавай запретов". Вспомните, сколько раз и по скольким поводам вы слышали, что запреты — зло, признак тоталитаризма, что запрещать бессмысленно, что запретный плод сладок, поэтому лучше, чтобы запретов не было?! Отрицание запретов — один из основных постулатов "планировщиков семьи". Позволим себе несколько цитат из книги М. Зангер "Поворотная точка цивилизации": "Пуританские и академические запреты на секс в образовании и религии губительны для благосостояния человечества... в отношении полов не пригодны религиозные нормы, какие-либо законы или моральный кодекс.

Каждый должен выработать свои собственные законы, которые действовали бы лишь на определенном этапе его жизни... устраните моральные табу, связывающие человечество и телесно, и духовно, освободите индивидуума от рабства традиции... обществу еще предстоит с боем прорваться сквозь почти непроходимые заросли сексуальных табу".

Залог физического и духовного здоровья, учила Маргарет Зангер, в устранении слова "нельзя" из полового воспитания детей. Отмена запретов в этой сфере была прямо-таки ее навязчивой идеей. Зангер внушала, что с подростками не следует говорить о целомудрии, сексуальное воспитание не должно быть "негативным" и "бесцветным", взрослые не должны навязывать подросткам свои моральные принципы.

Так что, повторяя расхожее клише: "Запрещать бессмысленно!", знайте, на чью мельницу вы льете воду.

Мы часто слышим в последнее время, что главное — ничего в себе не подавлять (это якобы очень вредно), быть естественным, отбросить ложный стыд (ведь что естественно, то не стыдно), полностью раскрепоститься! Вот и "планировщики" в один голос твердят про снятие ложного стыда и устранение барьеров страха.

Одни названия брошюр чего стоят! "Сексуальность", "Любовь без риска", "Твой друг презерватив"... В них, по словам исполнительного директора РАПС И. Гребешевой, нет ни одного жесткого слова, убраны все страхи, вся негативная информация о сексе.

"Убрав все страхи", романтики безопасного секса побуждают детей и подростков "наслаждаться собственной сексуальностью", познать "истинные ценности", которые не обязательно должны быть традиционными. "Говорят, что надо действовать вместе с церковью, но она слишком немилосердна, — заявила все та же Гребешева, выступая на юбилейной конференции РАПС. — А ведь секс лишает человека одиночества, учит общению".

"Не подавляй в себе ни стремлений, ни желаний", — призывает следующая сатанинская "заповедь".

А вот еще одна "заповедь" сатанистов: "Человек не венец творения и не образ Божий. Он такая же живая тварь, отделяемая от прочих лишь наличием разума". Не правда ли, мы это уже где-то слышали? В детстве все учили (и до сих пор учат!) в школе, что человек произошел от обезьяны. Многим это было противно. Душа восставала против такого родства, хотя мы не ведали, что "обезьяной Бога" называют дьявола. Не хотелось быть пусть и разумной, но частью животного мира. Что-то претило, что-то мешало. А вот рапсовцам ничто не мешает сравнивать человека не только с обезьяной, но и с морскими свинками, рыбами, червями и даже клопами. Такой ряд в одной из рапсовских школьных программ служит для доказательства нормальности гомосексуализма. Дескать, у клопов это нормально, значит, и у нас, несколько более крупных животных, тоже.

"Мама, — пожаловался, вернувшись из школы, один московский пятиклассник, — у нас сегодня на биологии был урок здоровья. И знаешь, там так некрасиво про людей рассказывали... ну, совсем как про животных".

Мальчик удивительно точно почувствовал сущность подхода. Хотя, наверняка, ничего не знал ни про РАПС, ни про одного из главных теоретиков сексуального просвещения детей американца Кинси — тяжелого извращенца, насильника и педофила, проводившего развратные эксперименты с грудными младенцами. Сначала доктор Кинси долго изучал сексуальное поведение насекомых (тоже специфический интерес), а потом перенес свои выводы на людей. Так что клопы-гомосексуалисты в наши российские программы тоже не с потолка посыпались.

А другая "заповедь" сатанинского "Тридекалога" как будто бы не связана с "планированием семьи". Но лишь на первый взгляд: "Будь добр лишь к достойным доброты, — призывают сатанисты. — Люби лишь достойных любви... Благословен тот, кто разбрасывает врагов своих, и трижды проклят слабый". Но если разобраться, то что такое установка на рождение только здоровых и желанных детей? Значит, нездоровые и нежеланные недостойны доброты и сострадания? Значит, они трижды прокляты и обречены на смерть? Пропаганда абортов во всех странах, где есть службы "планирования семьи", красноречиво подтверждает эти предположения.

Как раз здесь мы и сталкиваемся с ярчайшим примером сатанизации общественного сознания. Даже очень добрые и хорошие люди могут в наше время уговаривать женщину сделать аборт, когда есть вероятность рождения больного ребенка. Особенно если речь идет о дочери, сестре или другой близкой родственнице. Мол, зачем увеличивать страдания, плодить несчастных? Ребенок будет страдать, родители будут страдать. Лучше уж убить, чтоб не мучился. Скажешь им, что это сатанинская логика, — обидятся. Они-то уверены, что проявляют истинно христианское милосердие. А между тем

все вывернуто наизнанку. Христианское милосердие проявляется, прежде всего, по отношению к слабому и больному. Поистине дьявол — обезьяна Бога...

И уж вовсе не воспринимаются как сатанинские настойчивые призывы к ненасилию, почему-то раздающиеся в основном с той же стороны, что и призывы планировать семью, а также цивилизованно просвещать детей в области секса... Конференции по борьбе с насилием, на которые съезжаются феминистки и с пеной у рта требуют оградить детей от сексуальных посягательств, но при этом не дискриминировать гомосексуалистов и лесбиянок, желающих преподавать в школах... Центры по борьбе с насилием, где детям в целях диагностики предлагают поиграть с тряпичными гениталиями... Секс-просветовская программа "Умей сказать "нет"", которая якобы учит защищаться от насилия...

Вы скажете, что в насилии действительно нет ничего хорошего. И будете правы. Но почему же одна из первых "заповедей" сатаны велит "не признавать принуждения ни над собой, ни над другими"? И почему на сатанинских шабашах, как утверждают ученые-сектоведы, можно делать все, но только добровольно, без насилия?

Чтобы понять это кажущееся противоречие, нужно представить себе контекст, в который вписаны столь модные сейчас призывы к ненасилию. Идет потакание всему самому низменному: отменяется уголовное наказание за педерастию, выводится из разряда тяжких преступлений производство и распространение порнографии, в том числе с участием детей, плодятся притоны, ночные клубы для извращенцев, пропагандируются курсы фото- и топ-моделей для малышей от 4 лет, которые затем нередко становятся жертвами педофилов, спонсирующих эти курсы. То есть носителям зла создан режим наибольшего благоприятствования, и бороться с этим никто не думает. А если вдруг кто-то предпринимает робкую попытку сопротивления, его дружно спешат уверить, что трепыхаться бессмысленно. Это с одной стороны. А с другой, детей ловко встраивают в новый контекст — контекст ненаказуемого порока, обрастающего все большими правами и респектабельностью.

Что внушает подросткам программа "Умей сказать "нет""? Разве она учит их блюсти целомудрие, хранить девственность, с брезгливостью относиться к разврату? Ничуть не бывало! Про девственность в лучшем случае будет сказано, что это понятие чисто физиологическое. Слов "целомудрие" и "разврат" вы вообще не встретите. Внушается школьникам совсем иное: христианское понятие греха — дикость, граничащая со слабоумием. На самом деле секс — это главный источник наслаждения. Но если ты к какой-то его разновидности пока еще не готов, умей сказать "нет". Важен принцип добровольности, ненасилия. Захочешь — пожалуйста, тебе никто не смеет помешать. Даже родители. Ведь это **твой** выбор. Поистине сатанинская логика.

Глава II **ПЕДАГОГИКА ОТ ЛУКАВОГО**

Без вины виноватые родители

Говорят, в последние времена от людей отойдет премудрость. Они будут верить во всякие глупости и небылицы, не замечать очевидного, не понимать прописных истин. Но произойдет это, конечно, не в одночасье. Почва должна быть подготовлена, размягчена. В данном случае размягчиться должен мозг. И по некоторым признакам видно, что "процесс пошел". Сколько чуши в последние годы подают в качестве незыблемой истины! Сколько дров наломано под влиянием этой чуши!

Взять хотя бы тему отцов и детей. Только родители стали опоминаться и меньше доверять детским телепередачам, подростковым журналам, школьным инновациям, как хлоп — взяли и за них, за родителей. "Воспитание ребенка надо начинать с воспитания родителей", "родители абсолютно беспомощны, педагогически безграмотны", "матери не умеют любить своих детей, мы должны их этому научить..." Школа для родителей, курсы для будущих пап и мам, родительские университеты... А в некоторых наиболее продвинутых умах уже вызрела идея экзамена, лишь по успешной сдаче которого человек имеет право носить звание родителя.

И опять все покорно кивают головами, как сомнамбулы на сеансе гипнотизера. Дескать, конечно, правы специалисты, какие из нас родители? Ничего-то мы не знаем, не умеем. Как выразился однажды поэт Наум Коржавин (правда, об Америке): "Здесь царит какое-то помешательство на специализме".

Что же советуют родителям современные специалисты? Какие, выражаясь языком Кашпировского, "дают установки"?

"Ребенок попал в беду..." — таков тревожно-притягательный заголовок брошюры, выпущенной объединением педагогических изданий "Первое сентября". Там же, на обложке, точно указан и адресат:

"Справочник для учителей и родителей".

Брошюра хоть и тощая, но очень ценная. Ведь это квинтэссенция "новой педагогики", "нового воспитания", более того, "нового мышления". Ну да, сейчас ведь модно говорить о "новом мышлении" и "новых ценностях", которыми должно пропитаться человечество, желающее перейти в новый век. Даже целое философское направление уже появилось, прямо так и называется — "Нью Эйдж" ("Новый век").

Просмотрев брошюру "Ребенок попал в беду", легко себе представить, на что психологи, проникнувшиеся "новым мышлением", ориентируют нынче родителей и вообще всех тех, кто занимается воспитанием детей.

Уже первая главка брошюры по сути своей программна. Она называется "Я не люблю своего ребенка". Сейчас ведь модно говорить о родительской нелюбви и о том, что многие, очень многие не любят своих детей. (А если даже любят, то наверняка неумело.) Ложь, как тонко заметил кто-то из великих, от многократного повторения становится правдоподобной. Правдой она, конечно, стать не может, но людей охмурить может вполне.

Итак, что же сообщает о родительской нелюбви к ребенку вышеозначенная брошюра? "... прежде всего, избавьтесь от комплекса вины. Вина — это агрессия, которая распространяется по замкнутому кругу: "Я виновата в том, что не люблю своего ребенка. Но если бы его не было, то я бы не испытывала такого чувства. Следовательно, именно он виноват в моем несчастье".

Прямо какая-то стальная цепь аргументов. Но это только на первый взгляд. Цепь на самом деле гнилая, и за какое звено ни потянешь — рвется. "Комплекс вины..." Одно из самых популярных сегодня клише, несущих отчетливо негативный смысл. Что-то очень близкое к "комплексу неполноценности", а то и вытекающее из него. Ну кто может маяться такими глупостями, кроме жалких, слабых, ни к чему не пригодных людишек? Короче, неудачников?! А термины "комплексы", "закомплексованность" вообще пахнут психиатрией и, естественно, отталкивают. Еще важно напомнить, что "комплекс" означает множество. Следовательно, комплекс вины — это когда человек чувствует себя кругом виноватым во всем и перед всеми. А речь-то в брошюре идет о чувстве (единственное число!) вины по отношению к ребенку (опять-таки единственное число!). В общем, серия мелких подтасовок.

А вот и подтасовка покрупнее: чувство вины неизменно порождает агрессию. Эффект, как вы понимаете, запрограммирован: чувство вины такой причинно-следственной связью, конечно же, дискредитируется. Ведь от всего, что приводит к агрессии, следует избавляться. К чему и призывают анонимные авторы брошюры. Но не будем поддаваться охмурению и спросим себя: а откуда взялась такая зависимость? Почему чувство вины порождает агрессию, то есть злобу, гнев, ярость? Ведь все как раз наоборот. Тому, кто чувствует себя виноватым, бывает неловко, совестно, бывает жалко того, кого он обидел, хочется как-то загладить свою вину. А злится и нападает человек как раз тогда, когда ему трудно признать себя виноватым. Голос совести говорит ему о вине, а он отгораживается, защищается от него агрессией, доказывает себе, что он прав, а не тот, кого он обидел. Так что не вина порождает агрессию, а **непризнание вины**, отсутствие раскаяния.

Уравнивание вины с агрессией обрушивает основы христианского мировоззрения, на котором, хотим мы этого или не хотим, зиждется русская культура. Вся жизнь христианских святых была пронизана чувством вины и покаянием. Но при этом они, как известно, не только не были агрессивными, а своей кротостью приручали даже диких медведей. А сколько в русской литературе дано примеров, как покаяние преображало людей! В том числе и родителей, осознавших свою вину перед детьми (вспомните пьесу А. Н. Островского "Без вины виноватые").

Зачем, спрашивается, вводить в заблуждение современных родителей, так грубо искажая истину? Оставим пока этот вопрос открытым и двинемся дальше. В следующем абзаце целых две важных установки. Первая: "Не стремитесь к виртуозному исполнению материнской роли. Позвольте себе быть несовершенной". И вторая: "В общении с ребенком нет и не может быть запрещенных эмоций".

Сейчас очень часто можно услышать призывы не стремиться к совершенству. Дескать, это вредно и чуть ли не безнравственно. Человек должен быть естественным, таким, какой он есть. В журналах для родителей публикуются довольно однотипные, но непременно душеспитательные истории про женщин, которые старались быть образцовыми матерями, терпели в этом неудачу и в результате начинали ненавидеть своих детей. Психологи, пишущие эти статьи, считают своим, может быть, самым главным достижением то, что в результате длительной работы их пациентки отказались от стремления к идеалу, "позволили себе быть несовершенными". Конечно, бывают случаи, когда полезно успокоить вылезавшую из кожи вон молодую маму, чтобы она не надорвалась от излишнего усердия. Но это другое. Это, что называется, "ревность не по разуму" — когда человек берет на себя слишком тяжелую ношу, не соизмеряя ее со своими физическими и душевными силами. А тут-то речь совсем не о том! По

существу, нас призывают белое считать черным, добродетель переводят в разряд пороков. Стремление к идеалу во все времена не только считалось добродетелью, но и вменялось человеку в обязанность. Без него немислимо ни воспитание, ни выполнение той или иной работы, ни взаимоотношения с людьми. В христианстве это выражено абсолютно недвусмысленно. "Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный", — говорит Христос. Получается, что этот фрагмент брошюры имеет антихристианскую подоплеку.

Теперь насчет того, что в общении с ребенком нет и не может быть запрещенных эмоций. Далее, правда, следует оговорка, не отличающаяся стилистическим совершенством: "... но при одном условии: он не должен сомневаться в безусловности вашей любви". То есть читателям фактически приказывают проявлять в общении с детьми массу отрицательных эмоций, дурных чувств: раздражение, злобу, гнев, ненависть, ярость. Что же это получается? Чувство вины испытывать очень плохо, а те пороки, в которых люди каются на исповеди, признаются нормой отношений с ребенком! Почему он при этом не должен сомневаться в безусловности родительской любви, остается непроясненным. Вероятно, по логике "бьет, значит, любит". Но это дело десятое. Это типичная лапша, которую вешают на уши доверчивым читателям. А вот призыв не смирять, не укрощать страсти, а выплескивать их на окружающих, причем на слабых и беззащитных, коими являются дети, это один из краеугольных камней предлагаемой антихристианской педагогики.

И не стоит обманываться приведенными в конце главки слащавыми советами петь ребенку колыбельные и гладить по волосам. Яд опасен не тогда, когда он хранится в бутылке с соответствующей надписью, а тогда, когда его подмешивают во вкусную и здоровую пищу.

Вторая глава — "Самое верное средство от детского пьянства" — ошарашивает уже своим началом. "Взрослым вообще-то нечем поделиться со своим ребенком, и они не должны особенно настаивать на том, чтобы дети брали с них пример, потому что такового они как раз и не подают". Как любили шутить провинциальные конферансье: "Вот так номер! Я чуть не помер!" Стало быть, родители теперь **не должны** настаивать на том, чтобы дети брали с них пример! Одной корявой, судя по всему, неумело переведенной фразой сокрушается основа основ воспитания. Во все времена все народы независимо от верований, культур и национальной принадлежности учили детей брать пример с родителей. Да иначе и быть не может! Отец и мать для ребенка — это первые люди, которых он видит, первообразы людей. Так что родители все равно будут для ребенка примером, никуда от этого не денешься. Но восприняв новую воспитательную установку и отказавшись от роли идеала, родители утрачивают рычаги влияния на ребенка, толкают его к неуправляемости, к патологическим страхам (когда взрослый не авторитет, он и не защита!).

Что же касается родительского несовершенства, то несовершенство свойственно природе человека. Как, впрочем, свойственно и стремление к совершенству, о чем мы уже написали. И этому стремлению, кстати, очень способствовали дети: отец и мать старались в их глазах выглядеть умнее, добрее, благороднее — словом, совершеннее, чем они есть на самом деле. Ребенок, сам того не подозревая, вынуждал их подтягиваться до идеального образа. Ну, а уж если родители были совсем пропащими, детей старались от них оградить, а родителей в таких случаях подвергали позору, остракизму.

Ориентация родителей на "беспримерность" провоцирует социальное сиротство. Ребенок, лишенный идеала в семье, начинает искать его на стороне. А в сегодняшней жизни вместо идеала ему скорее встретится антиидеал: наркоторговец, ласковый педофил, глава тоталитарной или сатанинской секты или просто "крутой", "отвязанный" сверстник.

Легализация пороков

Приведя кошмарные статистические данные касательно детского пьянства (которое якобы повально), авторы учат взрослых правильному реагированию: "Что же делать? Поддаваться порывам. Да, порыву любви и порыву гнева. Как же так, скажете вы, кричать в гневе? Ругаться, драться? Но разве в порыве любви мы не хватаем ребенка и не целуем его? Сердечный порыв, если дать ему настоящую волю, человечен по существу и форме. Он благороден".

Итак, соединенными союзом "и" в одном ряду оказались любовь (высшая христианская добродетель) и гнев (один из семи смертных грехов). Иными словами, между добром и злом поставлен знак равенства. Можно обматерить ребенка, можно заехать в зубы, ведь "сердечный порыв, если дать ему настоящую волю, человечен по существу и форме". А убийство, если разобраться, разве не человечно? Бывает, конечно, запланированное, преднамеренное, а бывает спонтанное — "искренний

сердечный порыв". Рискую вызвать по отношению к себе сходный "сердечный порыв" со стороны авторов брошюры, все же процитируем поучение православного подвижника старца Иосифа с горы Афон: "Пусть слюна твоя во рту станет кровью, ты все равно не произноси ни одного слова в гневе". Вот вектор традиционной русской педагогики, а брошюра предлагает нам какую-то иную педагогику, не имеющую ровно ничего общего с русской традицией.

Поражают в этой педагогической системе и, как говорили в старину, "противуречия". Только родитель настроился на то, чтобы в порыве благородного негодования вложить ума своему пьяному недорослю, как его спешат осадить: "Не набрасывайтесь на него с нотациями; вы уже опоздали, а после драки кулаками не машут. Даже если он чуть навеселе, его реакция может быть неадекватной". (То есть мальчонка, чего доброго, врежет зарвавшимся папаше с мамашей.)

И собутыльников его не смейте трогать! "Даже если вам не нравятся друзья вашего ребенка, нельзя держать свой дом от них на замке, своего же ребенка ради". Хотя любой человек, не только с высшим педагогическим образованием, но и с незаконченным средним понимает, что борьба с пьянством начинается с отрыва пьяницы от его привычного окружения. Иначе любые усилия бессмысленны. Когда же речь идет о детях, оградить их от дурного влияния всегда считалось — и продолжает считаться в обществе, еще не утратившем коллективный разум! — первейшим делом родителей.

Ясно, что далеко не все папы и мамы придут в восторг от подобных педагогических инноваций, поэтому, стараясь смягчить впечатление, авторы добавляют: "Зато никто не запрещает вам обговорить допустимые нормы поведения и правила общежития".

Эту матрицу сейчас внедряют повсеместно. Смысл ее сводится к следующему: давайте легализуем пороки, но попробуем установить для них некоторые ограничения. Легализуем проституцию, но будет требовать от "секс-работниц" периодической диспансеризации. Легализуем порнографию, но ларьки, в которых она будет продаваться, удалим от детских учреждений на расстояние не менее 300 метров. Легализуем педерастию (уже легализовали, отменив статью, наказывающую за мужеложество!), но будем порицать педофилов. Легализуем наркоманию, но будем призывать наркоманов пользоваться одноразовыми шприцами. Одобрим подростковый разврат, но расскажем об опасности венерических заболеваний и раздадим презервативы.

Аналогичные установки даются взрослым и по проблеме детской наркомании. Хотите узнать, как правильно себя вести, если вы подозреваете, что ваш ребенок употребляет наркотики? Надо "не демонстрировать чрезмерного волнения, установленные необычные факты обсудить с ребенком, не читать мораль и ни в коем случае не угрожать, не наказывать..." "Если он все отрицает — расскажите о своих подозрениях, если спорит — опровергайте, но не берите с него слово, не заставляйте подчиняться. Лучше спросите, что он сам думает делать дальше, и предупредите, что отныне вы будете строже следить за тем, как и на что он тратит деньги. (Пускай рассказывает, что задержался в библиотеке, а на полученную от вас субсидию якобы купил булочек с маком.) Но главное, "самое время дать ему понять, что вы на его стороне, что не осуждаете..."

Короче, предлагается на юного наркомана не давить, ничего ему не запрещать и даже продолжать выдачу денег! Да, очень нетрадиционная педагогика... Испокон веку нормальные родители реагировали на опасное поведение детей немедленной изоляцией их от источника зла, от пагубной обстановки. вспомните хотя бы Наташу Ростову, которую отец запер, чтобы она не сбежала с Анатолом. Конечно, придется понервничать, проявить твердость, выдержать детские истерики и грубость, побыть в глазах своего ребенка злодеем, но зато уберечь его от беды. Ведь и мы, став взрослыми, столько раз мысленно благодарили родителей за их строгость, хотя в подростковом возрасте за нее же готовы были излить весь свой гнев на родителей.

В духе попустительства предложено относиться и к детскому разврату. "Старшее поколение не может и не должно контролировать подростковую сексуальность". (Интересно все-таки, почему у поклонников либеральных ценностей столь часто проскальзывают тоталитарные нотки? Напоминает то ли гипнотизера, подчиняющего пациента своей воле, то ли юриста, который зачитывает потенциальным преступникам статью уголовного кодекса.) Оказывается, "признавая, что ранняя сексуальная жизнь подростков и столь же ранние эксперименты с наркотиками не экстремальные, а скорее обыденные искушения нового поколения, невозможно ни запретить, ни контролировать эти опыты".

Как заставить людей смириться с вопиющим безобразием, с которым ни один нормальный человек смириться не может? Способов немного. А точнее, всего два. Можно принудить силой, а можно, соблюдая права человека, добиться желаемого изощренным способом: убедить, что безобразие, во-первых, не такое уж и вопиющее; во-вторых, оно распространено повсеместно, а в-

третьих — что, пожалуй, главное! — все равно оно неустранимо. Это вы сегодня услышите как от крупного политолога, так и от соседа-пенсионера.

В разбираемой нами брошюре практически все подчинено данной логике. Но особенно ярко она проявлена в "мифах о сексуальном насилии". Споря с общепринятым мнением о педофилах как об извращенцах, авторы утверждают, что "большинство педофилов — самые обычные мужчины, с нормальной психикой". Развенчивается и "миф" о том, что "сексуальные покушения на детей редки и являются признаком морального распада и деградации общества". Какой распад? Какая деградация? И что значит "редки"?! На самом деле, утверждают авторы, все это было всегда и "статистически часто". "...В четырех случаях из пяти это делают те, кого ребенок знает... очень часто — кто-то из старших членов семьи". Жизнь доказала: "это случается во всех слоях общества, с любыми уровнями образования и дохода, во всех этнических и религиозных группах". В общем, вполне банальная история. С каждым может случиться.

И насчет ребенка не следует заблуждаться. "Шестой миф: ребенок — пассивный объект сексуальных посягательств. Приходится признать: он может быть инициатором". Словом, нас хотят уверить, что нет четкой границы между ребенком и взрослым, жертвой и преступником, добром и злом. Все относительно, зыбко, "неоднозначно".

Ну и, конечно, зло непобедимо. "Даже самая идеальная система права не в состоянии полностью защитить ребенка от насилия. Здесь важен не столько контроль [да и кого контролировать, когда непонятно, кто инициатор: взрослый извращенец или ребенок?], сколько просвещение. Родители и учителя должны знать, что сексуальная эксплуатация детей — большая и серьезная проблема". Так и написано — "проблема". Есть проблема утомляемости на уроках, есть проблема аллергии, есть проблема летнего отдыха, а есть... сексуального насилия над детьми. Хочется, заняв прилагательное у авторов, сказать, что это "большая и серьезная" победа зла, если растение ребенка, надругательство над его невинностью становится для нас не чудовищным преступлением, не трагедией и даже не драмой, а проблемой. И, решая ее, главное (как, впрочем, и во всех остальных случаях, перечисленных в брошюре) "сохранять спокойствие".

Ну, конечно, что еще можно делать, узнав, что твой ребенок изнасилован, болен СПИДом, стал алкоголиком, наркоманом или вором?!

Рекомендации взрослым по поводу детского воровства — это прямо какая-то оргия гуманизма. "Хорошенько подумайте, прежде чем приступать к решительным действиям. Наверное, наказывать надо, но только если вы уверены, что и ребенок считает это наказание справедливым... Пережив наказание, ребенок, скорее всего, научится ловчить, скрывать, боясь лишь одного — быть разоблаченным... Пожалейте его, и ему сразу станет стыдно. [А если нет? Если он сочтет таких родственников придурками, из которых можно вить веревки? Тогда как?] Помогите исправить то, что он совершил. [То есть компенсируйте украденное, выгораживайте, выкупайте, "отмазывайте", чтобы он ни в коем случае не почувствовал последствий своего воровства. А то, не дай Бог, вразумится!] **Как можно бережней отнеситесь и к нему, и к его поступку...** Не ужас наказания, а страх повторения — вот что отныне должно поселиться в его душе".

Должно, конечно, но может поселиться — и, скорее всего, поселится! — совсем другое: чувство полной безнаказанности и желание новых "подвигов".

Поддавшись умилению, читатель, быть может, проглядел одну характерную подмену: кража, совершенная ребенком, названа поступком (даже не проступком!). А ведь это преступление, хоть по малолетству, как правило, неподсудное. Более того, своровать — значит нарушить одну из десяти заповедей, то есть один из самых строгих запретов для людей христианской культуры. Впрочем, ни в каких культурах воровство, мягко говоря, не поощряется. Апологеты же "гуманной педагогики" советуют отнестись к воровству "как можно бережней". Даже в столь вопиющем случае идея наказания им явно претит. Это ведь, фу! как негуманно!

А между тем христианская педагогика утверждает прямо противоположное. "Самая суровость родительской дисциплины полезна для детей и желательна, — читаем у святителя Василия, епископа Кинешемского. — Суровые испытания необходимы для духовного совершенствования, как огонь, очищающий металл... "Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь" (*Мф. 7, 14*). Но если эту школу скорби и испытаний мы не пройдем в детстве в родительской семье, то Господу ничего не останется, как подвергнуть нас испытаниям жизни, а это гораздо труднее, особенно без предварительной подготовки в родительском доме. Но если этот скорбный курс духовного воспитания в виде родительских наказаний и известной суровости отношений мы пройдем с детской покорностью в родном доме, то дальнейшие испытания часто оказываются ненужными..."

А вот цитата из Библии: "Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им... Не давай ему воли в юности и не потворствуй неразумию его". Так что и по этому вопросу либеральные установки авторов брошюры противоположны христианским установкам.

И "вырастет из сына свин..."

Вообще создается такое впечатление, что сверхзадача "справочника для родителей и учителей" — запрограммировать взрослых на равнодушие к детям. В том числе — и даже прежде всего! — к своим собственным. Карлсоновское "спокойствие, только спокойствие" — вот камертон брошюры. Напился ребенок — не волнуйтесь. Балуете наркотиками — не впадайте в панику. Ушел из дома — заранее, на случай опознания трупа, "положите в разные карманы записки, где указаны Ф.И.О., адрес и номер телефона, по которому нужно позвонить..." Хотели на этом оборвать цитату, но не удержались и приводим еще несколько фраз: "Не стесняйтесь заранее снять копию зубной карты из стоматологического кабинета и сделать датокарту: нанесите на пальцы (ребенка) тонким слоем типографскую краску и откатайте отпечатки на бумаге [все-таки очень чувствуется, что это перевод, уж больно коряво!], а под ними надпишите "левая", "правая" рука. Если случится трагедия, это поможет идентификации".

Много, конечно, загадок во Вселенной. Вот, например, одна из них: почему блюстители свободы такие глупые? Ну, хорошо, они не в состоянии были представить себе, что произойдет с отпечатками, если намазанные краской пальцы "откатают" по бумаге, а не оттиснут на ней. И в психолого-педагогическом угаре не обратили внимание на то, что надписать что-либо **под** отпечатком или картинкой нельзя. Но уж вообразить своевольного подростка — а именно такие сбегают из дому — совсем несложно. Тем более что жизнь богата примерами. С какой стати такой подросток будет терпеть в своих карманах дурацкие мамины записки или покорно подставлять руку для дактилоскопии, предназначенной для опознания его трупа? И где авторы видели такие стоматологические кабинеты, где услужливый дантист по первому требованию снимает копию зубной карты? У нас большинство людей вообще про "зубную карту" слыхом не слыхивали. Что подделаешь? Дремучие мы, не ведется в "немой России" подробная опись зубов: сколько их всего, каких не хватает сверху, каких — снизу, какой зуб как запломбирован, где какая коронка, какой прикус, какая форма челюстей. Вот у Гитлера была такая карта, и потому его труп смогли опознать. А для нас это информация с опережением.

Мы понимаем, деньги, конечно, вещь нужная, но голова существует не только для подсчета будущих гонораров. Публикуете пиратский перевод — так хотя бы изымите то, что к нашей жизни не имеет ровно никакого отношения. Не позорьтесь. Еще не самые последние времена, остаточный разум кое у кого сохранился.

Надеемся, что среди читателей брошюры таковых тоже немало, и они понимают, что потакание детским порокам рано или поздно доведет ребенка до той опасной черты, за которой его ждут либо гибель, либо тюрьма. Как назывался один сборник эпохи перестройки — "Иного не дано". На самом деле это понимают даже авторы брошюры, хотя усиленно делают вид, что нет никакой связи между родительским попустительством и катастрофой, надвигающейся на ребенка.

Во всяком случае о колонии они напоследок упоминают. Но опять-таки в каком ракурсе? Подглавка "Что делать, если ваш ребенок попал в колонию" начинается со слов: "Что сделано, то сделано, назад не вернешь, и надо жить дальше. Оставьте обиды, ссоры, раздумья на тему: "За что мне все это?" Во-первых, не вам, во-вторых, что в них толку?"

Иначе говоря, родителей сперва настраивают на потакание детскому безобразию, а потом, когда "вырастет из сына свин" и ситуация дойдет до критической точки, — на равнодушие. Даже когда ребенок попадает в колонию, оказывается, не надо задаваться вопросом, за что вам это, когда и в чем вы его упустили. Спокойствие, только спокойствие, ведь "не вам", а всего-то навсего вашему сыну идти за колючую проволоку. Так что нет оснований для паники. Как любил повторять все тот же Карлсон, дело житейское. Уж если в главе, посвященной самоубийствам, авторы советуют отвести подростка, замышляющего лишить себя жизни, в сторонку и "мирно поговорить". "Если же, — цитируем, — этот вариант не срабатывает, то — сам виноват". Раз даже по такому поводу волноваться не стоит, то чего махать крыльями, когда руки-ноги целы, да еще — в наше-то трудное время — парень будет на гособеспечении!

Апофеоз родительского служения — открыть на нужной странице справочник, найти телефон нужного специалиста (в конце каждой главки дается целый список соответствующих организаций) и передоверить ему ребенка, как это принято во всем цивилизованном мире. Собственно, и служение-то

ни к чему, когда есть службы помощи!

Как же пародийно в этом контексте звучат фразы типа: "Терпение и смирение — может, спасение в них?" Смирение перед чем — перед грехом? Так это вовсе не христианство, а обыкновенный сатанизм, наспех прикрытый овечьей шкуркой либеральных лозунгов. Хотя вряд ли авторы брошюры ведали, что творили. Скорее всего, они просто отработывали выгодный заказ, по-детски радуясь, что можно подзаработать без особого напряжения. Ладно, оставим это на их совести.

Тем же, кто понимает, что на Страшном суде (а отвечать там придется всем, даже людям, не верящим в его реальность) родители не смогут свалить свою вину ни на специалистов, ни на горе-педагогов, пишущих как будто под копирку безответственные книги и брошюры, ни на государство, поддерживающее либеральную, антихристианскую педагогику, нужно почаще вспоминать если не о премудрости, то хотя бы о здравом смысле. Ведь здравомыслящих людей пока еще большинство. И если они не сдадутся добровольно, их не сможет одолеть никакая агитбригада лжецов. Даже при покровительстве того, кто назван в Священном Писании "отцом лжи".

Глава III **ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА НАРКОМАНОВ**

Рок-секс-культура

Если сообщать правду о наркотиках, то нельзя не сказать о самой главной правде: наркомания не только преступление и не просто болезнь, — это болезнь в первую очередь духовная, форма одержимости. Человек уже не принадлежит себе, не владеет собой. Слово "одержимость" обычно употребляется без дополнения, чтобы лишний раз не накликало зло, ибо одержим человек бывает бесами.

Мы поговорим о технологиях, которые превращают человека в наркомана.

До середины 1980-х годов наше государство ставило вполне надежный заслон на пути наркотической контркультуры. Если что-то втихаря и проникало, то такими крохотными порциями и в такие узкие круги, что не делало погоды. Ну и, конечно, милиция, суд, законодатели, медики выполняли заказ государства на подавление наркомании и наркоторговли. Результат был налицо: наркоманы у нас встречались настолько редко, что большинство людей за целую жизнь ни разу с ними не сталкивалось и даже не знало, как они выглядят.

Российская государственная политика в области наркомании с середины 1980-х годов радикально поменялась. Фактически были открыты все шлюзы. Наркотическая контркультура хлынула потоком, который к настоящему времени не только не иссяк, но и обретает все большую мощь. Что же это такое — контркультура?

Ее создателями она обозначена, как "культура рока-секса-наркотиков" (rock-sex-drug culture). Именно в этой последовательности происходит втягивание подростков и молодежи в ее орбиту. Сперва они начинают слушать рок-певцов, от музыки и текстов которых растормаживается сфера влечений. Потом, подражая своим кумирам, предаются "свободной любви". Но "свободная любовь", если называть вещи своими именами, — это разврат. А следствие разврата — старательно подавляемое (чего не сделаешь ради моды!), но от этого только более мучительное чувство стыда — приводит к депрессии. А ее ведь тоже полагается скрывать, иначе какой же ты крутой! И потому возникает жажда "оторваться", "улететь"... подальше от постылой жизни.

Зарубежные исследователи поведения наркоманов давно вывели алгоритм: **в течение года после первой случайной связи многие подростки, как правило, пробуют наркотики.** Ну, а дальше по схеме порочного круга. Возвращение из "дивного мира" вызывает еще более острую и нестерпимую "тошноту жизни" (как очень точно назвал это состояние Сартр). И мечтаешь только об одном: поскорее "заторчать" вновь. Музыка сама по себе и секс сам по себе уже не спасают даже на короткое время. Нужны более сильные стимулы. Без "травки" или "колес" уже не обойтись. Точно таков и механизм перехода от "легких" наркотиков к более "тяжелым". Дальше — психический и физический распад. Потом — финал, который наркоман обычно воспринимает как давно желанное освобождение.

В нашей стране уже достаточно много сделано для распространения "культуры рока-секса-наркотиков". Можно просмотреть груды подростково-молодежных газет, журналов, сотни молодежных телепрограмм и убедиться в том, что различия в них носят чисто формальный характер, а идеология и технология абсолютно идентичны: ребят усиленно приобщают к рок-секс-наркотической культуре. Как? Прежде всего через молодежный жаргон, который сейчас весь так или иначе связан с наркотической

стихией.

Слова ведь не просто сочетание звуков: слово настраивает человека на определенный лад по отношению к реальности. Одно дело сказать: "Я без тебя жить не могу". И совсем другое: "Я от тебя тащусь". "Он вколол себе наркотик, и у него галлюцинаторный бред" — это один образ. А "он заторчал на игле" — совершенно другой.

Огромную роль играют и персонажи, которые подаются в молодежных СМИ в качестве эталонов. Это вам не летчики-космонавты, крупные ученые или герои войны. Рекламируется богема, не отличающаяся, мягко говоря, высокой нравственностью: рок-звезды, топ-модели, художники-постмодернисты, киноактеры и т. п. В рассказах о них обязательно есть свой "интим", своя "клубничка". В подростках, когда откровенно, а когда более завуалировано, но с завидным упорством, подогревается сексуальность, которую, исходя из особенностей возраста, подогреть совсем нетрудно: она закипает мгновенно. А здесь еще "про эта" говорится много и разнузданно. Одновременно прививается легкое, "безбашенное", нерефлексивное отношение к жизни, раздуваются эгоизм и претензии к другим при резком снижении самокритики. Всеми способами дискредитируются родители. И это понятно, ведь именно родители передают детям традиционные модели поведения, традиционную для данной культуры этику.

Очень заботятся проводники рок-секс-наркотической культуры и об уровне материалов. В том смысле, что уровень должен быть как можно более низким. Для одноклеточных. Это и прямо, и косвенно способствует оглуплению. Прямо — потому что голову напрягать не нужно. А косвенно — потому что такой незамысловатый текст (как и всё, впрочем, что исходит от авторов, пишущих на эти темы) воспринимается подростками в качестве эталона. И о каких бы вещах ни шла в тексте речь, всё непременно сдабривается смешком, ёрничаньем, причем смех этот особый: не добрая улыбка, не умная ирония, не "смех сквозь слезы" и даже не уничтожающий сарказм. Это тупой, бессмысленный смех над тем, что на жаргоне называется "прикольно". Вставить кольцо в пупок — "прикольно". Старушка упала — "прикольно". Кому-то голову размозжили, так что мозги брызнули во все стороны — тоже "прикольно".

Таким образом, в сознание вводится установка — приколись (уколись), и тебе будет хорошо! Ты будешь просто хохотать от радости! Как мы уже говорили, российская государственная политика в отношении борьбы с наркоманией с середины 1980-х годов поменялась. Причем настолько, что по поводу ужесточения законов сегодня можно не волноваться: чуть кто заикнется о необходимости более строгих норм, в "свободной" прессе моментально поднимается крик о грубейших нарушениях прав человека. И даже те парламентарии, которые посмеют что-то сказать, испуганно умолкнут. В общем, здесь пока "без проблем".

Что же до недовольного общества, то это как раз проблема. И проблема нелегкая: ведь родители, которые столкнулись с наркоманией вживую, а не только на страницах газет, вовсе не желают смириться с ней как с неким непобедимым роком. Надо их успокоить? Безусловно. Но как этого достичь, ничего не теряя? Способ есть, и он проверен веками: попытаться оседлать волну народного гнева и направить ее по безопасному для себя руслу. А что в данном случае безопасно? Переключить внимание с преступника на жертву. Мол, чего с наркомафией бороться, она все равно непобедима, как жара летом и снег зимой. Это новая данность, в которой (вот он, перевод стрелки!) **надо учить детей безопасному поведению**. Где это естественней всего сделать? В школе. А где наибольший охват клиентов? Ну, конечно же, именно там. Значит, вербовка клиентов должна проходить в школе под вывеской профилактики.

И эта интеллектуальная задача была решена. Как? Пускай ответят сами программы. Мы проанализировали довольно много методических материалов: Камалдинов Е. и др. "Я хочу провести тренинг" (Новосибирск, 2000); Антирейкина Л. И., Дума Е. А., Калашникова Ж. Ю. "Методическое пособие по профилактике нарко- и токсикомании в школе" (Новосибирск, 1998); Дейв Бурроу, Мурдо Байл, Франц Трауман, Юрий Саранков. "Программа обучающего курса по профилактике ВИЧ среди потребителей инъекционных наркотиков в Российской Федерации" (май 1999 года); "Программа снижения вреда" (голландская секция "Врачей без границ", апрель 1999 года); "Чей это выбор?" (программа "Перекресток", Российский благотворительный фонд НАН); "Охота на тебя" (выпущено Ассоциацией по борьбе с незаконным оборотом наркотиков).

Инструкция для самоубийц

Прежде чем рассмотреть крайне негативное влияние этих программ на наших детей, скажем, что

все они выстроены по очень жесткой схеме, утверждается в них фактически одно и то же, стилистика — и та сходная. Даже молчат они об одном и том же...

Когда-то была серия анекдотов про "армянское радио", которое очень быстро и находчиво отвечало на самые сложные вопросы радиослушателей. А в одном из анекдотов говорилось, что "армянское радио" не может ответить только на два вопроса: откуда берутся клопы и куда деваются деньги. Так и "антинаркотические" программы понятия не имеют, откуда берутся наркотики и куда делась милиция. Данные вопросы как-то вообще не возникают.

Не встретишь в этих программах и правдивого рассказа о том, что почти все подростково-молодежные СМИ осуществляют, как сейчас принято выражаться, "промоушн" (продвижение) наркотиков в массы. Ни слова в них и о воздействии на подростковую психику "тяжелого рока". Максимум, что можно встретить, так это упоминание вскользь о раздаче наркотиков на дискотеках. Но даже тогда о махровых уголовниках говорится очень возвышенно: их называют "торговцами белой смертью". Еще бы! Ведь подростков хлебом не корми, только дай что-нибудь романтическое. Заметьте, романтизируются и подонок, торгующий отравой, и сама отравка, а в результате вместо брезгливого отвращения возникает завороченность злом.

И уж ни малейшего отвращения не вызывает образ наркомана. Он такой же, как все, его ни в коем случае не надо сторониться, с ним надо дружить. "Желание человека принимать наркотики принимается как факт... К потребителю наркотиков относятся с уважением, как к любому полноправному члену общества" (*Программа снижения вреда. Стр. 4*).

Это модель "снижения вреда". Она "не дает никаких оценок и суждений, касающихся употребления наркотиков, которое она рассматривает как один из образцов (!) социального поведения... Эта модель не рассматривает потребление наркотиков как что-то "плохое" само по себе..." (*Там же*).

Ну, а в программе "Я хочу провести тренинг" очень доходчиво объясняется, что же такое это пресловутое снижение вреда: "Достаточно трудно сразу прийти к самому безопасному поведению. А может, человек и не ставит перед собой такой цели... Начинать можно и с небольших изменений. Ниже приводится иерархия снижения риска:

- Не начинай употреблять наркотики, если начал — прекрати.
- Если употребляешь наркотики, не делай это инъекционным путем.
- Если все же вводишь наркотик внутривенно, делай это только новым (стерильным) шприцем.
- Если нет возможности каждый раз пользоваться стерильным шприцем, по крайней мере, никогда не пользуйся чужим.
- Если пользуешься чужим шприцем, всегда дезинфицируй его" (*Там же. Стр. 153*).

Какое же ледяное сердце надо иметь, чтобы выстраивать такую "гуманную" иерархию! По этой логике врачи совершенно не должны откачивать самоубийц. Разве можно оказывать на человека давление?! Он делает свой свободный выбор. Наш гражданский долг лишь снабдить его инструкцией. Дескать, не накладывай на себя руки, если начал — перестань. Если не перестал, то хотя бы не вешайся, есть более современные, более цивилизованные способы свести счеты с жизнью. Если все же полез в петлю, возьми хотя бы новую веревку. Нет под рукой новой, по крайней мере, не пользуйся чужой. Если же воспользуешься чужой, не забудь продезинфицировать ее после предыдущего удавленника.

Поскольку наркомания есть форма самоубийства, в данной аналогии нет натяжек. Модель "снижения вреда" фактически ориентирует юных наркоманов на как можно более "безопасное" самоубийство.

Впрочем, и заявленная в программах "медицинская модель" не менее "гуманна". В соответствии с ней "химическая зависимость рассматривается как заболевание, а подверженный зависимости — как человек, страдающий хронической прогрессирующей болезнью". Симптоматично и то, как заявлена основная цель работы по "медицинской модели": "Целью... является начало выздоровления индивидуума — процесса, который длится всю его жизнь" (*Программа снижения вреда. Стр. 5*).

Не правда ли, завидный симбиоз? Одни всю жизнь травят, другие всю жизнь лечат. Оригинальное, однако, лечение, длящееся до самой смерти наркомана. В переводе на русский язык это означает, что он до самой смерти будет употреблять наркотики.

Педалирование темы болезни, да еще тяжелой, хронической, продолжающейся всю жизнь, выполняет в "антинаркотических" программах многоцелевую функцию.

Во-первых, это снимает ответственность с наркомана: с больного и взятки гладки.

Во-вторых, человек, который смеет порицать наркомана, автоматически записывается в разряд злодеев: разве можно порицать и без того несчастного горбуна за его горб? Таким образом, создается перевернутая система ценностей: осуждается не порок, а люди, смеющие этот порок обличать.

В-третьих, внушается, что стать наркоманом может каждый: ведь никто не застрахован от болезни. Попробуй уберечься от гриппа во время зимней эпидемии! В "Методическом пособии по профилактике нарко- и токсикомании в школе" прямо говорится, что специалисты рекомендуют бороться с убеждением: "Это не может случиться со мной" (Стр. 15). Мол, ничего подобного, очень даже может! А каждый подросток думает: "Уж со мной-то обязательно случится". В результате нехитрого обмена мнениями выясняется, что **со всеми**. Скажите, ну разве это не агитка? Как ведет себя подавляющее большинство людей, осознав неизбежность какого-то явления? Они перестают сопротивляться, покоряются судьбе. Это в еще большей степени относится к подросткам, у которых стадное чувство проявлено особенно сильно.

В-четвертых, перевод разговора о наркомании в плоскость болезни способствует вербовке новых "больных" еще и потому, что о больном заботятся, его жалеют, ограждают от трудностей. А многим подросткам этого так не хватает! По наблюдениям наркологов, почти у всех наркоманов в анамнезе разлаженные отношения с родителями, чувство одиночества, "недолюбленности". "Заболею — долюбят", — не сформулированной мыслью, а как бы ассоциативной тенью пронесится в голове у подростка, когда он слышит про "тяжелую, хроническую и неизлечимую".

В-пятых, концепция наркомании как тяжелой болезни парадоксальным образом ласкает слух родителей. Казалось бы, они должны испугаться, но это лишь верхний слой сознания. Подспудно "медицинская модель" успокаивает совесть. Разве можно уберечь ребенка от гриппа? Особенно подростка, ведь он бывает и в школе, и на улице, и в транспорте, и в магазине, и в гостях у приятеля. Практически все рекомендации родителям наркомана сводятся к необходимости обратиться к врачу. Нет нужды пересматривать всю свою жизнь, каяться, пытаться понять, в чем твоя вина, где ты недосмотрел, чего недодал, когда пожалел время на прогулку, чтение или беседу, что думал и говорил ты сам, с кем общался, какие фильмы смотрел, устало лежа на диване после работы, какие газеты, уходя, оставлял на столе, забыв о детском любопытстве. Все это и многое другое нет нужды анализировать, а нужно просто положиться на мнение компетентного специалиста. Он умный, он посоветует, как жить дальше.

Ну и, наконец, в-шестых, "медицинская модель" совершенно исключает поиск и наказание преступников. Только сумасшедший будет доискиваться, кто распространил вирус гриппа и где первоисточник распространения. Бабуинов, что ли, отлавливать в африканских джунглях или комаров на болотах Колхиды?

А между тем источник распространения наркомании вовсе не бабуин и уж тем более не комар. И живет, быть может, в соседнем с вами подъезде, о чем знает, как минимум, полдома. Конечно, в государстве, реально заинтересованном в борьбе с наркоманией, с такими "источниками" прежде всего разбираются органы милиции. Но и в обстановке государственного попустительства общество все равно имеет в своих руках вполне эффективный рычаг воздействия. Этот рычаг — общественное мнение. Никакому человеку, даже преступнику, не хочется позора, не хочется, чтобы на него показывали пальцем, как на ублюдка или подонка. И школьные программы могли бы сориентировать подростков на соответствующее отношение к наркоторговцам, тем более что распространением наркотиков среди подростков, как правило, занимаются их сверстники, то есть тут даже возрастной пиетет отсутствует. В ребячем игровом арсенале хватило бы средств для дворовой обструкции. Вы только представьте себе, какво пришлось бы малолетнему наркодилеру, если бы мальчишки во дворе относились к нему примерно так же, как герои "Тимура и его команды" к хулигану Квакину! Но на это "медицинская модель" профилактики наркомании никоим образом не настраивает.

Стоит ли выходить замуж за наркомана?

Печальный опыт последнего десятилетия говорит о том, что не стоит слишком доверчиво относиться к инициативам сверху, даже если, на первый взгляд, не возникает сомнений в их гуманности. Вот почему мы считаем необходимым познакомить родителей с тем, каким же образом с помощью созданных программ, о которых мы говорили выше, наших детей будут отваживать от наркомании.

Вот, например, какую душещипательную историю предлагается обсудить в "Методическом пособии по профилактике нарко- и токсикомании в школе": "Володя и Катя [в другой программе Коля и Маша] дружат полгода. Мальчик хорошо учится в школе, занимается спортом и очень нравится Кате

[ухажер хоть куда!]. Однажды во время школьной дискотеки Володя позвал Катю в пустой класс и признался, что в последние два месяца несколько раз вводил себе опий, ему понравилось, и он не считает себя наркоманом. [Конечно, какой он наркоман?! Он отличник и спортсмен.] Володя предложил Кате уколоться и "испытать кайф". Катя, боясь потерять расположение друга, согласилась ввести наркотик. **Ощущения были великолепными**, но на следующий день ее стали тревожить чувство вины и страх того, что она уже стала наркоманкой. [Глупышка, она еще не была знакома с профилактическими программами, в каждой из которых старательно развенчивается "миф" о том, что наркоманом можно стать после первого же употребления наркотика. Хотя даже если это миф, почему бы его для остротки не распространять в школьной среде?]

Катя обратилась к своей однокласснице Свете... Света взяла инициативу в свои руки, заверила Катю, что все уладит, и сообщила о случившемся классному руководителю. Был собран педсовет, вызваны родители Володи. От него отвернулись одноклассники, и только друг Дима оставался рядом. Володя больше не употребляет наркотики и не дружит с Катей".

За прочтением рассказа следует обсуждение и "составляется рейтинг персонажей по двум критериям:

- 1) Кто наиболее симпатичен?
- 2) Чьи действия были наиболее правильными?"

Только не вздумайте отвечать на поставленные вопросы, не прочитав следующего пояснения: "Ключевые понятия в ходе дискуссии — "ответственность" и "дискриминация"". Так что Света, которая было показалась вам "ответственной", повела себя неправильно, потому что "дискриминировала" отличника и спортсмена Володю. И классный руководитель, поднявшая в школе переполох и нажаловавшаяся на ребенка родителям, тоже должна быть осуждена за "дискриминирующую позицию". Ну, а про Катю и говорить нечего. Впрочем, эта ябеда жестоко поплатилась за свое предательство и кукует теперь одна, без кавалера. Надеемся, взрослые читатели еще не совсем забыли свою юность и понимают, какой вывод сделают девочки после обсуждения этой любовной драмы. Да какой там драмы! В глазах многих девочек переходного возраста случившееся с Катей не драма, а трагедия. Теперь школьницы сделаются умнее. Если повстречают наркомана, будут помалкивать и колоться за компанию, чтобы сохранить его любовь. Ведь написано же: он не считает себя наркоманом, а "ощущения были великолепными"! Главное, чтобы взрослые ничего не узнали и не вмешались. Они же всегда все портят. Вот узнали про Володю и Катю и разрушили их счастье.

Как легко догадаться, истинно положительный герой этой истории — мальчик Дима. Он один остался верным Володе, не бросил друга в беде. Знают, подлецы, на каких струнах играть.

Может, кто-то из родителей тоже растроган и считает, что нельзя отваживать детей от дружбы с наркоманами? Тем более сейчас такая мода на права ребенка... (Естественно, не на право быть защищенным от наркоманов, педофилов или Чубайса, отключающего отопление зимой.) Что ж, пожалуй, будет полезно узнать мнение крупнейшего подросткового нарколога России, руководителя отделения детской и подростковой наркологии НИИ наркологии Алексея Валентиновича Надеждина. "Наркобизнес совершенно не нуждается в платной рекламе, — говорит он. — Каждый наркоман добровольно распространяет этот яд. Система так устроена, что он просто вынужден втягивать в наркоманию своих друзей, иначе ему не на что будет покупать наркотики".

Поэтому не стоит представлять себе эпизоды из советских фильмов, где хороший мальчик перевоспитывает двоечника. Это все из прошлой жизни. Во-первых, наркоман не двоечник, и однокласснику вряд ли под силу его перевоспитать. А во-вторых, став другом наркомана, благородный Дима почти со стопроцентной неизбежностью рано или поздно столкнется с преступным миром и, втянувшись в наркоманию, тоже станет преступником. Но об этой стороне медали в "антинаркотических" программах ни слова.

Более того, под предлогом обеспечения детей достоверной информацией авторы "профилактических" программ усердно разрушают все мало-мальски охранительные установки, которые обычно дети получают от родителей. Такие установки объявляются мифами, то есть небылицами, ложью. Вот они, эти "мифы", перечисленные в программах:

- наркомания — вредная привычка;
- достаточно раз уколоться наркотиком, и станешь наркоманом;
- все наркоманы — конченные люди, то есть ВИЧ-инфицированные и преступники;
- наркомания неизлечима;
- нельзя выходить замуж за наркомана.

Ну, и на чем вы будете тогда строить свою родительскую профилактику? Ведь детям не просто

скажут, что ваше запугивание — ложь, а еще и снабдят их "статистическими данными, развенчивающими мифы". А против науки не попрешь. Осталось только еще дошколятам объяснить, что не каждый дядька, который предлагает на улице конфету, а потом зовет погулять, "плохой", и что статистика опровергает подобный "миф". А ведь в этой страшилке действительно есть доля мифологии. Далеко не все дядьки "плохие" (точно так же, как и среди наркоманов есть не ВИЧ-инфицированные, и пока таковых даже больше). Но логика детей и подростков строго двоична, без нюансов. Если говорить им "не все", "не всегда", они будут слышать: "все не...", "всегда не...". Поэтому, конечно, определенная доля охранительной мифологии в данном случае просто необходима, тем более что доля эта в случае с наркоманией не так уж велика.

Можно трактовать пристрастие к наркотикам как вредную привычку? Можно! Ведь не полезная же она, в конце концов!

Бывает, что человек, единожды уколовшись, становится наркоманом? Бывает.

Если ВИЧ-инфекция будет распространяться среди наркоманов с той скоростью, с какой она распространяется сейчас, то через несколько лет практически все наркоманы и вправду станут ВИЧ-инфицированными. А утверждение о преступности наркоманов абсолютно правдиво и на сегодняшний день, ибо продажа наркотиков в немедицинских целях у нас запрещена, следовательно, наркоманы добывают их незаконным, то есть преступающим закон путем.

Что касается неизлечимости наркомании, то даже наиболее эффективные медицинские методики, по признанию самих наркологов, дают устойчивую ремиссию (избавление от наркозависимости на длительный срок) лишь в 4–6 процентах случаев. Ничего себе "излечимая болезнь"!

А замуж выходить за наркомана действительно не стоит. Может, это не политкорректно и дискриминационно, а все же дочку жалко. Такого муженька и врагу-то не пожелаешь, не то что родной дочери!

Теперь понятно, в чьих интересах "антинаркотические" программы так упорно разоблачают охранительные "мифы"?

Игры и забавы от преступников

Совершенно в том же духе и игры, предлагаемые данными программами. Обучающим играм, кстати, отводится особое место, ведь, по мнению авторов программы "Я хочу провести тренинг", если преподносить материал в игровой форме, он усваивается почти в полном объеме — на 70 процентов. Оставим эту цифру на совести авторов. Думаем, она справедлива разве что для учеников вспомогательных школ. Но сутью получаемых в игровой форме знаний, на наш взгляд, следует заинтересоваться всем, особенно родителям. Например, создатели программы "Я хочу провести тренинг" хвалятся, что "проигрывание ситуации "Во время вечеринки с дачи вернулись родители" позволяет усвоить навык уборки территории в течение 30 секунд".

Хороши наставники! Учат детей обманывать родителей и еще имеют наглость этим гордиться. Во все времена воспитание детей не мыслилось вне солидарности взрослых — учителей и родителей. Они были (и должны быть!) заодно в порицании детских пороков. Это основа нормального воспитания. Кому выгодно нарушать солидарность взрослых и, напротив, солидаризироваться с детьми в их желании скрыть от папы с мамой дурное? **Разумеется, преступникам, ведь они таким образом заполучают как жертв, так и подручных.** Поэтому педагогам, которые по старинке привыкли доверять методическим материалам, сегодня следует подходить к ним критически и почаще спрашивать себя, кого и для чего они воспитывают.

А вот весьма характерное игровое упражнение "**Табу**", кочующее из пособия в пособие: "В круг ставится закрытая шкатулка или кувшин с заклеенным горлышком. Ведущий говорит: "Там лежит то, что нельзя" [сохраняем текст оригинала. Скорее всего, эти нерусские обороты — следствие непрофессионального перевода с какого-нибудь иностранного языка.] и предлагает каждому как-то проявить себя по отношению к этому предмету. **Каждый поступает, как считает нужным**".

Прежде чем разобрать, что подспудно сообщает детям эта простенькая игра, напомним читателям смысл слова "табу". Табу - это особо строгий запрет, который, во-первых, не предполагает рациональных, прагматических объяснений, а во-вторых, не допускает, что по отношению к нему каждый (тем более ребенок!) будет "поступать, как считает нужным". А уж если кто по слабости душевной или по безрассудству нарушит табу, то обязательно навлечет на себя суровую кару. Этот важнейший стереотип присутствует в культурах всего мира и преподносится ребенку с раннего детства в

сюжетах множества сказок, мифов, легенд, притч, реальных жизненных историй. Вот, например, Персей, которому при взгляде на Медузу горгону грозила опасность обратиться в камень; жены Синей Бороды, которым под страхом смерти нельзя было проявлять любопытство к определенной комнате; Иванушка, попивший запретной водички и ставший козленочком... Да, наверное, добрая половина всего мирового фольклора дает примеры трагических последствий нарушенных табу!

А тут? Кто хочет, нарушает запрет (по признанию авторов программ, это делает больше половины группы!), весело поясняет, почему ему так захотелось, и... ничего не происходит, все в порядке! Понятие табу тем самым девальвируется. Ребята усваивают, что запрет — это глупый пустяк. А игра, напоминаем, привязана к теме наркотиков...

Ничуть не лучше и **игра "Ассоциации"**. В ней группе школьников дается задание: "Назовите одно-два слова, которые приходят вам на ум, когда вы слышите "наркотики", "наркомания", "зависимость". После этого все названные ассоциации обсуждаются... и описывается миф о наркомании в нашей культуре, исходя из возникших ассоциаций".

С мифами мы уже более или менее разобрались. Как вы догадываетесь, "мифами" будут сочтены охранительные установки, касающиеся наркотиков. А вот насчет ассоциаций кое-что полезно разъяснить. Здесь идет работа со сферой бессознательного, которая, понятное дело, несет в себе отнюдь не только благие помыслы. Кому-то придет в голову ассоциация "смерть", а кому-то, напротив, "кайф", "круто", имя рок-певца или словосочетание "будущее человечества", тем более что в каждом классе есть дети, которым нравится шокировать публику. Они еще и не такое скажут на потеху одноклассникам. А обнародованная ассоциация из индивидуальной превращается в общую. Кто-то — и даже большинство! — на уровне сознания не согласится с тем, что наркотики — "будущее человечества". Но ассоциацию эту запомнит. И она вполне может войти в его бессознательное. Туда ведь всякая пакость входит обычно без спроса, так что пятнадцатиминутная игра в "Ассоциации" — грамотный сеанс нейролингвистического программирования.

Следующий "достойный пример" — **игра "Шприц"**. Не правда ли, само название уже вдохновляет? "Каждый из участников по кругу предлагает соседу, сидящему слева, уколоться наркотиком... Предлагающий убедительно уговаривает, второй должен аргументировано отказаться. И так по кругу. В конце обсуждаются удачные и неудачные моменты.

Здорово наркомафия устроилась! Школа юных дистрибьюторов прямо в стенах общеобразовательной.

Переходим к **игре "Марионетка"**. Тут всё более завуалировано. Один ребенок изображает куклу-марионетку, два других — кукловодов. Человек, который играет куклу, не должен сопротивляться тому, что с ним делают "кукловоды" (а их задача — перевести его с одного стула на другой, находящийся на некотором расстоянии). "Очень важно, — предупреждает будущих тренеров программа "Я хочу провести тренинг", — чтобы на месте "марионетки" побывал каждый (!) участник". В конце забавы, естественно, обсуждение: что чувствовали участники в роли куклы? Понравилось ли им это чувство?

Данная игра также нацелена на растормаживание бессознательной сферы и подогревает мазохизм, который может дремать в ком-то из детей. Так он, может быть, никогда и не проснулся бы, а после подробной чувственной проработки, да еще прилюдно, да еще в словесной форме может очень даже пробудиться. На уровне сознания ребенок будет отдавать себе отчет в том, что попадать в зависимость плохо. Но вдруг сладостные воспоминания окажутся сильнее? А мазохизм, тяга к саморазрушению — это одна из определяющих черт в портрете наркомана.

Ну, и на закуску поиграем (целых 45 минут!) в **игру "Дискриминация"**. Начали! "Участники делятся на пары. Один из пары садится в круг, второй встает за ним. На каждую пару выдается табличка с надписью, которую могут видеть все, кроме этой пары. Участники должны с помощью вопросов, фраз или комментариев дать понять паре, что написано на табличке. Примеры надписей на табличках:

- Не могу сдерживать сильного полового влечения.
- Я принципиально не предохраняюсь.
- Я наркоман.
- Я алкоголик.
- Я сделала несколько аборт.
- Аборты нужно запретить.
- Я люблю динамит.
- Я ВИЧ-инфицированный.
- Я колюсь.

- Я во всем слушаюсь маму.
- Я против секса до брака.
- Я гомосексуалист

(Я хочу провести тренинг. Стр. 181).

Потом, как водится, обсуждение и вывод о недопустимости дискриминации. Позвольте на сей раз обойтись без комментариев.

Борьба с наркоманией по-министерски

Уставший от учебно-ролевых игр читатель может задать вполне уместный вопрос: что на все это скажет Министерство образования? Мы знаем, что оно скажет. Дескать, да, все это ужасное безобразие, но образование-то у нас нынче вариативное, а потому нередки случаи самостоятельности, встречаются недоработки. Но мы, Министерство, здесь ни при чем. Мы, наоборот, разработали прекрасную концепцию, которая называется "Концепция профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде".

Конечно, посмотрим. Она ведь у нас есть. Как всегда, в таких документах очень много устрашающих цифр, общих слов и туманных фраз. Но если вычленишь суть, можно увидеть следующее. За основу министерской концепции взята, как они сами выражаются, "стратегия сдерживания", поскольку "ставить сегодня вопрос о полном предупреждении злоупотребления наркотиков [сохраняем падежные окончания оригинала. Кто мы такие, чтобы поправлять Министерство образования? Вероятно, оно уже пользуется новыми правилами русской орфографии, с которыми мы просто пока не знакомы.] и избавления от наркомании абсолютно нереально".

Так и написано: "**абсолютно нереально**". Отличная, четкая, жесткая формулировка! Наркомафия отдыхает.

Впрочем, не будем ерничать, вначале узнаем, в чем заключается эта "стратегия сдерживания". Сам термин, честно говоря, скорее из военного лексикона, чем из образовательного. В каких случаях в военных штабах разрабатывают стратегию сдерживания? Когда силы противника преобладают настолько, что о победе не может быть и речи, и главная задача — не допустить захвата новых территорий, то есть Министерство фактически объявило, что нашей страной управляют наркодельцы, ибо их силы настолько превосходят силы государства и общества, что ни правительство, ни армия, ни милиция, ни суды — никто не в состоянии с ними справиться.

Заметьте, что "сдерживание" — это даже не "снижение". Следовательно, Министерство ставит задачу поддержания числа наркоманов хотя бы на сегодняшнем уровне. Теперь посмотрим, что это означает. Как известно, среди наркоманов очень высокая смертность. А если так, то для сохранения прежнего уровня необходимо довольно существенное пополнение рядов, которое, главным образом, происходит из числа подростков. Получается, что сама постановка вопроса уже предусматривает немалое количество новых жертв. И это еще не все! Смертность в среде наркоманов растет (прежде всего за счет распространения гепатита В, туберкулеза и СПИДа). Выходит, чтобы обеспечить "сдерживание", статус-кво, нужно постоянно наращивать и темпы наркотизации?

Но и это еще не полная правда о "сдерживании". По свидетельству специалистов, в процессе наркотизации общества есть определенные закономерности: сначала кривая роста резко подскакивает вверх, а затем наступает стадия относительной стабилизации, так называемое "плато". Именно в этой стадии находимся сейчас и мы. А если это так, то получается, что "сдерживание" обеспечивается само собой, безо всяких концепций и программ. Зачем же, спрашивается, тратить на них столько усилий и средств? И почему бы, если уж силы и средства затрачивать, не задаться целью снизить число наркоманов? Снизить ощутимо, чтобы все общество это увидело не только по отчетам, на бумаге? Уж, наверное, после революции условия для борьбы с наркоманией были намного хуже сегодняшних, но ее побороли. Захотели — и побороли. Остается только сделать вывод, что сейчас хотят противоположного.

Только не надо песен про "железный занавес". В Таиланде нет никакого "железного занавеса". Но и наркоторговли нет, потому что есть очень строгие законы. В Турции конопля растет прямо вдоль дорог, страна открытая — дальше некуда, но как только началась наркотизация молодежи в крупных городах, законы резко ужесточили. И теперь там опять вполне нормальная ситуация.

Впрочем, даже если число наркоманов благодаря "стратегии сдерживания" вырастет в десять раз, Министерство выйдет из положения. Ведь оно предусмотрительно включило в статистику две цифры: официальное число наркоманов и неофициальное, "по данным специалистов", так что всегда можно будет сказать, что теперь наркозависимых просто чаще ставят на учет, а в реальности число несколько

не изменилось.

Министерство даже не считает нужным скрывать, что берет на вооружение голландскую стратегию "снижения риска". (Помните? "Начал — прекрати, не хочешь прекращать — колись грамотно, гигиенично".) Оно собирается обеспечить детям "свободу выбора" (между жизнью и смертью!) при "максимальной информированности". В переводе на русский это значит, что школьникам будут развенчивать "мифы" о наркотиках и подробно рассказывать об их воздействии, конечно, под предлогом предупреждения о возможных негативных последствиях! Но уже многократно подтверждалось, что информация о наркотиках оказывает парадоксальное воздействие: чем больше знаешь, тем больше хочется. Эта парадоксальная закономерность особенно применима к подросткам и молодежи. Она была прекрасно известна советским наркологами, которые предупреждали, что **любая** информация о наркотических веществах должна быть максимально закрытой для общества.

Но, может, мы все-таки преувеличиваем, сгущаем краски? Увы, дальнейший текст концепции не оставляет такой надежды. Главная альтернатива наркомании, заявленная Министерством, — это "здоровый образ жизни" и "общечеловеческие ценности". Для тех, кто еще не полностью овладел министерским новоязом, поясняем: "здоровый образ жизни" — синоним порядком уже дискредитированной валеологии (о валеологах в концепции прямо говорится, что они будут теперь бороться с наркоманией). Что ж, это совершенно в духе рассмотренных нами программ: в них тоже все подается под соусом здорового образа жизни и общечеловеческих ценностей. Запредельное по своей непристойности упражнение "Дискриминация", превращающее урок в сатанинский шаш (только представьте себе на минуту похабные реплики, которые, глядя на таблички, будут отпускать подростки, их гогот, их жесты!), — это как раз утверждение "общечеловеческих ценностей": толерантности, терпимости, плюрализма, политкорректности. Будь ты трижды педераст, болей СПИДом, занимайся проституцией (весьма корректно поименованной в программах "секс-бизнесом"), — ты такой же, как все, мы тебя ни в коем случае не осуждаем. Как, впрочем, и дуреху, которая не хочет секса до брака, а то и вовсе слушается маму. Каждый имеет право сделать свой выбор.

"Общечеловеческие ценности" внушает и история про Володю и Катю. А упражнение "Мифы" "помогает выработать зрелую и обоснованную позицию в отношении наркотиков", то есть учит ребят "здоровому образу жизни". Упражнение "Табу" "позволяет участникам понять, как они относятся к запретам". И упражнение "Шприц" вполне в русле "Концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде", которой предусматривается "внедрение в образовательной среде инновационных педагогических и психологических технологий, обеспечивающих развитие ценностей здорового образа жизни и мотивов отказа от пробы и приема наркотиков".

Что же нам делать?

Чтобы окончательно понять, какая промывка мозгов предстоит нашим детям, очень полезно ознакомиться с составом представительнейшей международной конференции прямо по нашей тематике — "Актуальные проблемы формирования здорового образа жизни и профилактики наркозависимости подростков и молодежи". Председательствовала на ней Е. Е. Чепурных, заместитель министра образования и национальный координатор международного проекта "Половое воспитание российских школьников". По этому проекту с 2000 года во всех школах России с детьми должны были прямо на уроках говорить о том, о чем до сих пор говорят только в подворотнях, и учить "безопасному сексу". Но после разразившегося в обществе скандала проект шустро переименовали, и теперь он называется... угадайте как? Правильно! "Основы здорового образа жизни". Ведь "общечеловеческое" понятие здорового образа жизни нисколько не противоречит подростковому разврату. Хочешь — пожалуйста! Но "цивилизованно", изучив брошюру "Твой друг - презерватив", выпущенную Российской ассоциацией планирования семьи, сотрудница которой И. Л. Алесина тоже украсила своим докладом эту конференцию. Приехали туда и работники Ярославской медико-педагогической школы, так "просвещавшие" детей, что родителям пришлось обращаться в прокуратуру. "Засветились" там и автор множества сексуальных пособий для детей И. И. Соковня-Семенова, и "Врачи без границ", и масса валеологов, тоже с пеной у рта отстаивающих "общечеловеческие" ценности "планирования семьи", (то есть аборт и контрацепции), в том числе и теоретик здорового образа жизни Н. К. Смирнов, который несколько лет назад в весьма нездоровом исступлении кричал нам в лицо, что секс-просвет (читай: развращение детей) все равно придет в школы, как бы мы этому ни препятствовали (будто речь шла о луче света, через все преграды пробивающемся в темное царство).

И вы не должны удивляться, обнаружив в программе по профилактике наркомании пропаганду "безопасного секса". Это как шампунь и кондиционер в одном флаконе. Это, может быть, самая главная "общечеловеческая ценность".

Наркомафия, шалея от восторга, вопит "брависсимо". Еще бы, она ведь лучше нас знает, как быстро "просвещенные" ребяташки прибегут к ней за товаром!

- Ну, хорошо. А что тогда нужно? — спросит тоже ошалевший (правда, не от восторга) читатель.

А нужно прежде всего подумать, что помешает наркодельцам чувствовать себя в нашей стране вольготно, и делать именно это, а не подыгрывать детоубийцам.

Главное — на всех уровнях требовать ужесточения законов и строго следить за их исполнением. Без этого вообще смешно о чем-либо говорить. В самой "общечеловеческой" стране мира, Соединенных Штатах Америки, много лет читали профилактические лекции о вреде курения. Результат был прямо противоположным, особенно в подростковой среде. Потом там законодательно запретили курение в общественных местах (а в некоторых штатах даже дома!), начали штрафовать, увольнять с работы — и проблему решили. Теперь американцы не курят. А курение, между прочим, отнюдь не такая социально опасная вещь, как наркомания.

Необходимо изменить (а точнее, вернуть) прежнее отношение к наркоманам. Почему-то людей, заболевших чумой или холерой, которые в отличие от наркоманов совсем не виноваты в своей болезни, изолируют в лечебные учреждения, и никому не приходит в голову кричать о правах человека. А ведь наркоманы, как мы уже говорили, энергично втягивают окружающих в свою орбиту, то есть они в каком-то смысле очень заразны.

Если выполнить эти два условия, да еще не заполнять средства массовой информации наркотической масс-культурой, воздух очистится настолько, что не потребуются никакая профилактическая педагогика. Именно в эту сторону должны направить свои усилия родители, учителя и все остальные люди, не лишенные элементарного сострадания к детям.

Покуда же власть проявляет столь безграничный либерализм по отношению к наркопреступникам, надо, конечно, давать ребятам какую-то информацию. Только не ту, которая содержится в халтурных переводах "на язык родных осин" с английского и голландского. К сожалению, в нынешней ситуации приходится говорить о том, что против молодежи развязана настоящая война и что война эта особая: коварный враг склоняет людей к самоубийству, неустанно внушая им, что это путь к полноценной жизни, к наслаждению, к высшему благу. А главное, что это их свободный выбор.

Полезно играть на подростковом самолюбии, объяснять, что их держат за идиотов, что на языке наркомафии подсунуть неапробированное наркотическое вещество доверчивому мальчишке называется "взять обезьяну". Что информационный яд упаковывается в сладкие гуманистические фантики и что умные люди должны развивать в себе нюх, интеллектуальное и нравственное чутье, чтобы распознавать этот яд издали, не пробуя его на вкус, как опытные саперы чувствуют минную закладку в самых неожиданных местах.

Необходимо говорить, что наркомания — удел, как правило, людей недоразвитых, недалеких, не знающих куда себя деть. А если кто-то скажет про рок-певцов, отвечать, что ум, вообще-то, не самая сильная их сторона.

На подростков оказывают большое впечатление слова, что наркоманы не знают счастья любви, что все самое интересное в жизни проходит мимо них, что люди отшатаются от них, как от прокаженных.

Такие аргументы действуют на молодежь, а рассказы про то, как пошатнется здоровье и даже про угрозу смерти, проходят мимо. Это особенность возраста. Болезней и смерти боятся дети и старики-атеисты. Молодые же, входящие в период физического расцвета, чувствуют себя неуязвимыми. Они самой природой запрограммированы на бесстрашие, на риск, без которого невозможно познание мира. Человечество давно выродилось бы и исчезло с лица Земли, если бы молодежь считала высшей ценностью свое здоровье и жизнь. Никто бы не участвовал в сражениях, не открывал бы континенты, не тушил пожары, не осушал болота, не строил города и даже не рисковал бы заводить семью.

Но мы не совсем точно выразились, написав, что пугалки про здоровье пройдут мимо. На самом деле они это здоровье будут подрывать. Часть особо мнительных детей невротизируется, зациклится на своем драгоценном здоровье и превратится в мрачных ипохондриков. А повышенная фиксация на здоровье, как известно, здоровье разрушает. У других же подростков сработает дух противоречия, и они могут попробовать наркотики демонстративно, чтобы доказать свое бесстрашие.

Как мы уже говорили, наркомания это не только преступление и не просто болезнь, это "бесоудержимость". Не потому ли так жалки результаты самых разнообразных медицинских, в том

числе психотерапевтических, усилий врачей-наркологов? И, наоборот, поражает количество исцеленных, прошедших через православные центры реабилитации. Например, в Душепопечительском центре во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского (Москва, Крутицкое Патриаршее подворье), который возглавляет игумен Анатолий (Берестов), количество исцеленных составляет примерно 70 процентов. А сколько случаев, когда наркоманы обходились даже без реабилитационных центров: просто начинали посещать церковь, регулярно исповедоваться и причащаться!

Строго говоря, они тоже меняли свой пагубный образ жизни на здоровый. Но только на другой, не "общечеловеческий". Ведь в "общечеловеческом" представлении о здоровом образе жизни (и соответственно в школьных программах) напрочь отсутствуют такие понятия, как "грех", "разврат", "целомудрие", "аскетизм", "покаяние", "совесть". И неслучайно.

Очень точно и хорошо говорится об этом в книге "От чего нас хотят "спасти" НЛО, экстрасенсы, оккультисты, маги?" (М., Даниловский благовестник, 2011): "...Благодать Божию можно потерять только из-за греха; и если отнимает ее Господь у согрешившего — человек становится беспомощным, слабым, безвольным и беззащитным как при нападении злых людей, движимых духами зла, так и при непосредственном воздействии самих демонов.

...Аскеза — сильнейший способ защиты христианина от этого внедрения. Вот почему демоны и их "агенты влияния", всеми силами стараются... по возможности вообще исключить из сознания людей само упоминание о каком-либо воздержании (аскезе).

Однако в тех случаях, когда "агенты влияния" не могут вести открытую войну с Церковью, они даже не прочь лицемерно поговорить о ее нравственной пользе. Но нам следует ясно себе представлять, что они готовы терпеть только такую Церковь, из учения которой были бы полностью исключены понятия борьбы с грехом, борьбы с демонами (о них вообще лучше молчать!) и, конечно, аскетизм как метод борьбы с демоническим воздействием на плоть, разум и эмоциональную сферу человека. В такой Церкви Таинства потеряют свою благодатную силу..."

Кстати, в этой же самой книге мы обнаружили очень любопытную аналогию с "антинаркотической" игрой "Марионетка". Вот что рассказывает Ксения Игуменова, в свое время сильно увлекавшаяся оккультизмом: "Я с удовольствием выполняла очень странное упражнение "вешалка", где надо было ощущать себя безвольно висящей на невидимых "плечиках" для одежды, — представлять, как некая невидимая рука несет меня по улице, по дому, а я лишь покорно перебираю ногами (ну разве не напоминает упражнение "Марионетка"? Невероятно быстро исчезали моя воля и способность трезво оценивать ситуацию. И я добровольно тренировалась, как лучше, быстрее и удобней попасть в зависимость от "высших"[бесовских!] сил".

Положа руку на сердце, мы не можем вас утешить возможностью выбора. То, что мы так конспективно обозначили в качестве необходимых действий, **безальтернативно**, ибо взрослые не имеют права давать детям выбирать между жизнью и смертью.

Глава IV

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Иностраннный язык как психологическое оружие

В последние годы укоренилось мнение, что чем раньше дети начнут изучать иностранные языки, тем лучше. Родители охотно платят за дополнительные занятия английским в детском саду, нанимают (если есть средства) дошкольникам репетиторов. И, конечно, когда Министерство образования решило ввести во всех школах обучение английскому с первого класса, большинство пап и мам встретило это решение на "ура". Однако в среде профессионалов отнюдь не все смотрят на происходящее со столь безоглядным оптимизмом. Попробуем разобраться в их аргументации. Однако для начала расскажем о печальной судьбе русского языка.

Очень многие современные дети пасуют перед трудностями. На это сейчас обращают внимание все больше родителей и педагогов. А преподавание русского как будто нарочно поставлено так, чтобы отбить у ребят охоту изучать родной язык. "Беспокоясь о судьбе русского языка, — отмечает главный редактор журнала "Народное образование", кандидат психологических наук Алексей Михайлович Кушнир, — в основном, говорят о засилье иностранных терминов и сленга. Но при этом почти не обращают внимания на то, что мы живем в стране, в которой уже на протяжении почти ста лет миллионы детей терпеть не могут предмет "русский язык". Школа если и не вызывает отвращение к

русскому языку, то уж во всяком случае не воспитывает к нему любви. Конечно, у большинства людей все равно возникает эмоциональная привязанность к родному языку, как бы такая глубинная почвенность. Но система преподавания языка в школе работает на самоуничтожение. Программы и методы обучения построены таким образом, что язык — родной язык! — никому не покажется легким. Мы традиционно взяли на вооружение схоластическую прусскую модель обучения языкам. Но что удивительно: в области обучения иностранным языкам наблюдается совсем иная картина. Тут сплошной творческий подход, прямо-таки взрыв креативности. Учителя всячески стараются сделать урок привлекательным, используют игровые методы, слайды, фильмы, элементы страноведения. То есть мотивационно государственная образовательная система работает против русского языка, способствуя экспансии иностранных языков. Прежде всего английского. Это четко выраженная государственная политика в области языкового образования, и в последние годы она достигла своей кульминации, когда обучение иностранным языкам повсеместно ввели уже в начальной школе".

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы предугадать предпочтения ребенка, которому будет предоставлена возможность выбора между полезной, но пресной овсянкой и вредным, но сладким и красочно оформленным леденцом "Чупа-чупс". Почему же в области языковых и культурных предпочтений должно быть иначе?

Но вместе с чужим языком дети усваивают чужие культурные установки, чужие культурные коды. Ведь язык — это не просто слова. Это целый мир. В языке как ни в чем другом отражается душа народа, его представления о жизни, его система ценностей, историческая память. Родной язык оказывает огромное воспитательное воздействие, служит нам и опорой, и защитой, и ориентиром в сложных ситуациях. Неслучайно один из наиболее действенных приемов манипуляции сознанием заключается в замене слов с исконными корнями на иностранные термины. Да, конечно, мы понимаем их значение, но это понимание чисто головное, умозрительное. В нашей душе они не находят отклика.

Одно дело сказать "сексуальное просвещение детей и подростков". Вроде бы ничего звучит, культурно, красиво, благородно. А назовите это по-русски "растлением малолетних" — и аудитория содрогнется. Причем вовсе не обязательно из-за подспудного напоминания о статье в Уголовном кодексе. Нет, просто любой человек, для которого русский — родной язык, понимает значение корня "тлен". И ни для кого этот корень не имеет положительной окраски, ибо "тлен", "тление" теснейшим образом связаны с понятием "смерть". А приставка "рас" означает раскрытие. Человек растленный, раскрывшийся для разврата, как бы впускает в себя смерть, что подтверждается не только на духовном, но и на физическом уровне. Растленные люди, как правило, долго не живут. Венерические заболевания, СПИД, алкоголизм, наркомания, расшатанные нервы и прочие спутники разврата, как нетрудно догадаться, не способствуют укреплению здоровья и достижению долголетия. Поэтому сколько ни убеждай, что растление — это хорошо, ничего у тебя не получится. Язык не допустит такой вопиющей лжи.

В психологии есть понятие "сензитивного периода". То есть этапа, когда ребенок наиболее восприимчив к овладению теми или иными знаниями, умениями, навыками. Если пропустить такой сензитивный период, то многие вещи могут быть упущены навсегда. К примеру, ребенок, который до семи лет не научился говорить, скорее всего так этому и не научится. Аналогичным образом происходит и формирование менталитета. Ребенок не рождается с ним, национальное самосознание вырабатывается у него постепенно в процессе воспитания. И родной язык играет здесь наиважнейшую роль. Смешение же культурных кодов и установок на раннем этапе развития ребенка дезориентирует его, мешает выработке национального самосознания. А если родители и педагоги усиленно подчеркивают ценность овладения иностранным языком, стараются всячески повысить мотивацию ребенка, то может произойти и культурная переидентификация. Не успев проникнуться родным духом, ребенок всей душой прилепится к иностранному. И будет не только говорить, но и мыслить, чувствовать, вести себя как иностранец. Русский язык, русская культура и ментальность станут ему чужды, непонятны и неприятны.

Но откуда в современном российском обществе возникла такая преувеличенная потребность в иностранном языке? Как сформировалось убеждение, что его знание — залог успеха в жизни?

Конечно, нынешнее "аглицкое поветрие" — это, прежде всего, реакция на долгие годы существования страны за "железным занавесом". Для людей, выросших при советской власти, за граница была сверхценностью, а ведь именно эти люди и являются сейчас родителями, бабушками и дедушками. Именно они определяют, чему и когда учить маленького ребенка.

Во-вторых, после падения "железного занавеса" в России появилось большое количество иностранных бизнес-разведчиков, которые начали осматриваться, "наводить мосты". Соответственно,

возникли фирмы, платившие своим сотрудникам немислимые по тем временам деньги. Устроиться в такую инофирму было заветной мечтой многих семей. Это тоже обусловило рост мотивации.

В-третьих, жизнь за "железным занавесом" породила преувеличенные надежды на "забугорное" счастье: вот уеду в Америку и там заживу, как белый человек... Мытарства, неизбежно ожидающие эмигрантов и связанные с утратой корней и культуры, с отрывом от родного языка, не воспринимались — а часто и до сих пор не воспринимаются! — всерьез. Так что возможность уехать на постоянное жительство или хотя бы на работу за границу — это еще один важный мотив раннего приобщения детей к изучению иностранного языка.

Но за всем этим стоит мощная стратегия, направленная на развал нашей страны. В начале 80-х годов XX века на Западе из уст достаточно серьезных политиков начали звучать такие высказывания: дескать, население современной России должно лет через 30–40 сократиться до пятидесяти, а то и до тридцати миллионов человек. Причем необязательно в результате "горячей" войны. Этого можно достичь демографическими методами: и путем поощрения политики "планирования семьи", и через культурную переидентификацию народа.

Стратеги данной политики надеялись, что русские под влиянием западной культуры перестанут мыслить и рассуждать как русские, отторгнут отечественную культуру и ее ценности. И данный процесс был запущен. Мы пережили почти тридцатилетний период доминирования англоязычной музыки на нашей территории. По крайней мере, в молодежной среде. Причем процессы англomanии шли по нарастающей. Поколение молодежи, выросшей на англоязычной музыке, нарождало детей и уже вместе с ними слушало дома эту музыку, по-прежнему идеализируя западный образ жизни. Да и сейчас данная стратегия не утратила своей актуальности. Англоязычная экспансия продолжается, и главной ареной борьбы становится менталитет, сознание человека, его психологические установки и язык. Системой зарубежных грантов в России целенаправленно поощряется пропаганда либерализма, феминизма, американской культуры и английского языка.

Мотивационный базис принадлежности к русскому этносу ослабел настолько, что они готовы сменить гражданство. И когда государство, идя на поводу у наследия "холодной войны", собственными руками формирует у детей готовность сняться с места и жить "за бугром", близорукость такой политики ужасает. Преподавание иностранного языка с первого класса должно быть отменено. Причем не обязательно по тем причинам, которые мы с вами обсуждали, а просто потому, что оно научно никак не обосновано. Научные результаты, даже если они есть, никем никогда не обсуждались публично. Волонтаристски принимать такие серьезные решения, касающиеся судеб миллионов детей, является преступной халатностью.

Многие родители надеются, что владение иностранным языком обеспечит ребенку хорошие перспективы. Однако и это может стать в недалеком будущем проблематичным. Знание только иностранного языка обеспечивает человеку возможность работать преподавателем или переводчиком. А переводчик, даже весьма квалифицированный, владеющий языком в совершенстве, будем до конца откровенны, это все-таки технический, обслуживающий персонал. Образованному человеку рано или поздно надоедает быть обслугой, послушно повторяющей чужие речи, подчас не особо умные и интересные. Недаром среди устных переводчиков так мало молодых людей. Даже наиболее творческая часть "толмачей" — переводчиков художественной литературы — с годами начинает испытывать комплекс неполноценности и обычно старается попробовать свои силы в самостоятельном творчестве.

Ну и зачем изначально натаскивать ребенка на сервисное обслуживание иностранцев в России? Не лучше ли сделать так, чтобы он уважал **себя в своей культуре**, стремился стать специалистом **своего дела** или владельцем **своего дела**? А иностранный язык может быть — а может и **не быть!** — приложением к основной профессии.

Но даже если переводческая деятельность человеку очень нравится (в конце концов, о вкусах не спорят), через некоторое время такой нужды в переводчиках, как сейчас, вполне вероятно, не будет. Системы автоматического распознавания речи вскоре станут общедоступными. А затем в наш обиход могут прочно войти и системы интеллектуального перевода. Это будет просто компьютерная программа, которая моментально переложит иностранную речь на нужный язык. Причем не коряво, как сейчас, а с вполне приемлемым качеством. Все это дело ближайшего будущего. "Так что сегодня делать долговременную ставку на карьеру переводчика, просто глупо", — сказали мои собеседники, профессионально занимающиеся стратегическим планированием в области образования.

В заключение скажем: не усердствуйте в раннем обучении детей иностранному языку. Мало того, что это может вызвать задержку речевого развития и открыть в детском сознании шлюзы для

проникновения чужих ценностей, зачастую противоположных ценностям нашей культуры, так еще и чуждый интонационный строй способен разбалансировать неокрепшую детскую психику, пагубно повлиять на эмоциональную сферу ребенка. Русская речь интонационно плавная, раздумчивая. Английская — гораздо более нервная, напряженная, фразы интонационно рваные, голос чуть ли не на каждом слове поднимается вверх. Для ребенка, который в силу своих психофизиологических особенностей более чувствителен к подобным вещам, нежели взрослый, это серьезная нагрузка.

Детям с логопедическими проблемами особенно вредно привыкать к чужой артикуляции, не освоив свою. А поскольку логопед определяет норму лишь после того, как ребенку исполнится 4 года, до этого возраста лучше вообще не ставить лингвистических экспериментов. Хотя нынче порой можно увидеть английские слова и буквы, пришипленные к стене над кроваткой даже полугодовалого младенца. (По принципу "пусть привыкает".)

Но лучше не забегать вперед, а сизмальства прививать детям любовь к родному языку: читать побольше народных сказок (конечно, в адаптированном варианте, без обилия страшных подробностей, доставшихся нам в наследство от язычества), учить пословицам и поговоркам, разучивать народные песни. Последнее особенно важно, поскольку музыкальный фольклор создает у детей надежный культурный иммунитет, защищая психику от стрессов и невротизации.

Портрет омбудсмена в школьном интерьере

Может, это закон парных случаев, может, еще что-то? Буквально в течение суток две наши знакомые женщины (но при этом незнакомые друге другом) позвонили и рассказали, как школьные поборники прав детей испортили им отношения с детьми. У одной девятилетний сын, ссылаясь на преподанную ему Конвенцию о правах ребенка, заявил, что не будет ходить в церковь, так как никто не смеет навязывать ему религиозные убеждения. Другой, пятиклассник, убежден, что на детей нельзя давить, и поэтому он бросает музыкальную школу. А если мать попробует его заставить, он пожалуется в милицию, и ее посадят в тюрьму.

Когда приводишь такие случаи, люди часто смеются, воспринимая их как нелепые детские выходки, из которых ровным счетом ничего не следует. Дескать, до чего ж они забавны, эти маленькие петушки! Любят похорохориться...

Ну, ничего, пойдут, как миленькие, куда мать скажет. А заартачатся — получают на орехи.

Правда, в последнее время так в основном реагируют или те, у кого дети давно выросли, или вовсе бездетные. В общем, люди, живущие вчерашними представлениями о власти родителей над детьми. Матерям же, которые нам позвонили и которые вполне ощущают "свежий ветер перемен", было не до смеха. Им и так-то нелегко приходилось со своими ребятами, а после того, как мальчиков в школе вооружили знаниями о правах, мамы и вовсе оказались перед весьма сомнительным выбором: или надо дискредитировать учителя-правоведа, или, чтобы не ронять авторитет школы, пойти у сыновей-бездельников на поводу. Ведь в данных конкретных случаях отказы объяснялись именно ленью: одному ребенку было неохота рано вставать, а другому хотелось поиграть не на пианино, а на компьютере. И они фактически получили в школе правовую поддержку своей лени.

Но то ли еще будет, если примут закон о ювенальной юстиции, то есть о юридической защите прав детей, и в каждой школе воцарятся официальные правозащитники-омбудсмены, наделенные властными полномочиями! Тут не то что будет не до смеха, а впору завывать.

На самом деле ювенальное законодательство уже частично существует, хотя закон о ювенальной юстиции еще не принят. Например, Семейным кодексом, утвержденным в ельцинскую эпоху, когда вся жизнь наспех перекраивалась по либеральным лекалам, предусмотрено, что для защиты своих прав ребенок может самостоятельно обратиться в органы опеки, а по достижении 14 лет — в суд.

Закон об образовании выглядит еще интересней. "Применение методов физического и психического насилия по отношению к обучающимся, воспитанникам не допускается", — гласит ст. 15, пункт 6.

Конечно! Кто ж с этим поспорит? Но формулировки закона позволяют подверстать под насилие и множество вполне заурядных дисциплинарных мер, без которых не только воспитание, но и образовательный процесс невозможен. Судите сами. Комментарий к ст.56, пункт 4.2.

"Физическое насилие — это применение физической силы к ученику".

Значит, если, к примеру, ученики затеют драку, учителю не стоит их разнимать. Ведь без применения физической силы это далеко не всегда получается. И если ученик кинется с кулаками на самого учителя (а такое сейчас бывает, поскольку стало гораздо больше возбудимых, расторможенных

и одновременно плохо воспитанных детей), самооборона — дело для педагога весьма рискованное. В Америке именно поэтому в такой ситуации вызывают полицейских, чтобы разбушевавшиеся хулиганы не могли обвинить учителей в физическом насилии.

Вариантов тут может быть довольно много, но, ограничившись этими двумя примерами, перейдем к психическому насилию. Итак, цитируем закон дальше, выделяя его текст *курсивом*, а ниже даем свои пояснения.

Формами психического насилия являются:

— угрозы в адрес обучающегося;

Это опять-таки можно трактовать расширительно; например, фразы типа "если то-то и то-то — вызову родителей, пойдешь к директору, останешься на второй год и т. п." тоже являются угрозами.

— преднамеренная изоляция обучающегося;

Фактически это запрет выгонять учеников из класса, который реально уже действует во многих школах страны. Первый омбудсмен России Ляля Неповиннова в интервью газете "Известия" так прямо и заявила: "Выгнать ученика с урока нельзя ни при каких обстоятельствах — это запрещено "правилами внутреннего распорядка школы" (*Известия*. 2006, 20 мая). Что ж, в западных школах, с которых придется брать пример, учителя уже давно примирились и с распитием на уроках разных напитков, и с ругательствами, произносимыми вслух, в том числе и в их адрес. Даже "интим" на уроках стал возможен, за это тоже нельзя выгнать из класса. Но пойдём дальше.

— предъявление обучающемуся чрезмерных требований, не соответствующих возрасту.

Поскольку сейчас немало детей с задержкой психического развития, эта норма даст "ювенальщикам" возможность оправдать такое, скажем, нередко сейчас встречающееся проявление инфантилизма, как сидение под партой. Физически учитель вытащить "сидельца" не может — это насилие. Грозить тоже запрещено. А теперь выясняется, что он ни в какой форме не смеет выразить своих претензий, потому что может быть обвинен омбудсменом в некомпетентности. Раз ученик сидит под партой, значит, его психологический возраст меньше реального и к нему нужно было найти индивидуальный подход, чтобы "малышу" не было скучно слушать объяснения. Ну, а то, что еще полкласса, видя безнаказанность "инфантила", уползло под парту, а другая половина над этим потешалась и урок был сорван — это опять-таки проблемы учителя.

— оскорбление и унижение достоинства;

— необоснованная систематическая критика ребенка, выводящая его из душевного равновесия;

— демонстративное негативное отношение к обучающемуся" (см. Комментарий к Закону "Об образовании". Стр. 389).

Эти пункты позволяют протестовать против любых замечаний. А подростки даже обычные советы часто принимают в штыки и выходят из состояния душевного равновесия, которое у них в силу возрастных особенностей крайне неустойчивое. Что же касается "необоснованности", то это как кому. Учителю критика кажется обоснованной, ученику и родителям — нет.

Впрочем, не только систематическая критика влечет за собой серьезные санкции.

— применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося (воспитанника) является основанием для увольнения педагогического работника по инициативе администрации (то есть по статье) (Закон РФ "Об образовании", ст.56, п.4.2).

Хотим особо подчеркнуть, что практически все перечисленные здесь пункты не вызвали бы никаких сомнений, если бы понятия об оскорблении, унижении и насилии соответствовали нормальным, традиционным представлениям, какими до сих пор руководствуется большинство наших учителей, директоров школ, родителей и представителей власти. Но в том-то и фокус, что в "ювенальной реальности" дела обстоят именно так, как мы описали. В Америке, например, работа школьных педагогов настолько зашла в тупик, что Джордж Буш в Проекте программы реформ в области образования заявил, что в рамках повышения безопасности школ XXI века "учителя получают право удалять с урока агрессивных учащихся", поскольку уровень образования из-за невозможности поддерживать дисциплину снизился до критической отметки.

Но вернемся к роли школьного омбудсмана и покажем, что это роль отнюдь не рядовая, как можно себе представить поначалу — дескать, появится еще одна штатная единица, еще один вид работы. Есть же в школе медсестра, психолог, завхоз. Почему бы не быть правозащитнику?

Нет, роль омбудсмана скорее роковая, нежели рядовая. Если механизм ювенальной юстиции будет полностью создан, то есть если будут приняты соответствующие законы и везде появятся суды для

несовершеннолетних, омбудсмены станут чем-то вроде приводного ремня. Благодаря им вся система придет в движение.

Возьмем случаи, с которых мы начали главу. Покуда ювенальный механизм не запущен, либерально трактуемые права ребенка существуют отдельно, а реальная жизнь отдельно. Мальчишки-лентяи поскандалят и перестанут. Ведь сколько бы их ни науськивали на родителей, все равно непонятно: куда идти защищать свои права?

Как? Большинство детей просто в этом не разберутся, да и постесняются.

А тут прямо в школе будет человек, который и разъяснит, и призовет "предков" к порядку, и поможет, если они будут упорствовать, грамотно составить на них жалобу, и передаст дело в суд. Усилий со стороны ребенка практически никаких, только загляни в кабинет. Как в стихотворении Р. Бернса, "ты свистни — тебя не заставлю я ждать". И машина закрутится-завертится...

Что такое омбудсмен с точки зрения школьной вертикали власти? Ни завуч, ни директор, ни даже Министерство образования ему не указ. Работая в школе, он при этом не подчиняется школьному начальству. Скорее наоборот, начальство, не говоря уж о рядовых педагогах, фактически ходит "под ним". К нему стекаются сведения о детях, учителях и родителях. Словом, о тех, кого принято называть на чиновничьем языке "участниками образовательного процесса".

А поскольку к омбудсмену ходят жаловаться, то это не просто сведения, а компромат. И компромат этот вовсе не лежит мертвым грузом в кабинете. Правозащитник вполне официально может его использовать, поскольку является уполномоченным, то есть облеченным властью представлять и защищать права своих подопечных. Прежде всего, права детей, потому что они по ювенальному законодательству будут приоритетны.

Формально омбудсмен где-то сбоку, отдельно, а фактически — над всей школой. Он диктует, как жить, но ни за что не отвечает. Вернее, отвечает за соблюдение прав, а если такое соблюдение приводит к развалу дисциплины и, следовательно, всего "образовательного процесса", то виноват не он, а директор и учителя, которые не сумели заинтересовать детей. Ну, и конечно, родители. Эти вообще виноваты по определению.

Естественно, такой расклад не будет способствовать укреплению авторитета педагогического коллектива. Что, как вы догадываетесь, еще больше усложнит и без того нелегкую работу учителя. Наиболее ответственные и любящие свое дело педагоги уволятся. Уже сейчас многие учителя говорят, что работать становится невыносимо, поскольку школьники матерятся прямо им в лицо, а они, не имея рычагов воздействия, вынуждены делать вид, будто не слышат. Останутся халтурщики, которым лишь бы отбарабанить урок и получить зарплату. Развал образования, начатый вредоносными учебниками и инновациями, продолженный введением ЕГЭ, будет завершен.

А какой возникнет простор для склок и сведения счетов! Кстати, это будет иметь не только психологические, но и социально-политические последствия.

Нетрудно догадаться, что восстановление детей против взрослых, а также создание почвы для анонимного доноительства среди педагогов будет весьма способствовать разрыву традиционных социальных уз.

А еще омбудсмены могут за каких-нибудь несколько лет произвести мировоззренческий переворот в целом поколении. То, что сейчас проделывают с юными умами либеральные СМИ и Интернет, будет многократно усилено благодаря индивидуальной работе "от сердца к сердцу" (излюбленный штамп сотрудников "планирования семьи" и прочих "гуманных" организаций).

А также — что, быть может, самое главное! — благодаря авторитету учреждения, в котором такая работа начнет производиться, то бишь школы. Что бы ни говорили про школу, какие бы в ней ни были недостатки, это основное учебное заведение. И надо четко понимать: с введением омбудсменов в ней будут учить не только математике, русскому языку и биологии, но и принципиально другому отношению ко взрослым. Приведем лишь один маленький пример. Доводилось читать и слышать, что школьные омбудсмены вывешивают на всеобщее обозрение отчет о проделанной работе. Это преподносится как что-то безусловно положительное: дескать, у нас полная прозрачность и гласность. Но если разобраться, что собой представляют подобные документы? Как и любой отчет, они содержат некие статистические данные и те или иные качественные параметры. Применительно к омбудсменам — это сколько за год поступило жалоб, на что жаловались дети, на что учителя, на что родители, кто основные нарушители, какие меры были приняты и т. п. Как вы помните, в школах, находящихся под омбудсменами, в качестве обвиняемых в основном выступают педагоги. А тут еще список их "злодеяний" вкупе с постигшей карой выставляется на всеобщее обозрение. Особо злостных "правонарушителей" могут назвать и по именам, к вящему удовольствию потерпевших. Ну, разве это не

мировоззренческий переворот? Позорить учителей перед учениками, как когда-то позорили в стенгазете закоренелых хулиганов и двоечников! Для полного завершения этого перевертыша осталось только хулиганов посадить за преподавательский стол, наделив их к тому же правом ставить неугодных учителей в угол и выгонять из класса.

Институт школьных омбудсменов позволит изящно покончить и с "клерикализацией школы". Призывы академиков во главе с Гинзбургом результата не дали. Предмет "Основы православной культуры" преподается уже во многих школах страны. Но в правозащитной среде эту дисциплину почему-то недолюбливают. Сотрудники аппарата омбудсмана РФ выступили против обязательного изучения основ православной культуры в школах и даже упоминали про Европейский суд. Школьные правозащитники задачу решат без напряжения. Причем могут разобраться не только с обязательным предметом (о котором, кстати, Церковь и не упоминает, так что это все подтасовки), но и с факультативом. В доверительной беседе с ребенком нетрудно получить желаемый ответ на грамотно поставленный вопрос. Поэтому не будет ничего удивительного в том, что вдруг начнутся массовые отказы детей от "скучного урока", который к тому же ведут "плохо подготовленные, неквалифицированные" учителя. А еще в этих отказах подозрительно часто будет упоминаться нарушение права ребенка на свободу совести. Хотя, впрочем, что тут подозрительного? В новой реальности дети положения Конвенции о правах ребенка будут знать назубок. Куда лучше, чем таблицу умножения.

Ненаказанный сын — бесчестье отцу

1 июня 2010 года, в День защиты детей, официально стартовала кампания, направленная на отмену наказаний детей. Для тех, кто, как теперь выражаются, "в теме", это не было неожиданностью. Разведка боем началась заранее. В Интернете была вывешена брошюра "Искоренение телесных наказаний у детей", изданная Советом Европы (ознакомиться с ней можно, например, на сайте juvepaljustice.ru). Появилась она и в печатном виде. Месяца за полтора до этого устроили телемост "Россия — Франция", целью которого было создать общественное мнение о недопустимости физического наказания в семье. Промывка мозгов в этом телемосте шла по двум основным направлениям: во-первых, внушалось, что ужасающий рост насилия в обществе есть прямое следствие того, что будущего насильника в детстве шлепали или ставили в угол, и, во-вторых, что ребенок — точно такой же человек, как и взрослый, и потому родители не имеют никакого права его наказывать.

Первый тезис был, похоже, рассчитан на слабоумных, поскольку любой человек с нормальным интеллектом тут же может возразить, что в старину детей не только шлепали, но и секли розгами, а преступности (то есть насилия) было несопоставимо меньше. И сделает нехитрый вывод, что рост насилия в обществе обусловлен, наоборот, распущенностью, которая в свою очередь есть следствие безнаказанности.

Второй тезис выглядел несколько более казуистично, и его мнимую правоту удалось подтвердить, поставив в неловкое положение одну из статисток в телестудии. К ней подошла психолог, эксперт передачи, и задала вопрос, который можно считать модельным. Возможно, он теперь будет часто задаваться в аналогичных дискуссиях.

— Мало ли чем мое поведение Вам не понравится?! Вы же не будете меня бить?

Ошарашенная столь неожиданной постановкой вопроса, женщина смущенно пролепетала: дескать, нет, конечно, не буду.

— А почему тогда ребенка вы можете шлепать? — наседала психолог.

Такое логическое построение окончательно смутило вопрошаемую. Она была застигнута врасплох. Наши люди вообще склонны робеть от апломба, от напора, от наглой безапелляционности собеседника. Ведь не растеряйся она, можно было бы ответить примерно так:

— Если вы не видите разницы между моим маленьким сыном и собой, вам, пожалуй, стоит проконсультироваться с врачом. Когда человек не различает своих и чужих, это довольно тревожный симптом. Сына я родила, кормила грудью, вытирала ему попку, вожу в детский сад. А вас, мадам, я разве кормила грудью или сажала на горшок? Да и шлепать вас уже поздно. Хотя в детстве, может, и стоил о бы.

Впрочем, ток-шоу изначально не предполагает честной дискуссии. Ну, а если кто-то искренне не понимает, зачем нужно наказывать детей, что ему ответить?

Согласно учению академика И. П. Павлова, у человека есть первая и вторая сигнальные системы. Первая дает возможность воспринимать внешний мир через систему анализаторов, то есть органы

чувств, и существует не только у человека, но и у животных. Вторая же, словесная или система речевых сигналов, присуща исключительно человеку. Только человек способен формировать отвлеченный от обстоятельств образ. Пока ребенок маленький, воздействие на его первую сигнальную систему бывает более продуктивным. Наши предки ничего не знали ни про кору, ни про подкорку, ни про две сигнальные системы, но эмпирический опыт, передававшийся из поколения в поколение, с успехом им эти знания заменял. Народная мудрость наказывать дитя физически, пока оно помещается поперек лавки, разве не соответствует куда более поздним научным открытиям?

И в библейских Соломоновых Притчах, написанных тысячелетия назад прямо говорится: "Наказывай сына, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его" (*Притч. 19, 18*).

Но по мере взросления ребенок становится разумней, управляемей, на него лучше действуют словесные аргументы. Он начинает понимать иные виды наказания, логическую связь проступка и его печальных последствий. К примеру, "если ты будешь вести себя так-то и так-то, не получишь того-то и того-то". Но и в более позднем возрасте бывают ситуации, когда острое состояние аффекта затмевает разум и отрезвить человека можно только физически.

Слушая гневные реплики наших детозащитников о недопустимости физических наказаний, мы очень хотели бы получить ответ на следующий вопрос. Как они посоветуют вести себя отцу, если в его присутствии шестнадцатилетний сын (по международной классификации еще ребенок), требуя денег, оскорбляет мать, которая по каким-то причинам ему отказывает; а когда отец пытается его остановить, бросается на него с грязной руганью и кулаками? К сожалению, при нынешнем упадке нравов такая картина вполне реалистична и порой ее можно наблюдать даже в тех семьях, где дети никак не могли получить такой дурной образец от родителей. Наши оппоненты, конечно же, используют свой любимый довод об ошибках воспитания, о том, что ребенка упустили и раньше надо было думать. Пусть даже так, хотя и это спорно: у кого-то были ошибки, а у кого-то нет.

В обстановке такого оголтелого растления, как сейчас, и подросток из хорошей семьи может повредиться. Но не надо уклоняться от ответа на вопрос: что делать в данном конкретном случае? Кротко подставлять себя под удары и не защищать жену? А, может, "для урегулирования конфликта" выдать требуемую сумму и даже несколько ее увеличить? В расчете на будущее, чтобы "смягчить негативизм ребенка". Тогда, глядишь, он в следующий раз и обзываться будет не так обидно, и побьет не так больно...

Или все же лучше скрутить мальчика и всыпать ему по первое число, чтобы он малость опомнился и не считал отца трусливым дегенератом? Ведь именно таковыми выглядят в глазах подростков родители, которые ведут себя по ювенальным предписаниям. Наказывать же Совет Европы запрещает. Даже шлепок приравнивается к истязанию. Какое там "всыпать"!

Прекрасной иллюстрацией того, что нас ждет, если мы последуем Совету Европы (нечаянная игра слов) и не будем применять наказания, может послужить очерк о шведской школе в брошюре "Швеция глазами русской женщины". Написан он Марией Густафсон, русской женщиной, давно живущей в Швеции и работающей там учительницей.

"Даже если подросток назовет учителя проституткой, он практически не наказуем. Это может происходить из урока в урок. Кончится тем, что учитель поменяет место работы. Это будет лучшим выходом для учителя. Известны случаи, когда ученик одним ударом кулака привел учителя в состояние инвалидности, — пишет Мария Густафсон и делится воспоминаниями о своей собственной работе в шведской школе: — Одна девица задала мне вопрос. Получив ответ, она заявила мне в лоб: "Собачье дерьмо". Видимо, она была недовольна ответом, возможно, что я ответила не на ее детском уровне. В другой раз подошел ко мне за объяснением учащийся и, не желая вникнуть в задачу, стал орать на меня: "Я не понимаю! Почему такой ответ?" Пришлось мне напомнить ему, что он может орать на папу с мамой, если они ему это позволят, но не на меня. И это было в престижной школе!"

Если уж в Швеции, где народ куда более законопослушный и сдержанный (шведы даже разговаривают очень тихо), творится такое, что же ожидает нас?

Простейшая бытовая ситуация. Ваш ребенок прибегает со двора с ревом — его обидел хулиган. Говорить "дай сдачи" бессмысленно. Он потому и прибежал к вам, что своими силами не справился: хулиган в полтора раза старше: вашему 7, а тому 11. Что в таком случае делать? Вы хулигану уже не сможете сказать ни слова. Он тут же на вас наступит: дескать, вы унижаете его достоинство, применяете психологическое насилие (по определению Совета Европы пытаться вызвать у ребенка чувство вины — это насилие). Обращаться к родителям хулигана, чтобы они повлияли на своего отпрыска, столь же бессмысленно. Запрет наказаний связывает их по рукам и ногам, скажут они. И, желая вас утешить, добавят, что сынок и их поколачивает.

Прогноз, как будет развиваться ситуация защищенной законом безнаказанности, сделать нетрудно. Подростки, которые в силу своих возрастных особенностей любят испытывать границы дозволенного, могут ошалеть от наглости и начнут терроризировать взрослых своими издевательствами под вопросительно-ерническое "А что вы мне сделаете?"

И действительно, что можно будет сделать в таких условиях? Только униженно опустить голову, в который раз почувствовать свое тошнотворное бессилие. Особенно тяжело это скажется на мужчинах, ведь для них вопрос соблюдения иерархии более значим. Они по своей природе более амбициозны, чем женщины, больше стремятся к власти и, соответственно, более остро переживают свое бессилие, свою немощь перед "младшим по званию". Нетрудно предсказать, что это вынужденное унижение неминуемо приведет к еще большему росту алкоголизма, наркомании, неврозов и импотенции (физиологическая немощь часто бывает следствием психологической) — короче говоря, всех тех явлений, которые отнюдь не способствуют нормальной семейной жизни, устойчивости браков и соответственно решению демографических проблем, ребром стоящих сейчас перед нашим государством. Напротив, можно с высокой степенью вероятности предположить дальнейший рост разводов, а также увеличение числа людей, не желающих вступать в брак и иметь детей в такой дикой, противоестественной обстановке. Что ж, их вполне можно будет понять...

А теперь задумаемся, почему чужой человек не может наказать ребенка, а родные могут? Дело в том, что право наказывать тесно связано с **понятием власти**. Кто имеет власть, тот и может наказывать. Если один человек убьет другого, даже имея на это веские причины, он совершит преступление. Если же государство того же самого человека приговорит к смертной казни, это будет не преступление, а наказание. Или, скажем, кто-то решит поймать своего должника и заточить в подвале за неуплату. Даже если должник злостный, а сумма большая, мстительный кредитор — это преступник. По закону он должен обратиться за разрешением своей проблемы в суд, и государство в лице судьи решит, какую меру наказания заслуживает должник. Государство — власть, поэтому оно имеет право и наказывать. Конечно, люди порой вершат самосуд: карманному вору могут просто накостылять. А он — знает кошка, чье мясо съела! — в милицию не заявит, хотя формально по отношению к нему совершено преступление. Но это скорее исключительный случай. В целом люди не оспаривают право государственной власти наказывать граждан. Споры идут лишь о том, что считать преступлением и какое наказание ему адекватно.

Дети до определенного возраста (в разных странах по-разному) не подлежат уголовной ответственности, то есть государство их не наказывает. Но чтобы они не росли наглыми и безответственными, пополняя ряды преступников, государство делегирует право наказания ребенка семье. Тем самым оно признает власть семьи, ее особую роль: обязанность родных — ребенка воспитывать, а воспитательный процесс включает в себя и поощрения, и наказания. Это очень мудро, потому что родительская власть особая. Она смягчена и облагорожена естественной любовью к детям. И ребенок имеет с родителями особую связь. Он переносит наказания от них с гораздо большей легкостью, чем от чужих людей, потому что любит родителей, даже когда на них сердится или обижается. Ярчайшим образом это проявлено у малышей. Мама его нашлапала или чем-то пригрозила, а он заплакал и бежит к ней же за утешением. Такой порядок вещей установлен самим Богом, и отменять его очень опасно, потому что все начинает трещать по швам...

Если родители лишаются права наказывать, они перестают олицетворять для ребенка власть, и он, не пройдя школу послушания в семье, не подготовлен к гражданскому подчинению власти государственной. Привыкший к безнаказанности, он, по достижению совершеннолетия, не сможет в одночасье перестроиться. А во многих случаях не перестроится никогда. Слишком сильны окажутся усвоенные с детства стереотипы своевольного поведения.

В Послании к Евреям апостол Павел пишет: "Господь кого любит - того наказывает... Ибо есть ли какой сын, которого не наказывал бы отец?" (Евр. 12,6–7).

На первый взгляд, это может показаться странным, ведь любовь ассоциируется с лаской, нежностью, поощрением — с "позитивом". Но это лишь на первый взгляд. "Детей надо как следует баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники", — со знанием дела говорила в пьесе Евгения Шварца "Снежная королева" старая разбойница.

Но у родителей, если они сами не разбойники, прямо противоположные цели: вырастить детей честными, добропорядочными людьми. Поэтому, если не любить ребенка, если не волноваться за его будущее, тогда — да, не надо удерживать его от зла, не надо наказывать, не надо ограничивать, не надо поучать и наставлять. То есть даже не веря в существование загробной жизни и ограничиваясь рамками жизни земной, родители, которые любят детей, не могут в каких-то случаях обойтись без наказания.

Причем любящее родительское сердце страдает от этого наказания порою гораздо больше, чем сердце ребенка. Родителю и самому легче было бы не наказывать, он часто заставляет себя это делать усилием воли, понимая, что иначе нельзя, что это его долг.

Желая подчеркнуть, как велика ответственность родителей за добронравное воспитание детей, святитель Иоанн Златоуст приводит пример из Ветхого Завета. "У иудеев был один священник, во всем прочем исправный и умеренный, по имени Илий, — пишет он. — У этого Илия были два сына, предававшиеся крайнему нечестию. Он не удерживал и не останавливал их, или лучше сказать, хотя и удерживал и останавливал, но не с надлежащей тщательностью и силой. Тогда как следовало сечь их, выгонять их из отеческого дома, употреблять все способы исправления, он только увещевал и советовал, говоря так: "Нет, дети мои... не делайте так, ибо не хороша молва, которую я слышу" (*1 Цар. 2, 24*). Что говоришь ты? Они оскорбили Господа, а ты называешь их чадами? Они не признают Создателя, а ты признаешь родство с ними? Потому и говорится, что он не их, ибо вразумление состоит в том, если мы не просто советуем, но если наносим рану сильную, решительную и такую, какой требует болезненная гнилость. Недостаточно только сказать или предложить увещание, но надо внушить и великий страх, чтобы пресечь беспечность юности. Итак, когда он, хотя увещевал, но не вразумлял, как должно было, Бог предал их врагам: во время сражения они пали, и сам он, не перенеся вести об этом, упав, разбился и умер. Видишь ли, как справедливо я сказал, что отцы бывают детоубийцами, не принимая сильных мер в отношении к беспечным детям своим и не требуя от них благоговения к Богу? Таким образом Илий сделался детоубийцей. Ибо хотя сыновей его умертвили враги, но виновником убийства был он, лишивший их помощи Божией своим нерадением о них и оставивший их беззащитными и открытыми для желающих умертвить их. И не только их, но вместе с ними он погубил и себя самого" (*Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста. М., Дар, 2006, Стр. 88–89*).

Так что поборники отмены наказаний на законодательном уровне **принуждают** родителей к страшному греху — отказу от борьбы за души детей. А это в свою очередь не дает семье выполнить свое главное назначение: быть малой Церковью. Задача Церкви как большой, так и малой — вести ее членов по пути спасения. Семья, как и Церковь, иерархична. Иерархия нерасторжимо связана с послушанием младшего старшим. Поэтому послушание детей родителям всегда считалось главной детской добродетелью. Святый праведный Иоанн Кронштадтский называл послушание "царицей детских добродетелей". Родительская же власть в малой Церкви — это вовсе не тирания и не самодурство. Она дана Богом для того, чтобы родители приучали детей жить по заповедям и использовали для этого все властные рычаги. Глава Церкви — Христос, глава семьи как малой Церкви — отец. Мать — его помощница, поэтому властные полномочия есть и у нее. Когда государство связывает главе малой Церкви руки, запрещая ему наказывать ребенка и в то же время требуя от него "ответственного родительства" и "надлежащего воспитания", это изощренное глумление и над Божественным законом, и над самим Спасителем. Мучители связали Ему руки, потом пригвоздили к кресту и издевательски требовали, чтобы Он показал свою силу и сошел с креста.

Конечно, попытки унижить Бога всегда оканчиваются провалом, потому что Господь всесилен и поругаем не бывает. Но попытки заставить людей отказаться от Божественных установлений и тем самым погубить свою душу нередко увенчивались успехом. Наша страна еще не оправилась от предыдущего богоборческого натиска, когда власть навязывала народу атеизм. Один Бог знает, сколько душ в результате было погублено, сколько семей разрушено, сколько детей восстало на своих родителей, сколько родителей не выполнило свой самый главный родительский долг.

Второй богоборческий погром на столь непродолжительном в историческом масштабе отрезке времени наш духовно ослабленный народ вряд ли выдержит. Ювенальная революция его добьет. А о том, что это именно революция, открыто заявляют ее вожаки. Директор информативной службы ЮНИСЕФ Клер Бриссе, "одна из самых значительных фигур защиты детства во Франции", прямо заявила: "Революция только начинается. Работы впереди еще много". (Она имела в виду искоренение все того же якобы "жестокости отношения к ребенку".)

Что ж, полезное для нас признание. К нему стоит прислушаться тем, кто до сих пор убаюкивает себя мыслью, что запрет наказаний — это какая-то частность, мелочь и в сущности, даже неплохая штука.

Глава V КАК НАС ОБОЛВАНИВАЮТ

Обманутая молодежь

Молодежь сегодня находится в центре особого внимания. Казалось бы, все для нее. Посмотрите, сколько существует молодежных изданий, радио- и телепередач, молодежных концертов и фестивалей, молодежных клубов, музыки, моды. Со щитов рекламы в большом городе на нас смотрят в основном молодые лица. Сколько чиновников, ученых, деятелей культуры занято проведением особой молодежной политики!

Создается впечатление, что мир населен исключительно молодыми людьми с редкими вкраплениями других возрастов. А между тем реальная картина находится в явном противоречии с виртуальной. В так называемых развитых странах, идущих в фарватере глобализации, молодежь составляет совсем не такой уж большой процент населения. Если придерживаться классификации ООН, согласно которой молодежь — это люди от 14 до 25 лет, то на 2005 год молодежь в среднем составляла около 15 %. В России, по данным переписи 2002 года — около 20 %, но молодежным считался возраст от 14 до 30 лет.

Когда это противоречие осознаешь, возникает ряд вопросов. Думаешь: может, именно потому что у нас молодежи немного, с ней и носятся как с писаной торбой? Но тогда почему не способствуют увеличению ее численности, не торопятся пропагандировать многодетность, не создают для этого условий? С другой стороны, если юных так ценят, то почему не стараются сохранить их здоровье и жизнь? Почему практически все, что предлагается сейчас молодежи в качестве эталонного стиля, достаточно быстро приводит в больницу, а то и в могилу? Что ни возьми: сотовые телефоны, компьютерные игры, курение, пиво, наркотики, гормональные контрацептивы, экстремальные виды спорта, рок-музыку, порнографию, педерастию, "свободную любовь", магию, оккультизм — все пагубно. А молодежная мода? Она ведь не только уродует. Пирсинги повышают доступ инфекции, которая, как известно, проникает в организм через отверстия и повреждение кожных покровов. Чем больше отверстий, тем выше риск заразиться.

Сколько девочек заработало цистит, воспаление придатков или почек, щеголяя среди зимы в нарядах, оголяющих поясницу! А у скольких наблюдается недоразвитие таза из-за того, что они годами утягивали бедра джинсами!

"Смотрю я на современных девчонок и прихожу в ужас, — еще в середине 90-х сказала нам знакомая гинеколог. — Как они рожать будут? Такое недоразвитие малого таза, что ребенку просто негде поместиться".

А с тех пор джинсы стали еще теснее (при всей изменчивости моды эта как-то подозрительно устойчива), и случаи выкидышей участились.

Не менее опасна (и не менее устойчива) мода на сверххудобу, которая еще недавно оценивалась как дистрофия и требовала лечения. Научные исследования показали, что такая мода, выражаясь медицинским языком, "существенно повышает риск невынашиваемости плода". А еще врачи говорят, что если девочка в переходном возрасте посидит с полгода на какой-нибудь жесткой новомодной диете для похудения, то она может навсегда остаться бесплодной.

Отнюдь не безобидна и мода на tatoo. Оказывается, людям с татуировками нельзя проводить исследования с помощью магнитного резонанса, одного из самых точных методов экспресс-диагностики. Мешает металл, входящий в состав татуировочной краски. А ведь и на машинах разбиваются, и на роликах ломают себе кости в основном люди молодые. Им-то как раз и требуется быстро поставить диагноз... Но даже если пренебречь новейшим диагностическим прибором — в конце концов, обходились же без него до недавнего времени, — избыточный металл, проникающий через кожу внутрь, скорее всего, небезопасен для человека, особенно когда организм начнет стареть, и его чувствительность повысится...

Вот и делайте вывод, какая роль отводится глобалистами современной молодежи. На первый взгляд, кумир, а по существу — жертва. Веселящаяся, самодовольная, упивающаяся свободой, в наушниках и с банками пива, она мчится наперегонки к своему жертвеннику. Мы с вами свидетели небывалого по своей массовости жертвоприношения, молодежного холокоста. А все, как сомнамбулы, повторяем за лукавыми гипнотизерами: "Молодым, им же больше нужно... Пусть поживут в свое удовольствие!"

На ум пришла аналогия с ритуалами древних ацтеков. Они вели так называемые "войны цветов"

("las guerras floridas"), основной целью которых был захват пленных для принесения их в жертву. Пленники-"цветы" содержались в очень хороших условиях. Цветы нежные и требуют особой заботы, особого ухода. Порой им оказывали поистине царские почести, поили-кормили отборными яствами, к юношам приводили прекрасных девушек — словом, давали пожить в свое удовольствие. Но в означенный день и час пленники поднимались по ступеням на пирамиду, чтобы украсить собой алтари индейских идолов. Там, наверху, жрец рассекал им грудь обсидиановым ножом и вырывал еще живое, трепещущее сердце...

Как знать, может быть, неслучайно первое поколение молодежи, подвергшееся в конце 60-х глобалистским экспериментам по "сдвигу культурной парадигмы", получило поэтичное название "дети цветов"? Нет ли здесь исторических аллюзий? Во всяком случае, проектанты "прекрасного нового мира" испытывали повышенный интерес к язычеству, в том числе и к древним языческим культам.

Правда, те, ацтекские "цветы", сознавали, что их приносят в жертву. А эти не сознают или не хотят сознавать. И думают, что все классно...

Но как же удалось настолько оболванить молодежь, чтобы она, утратив инстинкт самосохранения, добровольно шла на убой? Спускаясь в ров гибели, юноши и девушки уверены, что восходят к светлому будущему. Это же какое-то очень глубинное поражение, которое невозможно объяснить только хитрыми уловками манипуляторов. Уловок, конечно, множество, но это лишь средства, инструменты для успешного проведения операции. А операция проведена самая что ни на есть серьезная: из молодости удалось изъять ее основной смыслообразующий стержень. Он, этот стержень, есть у каждого возраста. Скажем, у старости — мудрость. А что же главное для молодости? Чем отличается молодежь от взрослых, пусть и молодых? Ведь не красотой же и здоровьем, которые сегодня благодаря достижениям медицины можно сохранять достаточно долго. (А можно, наоборот, быстро утратить, следуя модному молодежному стилю жизни.)

Молодежь — это порыв, устремленность в будущее, свободный полет. Уже не дети, но еще не родители. Их еще не вынуждает приземлиться груз взрослой ответственности. Есть это у нынешней молодежи? Есть и даже в большей степени, чем у предыдущих поколений, поскольку она не спешит расстаться с вольной жизнью.

Святые отцы давно предупреждали, что именно в юной душе разгораются страсти. Этого сейчас тоже с избытком. И амбициозность, свойственная молодости, в последние десятилетия усиленно разогревается, и эгоизм. Чего же все-таки нет? Что изъято из самого нутра, из самой сердцевины юности?

Изъято как раз то, что облагораживает страсти — **романтизм, идеализм, возвышенный образ мыслей**. А без этой идеальной вертикали, присущие юности мечты "о доблести, о подвигах, о славе" вырождаются в какой-то нелепый кураж, разгул плотских страстей. Доблесть — нахамить, "нажраться и отрубиться", "забить [в смысле — наплевать] на все", уметь выигрывать в азартные игры, быть расчетливым, ловкачом, использовать людей в своих интересах. Подвиги в основном в постели. Ну и порой в прыжке с парашютом, полете на дельтаплане. Конечно, на дискотеке тоже, если всю ночь — поди попробуй столько часов на ногах да еще в бешеном ритме!

Мечты о славе тоже весьма специфичны. Кого сейчас прославляют молодежные СМИ? Разбогатевших жуликов, бесстыжих кривляк с титулом "звезд", не менее бесстыжих телеведущих, извращенцев, мотивирующих свои патологические пристрастия новыми направлениями в искусстве, представителей "пятой колонны" в политике. Юношескую жажду славы который год распалют именно такими "героическими" эталонами.

Хотя постсоветская жизнь дала и продолжает давать огромное количество примеров подлинного героизма, причем в самых разных областях. Разве это не чудо? Столько усилий было предпринято, чтобы уничтожить нашу армию, науку, промышленность, педагогику, медицину, литературу и искусство, честную политику, наконец. И везде нашлись люди, которые встали на защиту государства. Не все ученые подались в "челноки" или уехали работать за границу. Кто-то продолжал за копейки удерживать отечественную науку от окончательного развала, а кто-то даже умудрялся делать открытия. За последние двадцать лет в условиях, отнюдь не способствующих развитию таланта, появились выдающиеся врачи, учителя, конструкторы. В то время, как щедрые гранты выделяются на богомерзкие выкрутасы, честные художники, зачастую абсолютно бесплатно, создают образцы подлинного искусства в живописи, скульптуре, литературе, кино. По-прежнему есть блестящие музыканты, певцы, танцоры. А сколько героев чеченской войны! Сколько бесстрашных спасателей, спецназовцев! Но — увы! Читателям журналов "Реакция", "Птюч", "Хулиган", "Молоток", "Yes" и "Вот так!" их имена незнакомы.

В последнее время, правда, наметился некоторый сдвиг в кино. Появились новые фильмы на

военную тему, где армия откровенно не шельмуется. Времена наглого предательства прошли. Теперь даже поклонники Бжезинского вынуждены скрепя сердце выдавать себя за патриотов и государственников. Но солдаты показаны там в основном как озверевшие, скотоподобные существа. "После этого фильма уже никто не захочет служить в армии, — отозвалась о кинокартине Александра Велединского "Живой" (2006 год) Любовь Васильевна Родионова, мать героя-мученика Первой чеченской войны Евгения Родионова. — Я тридцать шесть раз летала в Чечню, но никогда таких солдат не видела. Конечно, они не ангелы, но в фильме это жестокие, грубые животные. Их интересует только жратва и грубый секс".

Что касается секса (необязательно грубого), то с этой стороны по молодежи был нанесен главный удар. Ведь мечты об **идеальной, вечной любви** это не просто стержень, а самая сердцевина юности. Не пирожные, а хлеб насущный, без которого душа не вырастет полноценной.

В психиатрии и психологии существует понятие стадий психического развития. Пропущена одна из стадий — и человек уже не может сформироваться нормально. К примеру, дошкольный период называют "мифологическим". Если маленький ребенок не слышит сказок, если родители общаются с ним, как со взрослым, делая упор на логику, то возникает опасность недоразвития эмоциональной сферы. Что характерно, в частности, для шизофреников. То есть ребенок, изначально сохранный, может стать шизофреноподобным в результате неправильного воспитания.

Подростково-юношеский период называется "романтическим". Один из основоположников отечественной сексопатологии профессор Г. С. Васильченко указывал на то, что выпадение романтической фазы свойственно олигофренам. Дефектологи, работающие с олигофренами, часто жалуются на их раннюю сексуальность, неразборчивость в интимных связях, отсутствие возвышенных платонических чувств к противоположному полу, собственно говоря, на то, **что сегодня удалось навязать почти всей нашей молодежи**. Чего же потом удивляться снижению интеллектуального уровня старшеклассников и студенчества? Плоды искусственной дебилизации налицо.

Никогда не забудем, как к нам на прием пришла мать четырнадцатилетней девочки, которая росла в интеллигентной семье, до двенадцати лет вела себя нормально, училась в двух школах — английской и музыкальной. А потом начала читать журнал "Cool" (он тогда только появился, и подросткам его часто раздавали бесплатно на улице и в школе) и быстро "слетела с катушек". Круглая отличница превратилась в двоечницу, связалась со взрослым парнем, перестала ночевать дома, начала курить и выпивать. На момент визита матери к нам девочка лежала в больнице с переломом позвоночника, потому что неудачно прыгнула со второго этажа, когда родители пытались не пустить ее в очередной загул. Но окончательно добил несчастную мать дочкин дневник, который она обнаружила, когда решила, воспользовавшись отсутствием девочки, прибраться у нее в комнате.

— Объясните мне, что это... Как это? Умный, культурный ребенок, столько книг читала — и вдруг такое...

Признаться, мы тоже были тогда не готовы к таким "документальным свидетельствам". Дневник состоял из длинных, но каких-то абсолютно бессмысленных и бессвязных описаний: куда пришли, что выпили, кто "подвалил" попозже, какой марки сигареты курили, кто заплатил за съеденное и выпитое. Назвать этот текст дебильным значило бы оскорбить дебилов. Ровесница хозяйки дневника из вспомогательной школы отразила бы события гораздо более содержательно. (Конечно, если бы ее и без того сниженный интеллект не пострадал еще больше от молодежной масс-культуры.) Ни мыслей, ни чувств, которые обычно доверяют девичьему дневнику, там не было и в помине.

Теперь уже подросло целое поколение, которое **не знает счастья платонической любви**. Им и слово-то такое часто незнакомо. Если услышат, могут подумать, что это вид извращения.

"Неужели ты в тринадцать лет еще девственница?" — вопрошают журналы.

К юноше применяются еще более жесткие критерии. "Он что, больной? — хмыкают подруги, узнав, что за два месяца ухаживаний парень ни разу не попытался уложить девушку в постель. — Ты смотри, а то он, может, нетрадиционной ориентации..."

Страх и трепет первой любви, терзания и надежды, мечта мимолетно коснуться руки, счастье поймать улыбку — все то, что веками наполняло не только произведения поэтов и художников, но и юные души самых обыкновенных людей, оставаясь в их памяти на всю жизнь, теперь объявлено устаревшим, а иногда и приравнено к сумасшествию. Как жестоко ограбили молодежь! Украв у них сокровенную тайну любви, осыпали грошовыми секретами "безопасного секса".

Прогулки с Ганнушкиным

Давайте, пока у нас до конца не отшибло память, посмотрим, как жизненное пространство усиленно превращается адептами глобализации в различные отделения сумасшедшего дома. Взять хотя бы моду. Проектировщики глобального мира, судя по всему, решили использовать ее в качестве одного из сильнейших средств патологизации психики. Да, конечно, мода существовала всегда, но она скорее **отражала** процессы, происходящие в обществе, а не **формировала** их. (Скажем, необходимость пользования общественным транспортом вызвала некоторое укорачивание юбок.)

До середины 80-х мода все-таки соответствовала своему главному предназначению, которое состоит в том, чтобы людей **украшать**, и одежда проектировалась и подбиралась так, чтобы **скрашивать**, скрывать природные недостатки внешности. Помните, еще совсем недавно не только в модных, но и просто в женских журналах давались советы, как с помощью одежды замаскировать излишнюю худобу или, наоборот, избыточный вес, визуальнo сузить слишком широкие плечи или расширить чересчур узкие бедра.

Конечно, и тогда встречались толстухи, которые напяливали мини-юбку, но они были посмешищем для окружающих. А родные старались образумить модниц с таким дурным вкусом.

Но ближе к концу 80-х стали появляться силуэты и фасоны, которые не могли украсить никакую фигуру, а делали облик нелепым, карикатурным, порою клоуноподобным. Брюки со сборками на животе уродовали даже самых стройных девушек. Женщины ведь всегда заботились о том, чтобы живот скрадывался. Отсюда — просторные народные сарафаны.

Дворянки, следовавшие европейской моде, наоборот, затягивались в корсет. Но в любом случае демонстрировать большой живот считалось неприличным. А тут даже худышка выглядела пузатой! И вдобавок сужающиеся к низу брюки создавали впечатление огромного отвислого зада. Не дамская одежда, а мечта паяца!

Тогда же сделались популярными и совершенно несуразными мужские наряды. Например, красные брюки, рубашки с кружевными манжетами и гипюровыми жабо.

Вот и получается, что в моде 80-х уже достаточно отчетливо зазвенели сигнальные звоночки, ведь и карикатурность облика, и стремление походить на существо другого пола, да и анахронизм в одежде — все это психиатрические симптомы.

В последующие же годы в моде все меньше оставалось смешных нелепостей и все больше появлялось нелепостей откровенно безобразных, уродливых и даже пугающих. Высоколобые умники заговорили об эстетике безобразного, искусствоведы — об агонийных (от слова "агония") формах искусства. Но мы не станем развивать агонийное искусствоведение, на то есть патентованные специалисты, получающие заграничные гранты. Мы лучше посмотрим на новейшую моду с точки зрения психопатологии.

Интересно, что бы сказали корифеи русской и советской психиатрии, пройдясь по современным московским улицам, спустившись в метро, заглянув на молодежную дискотеку? Корсаков, Ганнушкин или Кащенко могли бы не устраивать свои знаменитые профессорские разборы для студентов-медиков в стенах клиник, носящих теперь их имена. Зачем извлекать больных из палаты и приводить в аудиторию, когда можно выйти на улицу и с приятностью устроить практикум на свежем воздухе?

Вот, например, идет женщина не просто полная, а с болезненным ожирением. Но она в обтягивающих, больше похожих на рейтузы брюках и такой же облегающей майке. На эту женщину никто даже не обращает внимания. И разве она такая одна? Между тем это яркий пример сниженной критики, сопутствующей серьезным психическим заболеваниям.

Вот идет старуха в джинсовой юбке, кроссовках и бейсболке с ярко-красным козырьком. Стиль девочки-семиклассницы. Ганнушкин, наверное, квалифицировал бы это как старческое слабоумие. Но сегодня за такой диагноз в сумасшествии обвинили бы самого Ганнушкина. Это ж так прекрасно, когда человек не помнит о своем возрасте и в семьдесят пять хочет выглядеть как в пятнадцать! Значит, он молод душой, не унывает, верит, что у него еще все впереди...

А вот всамделишные пятнадцатилетние. Он в майке без рукавов, которая всегда считалась атрибутом нижнего мужского белья. Голые плечи обезображены татуировками. На одном плече дракон, на другом — какая-то харя. В ухе масса сережек — по всему периметру ушной раковины. Осветленные, как у женщины, волосы стоят дыбом. Вид довольно кошмарный, но еще уродливей выглядит девица.

Синими губами она напоминает покойника, черными ногтями на руках и ногах — того, кто не к ночи будь помянут, а выбритые на голове дорожки похожи на проплешины, которые бывают у страдающих трихотилломанией — очень тяжелым невротическим расстройством, когда больные

вырывают у себя на голове волосы, выдергивают брови и ресницы.

Такое явное обезображивание своей внешности называется в медицине "порчей образа". Оно бывает при весьма серьезных душевных расстройствах. Но если полистать свежие журналы мод, становится понятно, кто индуцирует безумие широкой публике. Журналы причесок будто издаются в помощь ведьмам, чтобы они смогли привести себя в надлежащий "порядок" перед полетом на шабаш. Все представления о красоте волос вывернуты наизнанку. Всегда ценились пышные, густые волосы. Теперь с помощью особых приемов создается впечатление, что на голове три волосинки. А сколько усилий тратил парикмахер, чтобы добиться аккуратной стрижки, идеально ровной челки!

Сейчас же модно стричь вкривь и вкось, сикось-накось. Вдумайтесь в само слова "прическа". Приставка "при" означает приближение. Волосы чешут, приближая друг к другу и одновременно к голове. Теперь же модную прическу уместнее было бы называть "растрепкой" — неровные патлы еще и старательно хаотизируют. Ну, и наконец, при самых разных модах на прически никогда не оспаривалось, что волосы должны быть чистыми. Теперь их нужно специально засаливать и вдобавок превращать в паклю.

Неопрятность вообще сейчас поднята на щит. Юбки с перекошенным подолом или даже в виде лохмотьев, прорехи на джинсах, специально, "художественно" порванные пятки на чулках, рубашки, торчащие из-под свитеров или нарочно застегнутые не на ту пуговицу, обвислые футболки, трехдневная щетина... Но ведь неопрятность тоже один из клинических симптомов, а точнее, одно из важнейших указаний на шизофрению. Психиатрическому больному-хроннику свойственно забывать, застегнута ли у него одежда, давно ли он мыл голову или брился...

Если бы великий Ганнушкин, которого мы оставили проводить воображаемый практикум на московской улице, увидел пьющую из бутылки пиво беременную женщину в короткой летней маечке, заканчивающейся прямо над огромным голым животом с кольцом в пупке, он бы вынужден был развести руками. Он бы признался своим юным коллегам, что это какое-то неведомое доселе, сложное, полисимптомное душевное расстройство.

Зато наши современники вообще никаких болезненных симптомов тут не наблюдают. А что? Нормально! В чем ей летом ходить, когда жарко? Живот голый? Подумаешь! Что естественно, то не стыдно. Ну, а про пирсинг в пупке вообще смешно упоминать. Это и декоративно, и, может, там какая-то точка акупунктуры в пупке полезная. Да и потом, девушка, наверное, давно пупок проколола и просто забыла колечко вынуть. Замоталась — и забыла, перед родами сами знаете, сколько хлопот. А пивко пускай хлещет на здоровье, ребеночек тогда будет расти у нее внутри, как на дрожжах...

Сколько веков люди помнили, что женщина, которая ждет ребенка, должна вызывать чувство благоговения, ибо прообраз ее — Богородица! И даже в безбожное советское время благоговение еще не выветрилось. Часто повторяли вслед за одним дореволюционным писателем: "Будущая мать всегда прекрасна", с Мадонной сравнивали.

И вдруг — разом все позабыли. Прямо какое-то коллективное слабоумие получается или, в переводе на психиатрический язык, деменция...

Но деменция эта во многом рукотворна. И законодатели мод занимают среди ее творцов далеко не последнее место.

Как сводят с ума

Попробуйте однажды посмотреть на экран отстраненным взглядом. Пожалуй, для этого даже лучше выключить звук, чтобы зрительный ряд проступил более выпукло. Часто уже немолодой артист или артистка задирают ноги выше головы, порывисто сбрасывают с себя одежду на сцене (страсть к публичному обнажению называется эксгибиционизмом), скачут козлом, дергаются в конвульсиях на манер тяжелейшего неврологического заболевания — пляски святого Вита. В православии эту пляску называют беснованием.

С медицинской точки зрения их выпученные глаза говорят о состоянии острого психоза. Ну, а если включить звук, то послышатся крики, вой, стоны, хрипы, и мы поймем, что имеем дело с самым настоящим беснованием, которое старательно индуцируется залу. Публика тоже начинает дрыгаться, свистеть, улюлюкать.

А вот как около получаса натаскивали целый зал старшекласников перед съемкой передачи "Большая стирка". Женщина-режиссер командовала в микрофон:

— Когда я взмахну рукой, вы должны дать реакцию. Ну-ка попробуем!

Подростки, часть из которых, судя по всему, была на телевидении не впервые, с готовностью

заорали, заулюлюкали и засвистели. Режиссер отрицательно замотала головой и резким жестом остановила шум. Выражение лица у нее было очень недовольным.

— Вы что, спите на ходу? Поехали по второму разу! — она опять взмахнула рукой.

Юные статисты завопили и заверещали что есть мочи. Но режиссерша снова насупилась.

— Где драйв? Я не чувствую драйва! — заорала она в микрофон, как помешанная. — А ну-ка еще раз! Третья попытка! Дети, взятые на "слабо", надрывались так, что, казалось, у них сейчас кишки полезут горлом. И наконец заработали одобрителный кивок. Съемка началась.

Из приведенной сцены видно, что психотронное оружие — это не обязательно какие-то загадочные излучения, невидимо разрушающие человеческий мозг. Двадцати минут наглого напора оказалось достаточно, чтобы вызвать пусть временный, но массовый психоз. Да и по поводу временности вопрос спорный.

Разве беснование может пройти бесследно для человеческой души? Ведь в следующий раз одного взмаха руки (или слова "драйв") будет для кого-то достаточно, чтобы в памяти всплыла вся цепочка стимулов, приводящих к безумному буйству... Личность подростка, участвующего в подобных массовках- на телевидении ли, на стадионе, на рок-концерте или на дискотеке, — начинает искажаться. Практически все родители обращают внимание на то, что ребенок становится повышенно раздражительным, агрессивным, не терпит замечаний, заводится с пол-оборота. В нем появляется какая-то непонятная жажда разрушения, пропадает сочувствие, умолкает совесть, сердце будто глохнет, достучаться невозможно. Но ведь такая сокрушительная агрессия в сочетании с бесчувствием — одна из главных характеристик гебоидной или ядерной (затрагивающей самое ядро личности) шизофрении! А по православному — беснования.

И вот бесноватые предлагаются нашим детям в качестве образцов для подражания. Герои компьютерных игр, с которыми отождествляет себя ребенок, только тем и занимаются, что проламывают стены, поджигают дома, взрывают города и убивают всех без разбору.

Ими нашпигованы и современные кинофильмы. Вы возразите, что там, на экране, они отрицательные персонажи. И это возражение верно. В нормальной реальности зрители обычно сопереживают положительным героям и не приемлют злодеев. Но в реальности психогенной все по-другому. Сейчас, когда антихристовы слуги, творцы "нового глобального мира" делают все, чтобы поменять полюса добра и зла, возвести зло в ранг нормы, а потом и в ранг добродетели (соответственно низводя добродетель до уровня курьеза, а затем — до уровня порока), дети интуитивно чувствуют эту перемену знаков и хотят подражать злу, как они хотят подражать чемпионам. У нас на психологическом приеме все чаще появляются дошкольники, которым нравятся отрицательные персонажи: Бармалей, Карабас-Барабас, Баба-яга, Кощей Бессмертный.

И это в подавляющем большинстве случаев дети из культурных семей, где родители достаточно много занимаются их воспитанием. И патологии серьезной у ребятишек нет, а садистские пристрастия — как у клинических больных.

Другие образчики безумия являет нам телереклама, где здоровые мужики смачно облизывают губы, сладострастно вздыхают, пускают слюни и в экстазе закатывают глаза, почти что лишаясь чувств, когда пробуют йогурт, мороженое, пиццу. Такое несвойственное возрасту утрированно-чувственное отношение к еде свойственно душевнобольным, классифицируемым как "шизоидные инфантилы". Это дитя малое так зависит от вкусной еды, что для него отказ купить шоколадку — трагедия, а получение ее — источник восторга. Нормальный же взрослый человек, даже любящий поесть, не шалет от одной только мысли о "вкусненьком". Один из примеров, который любят приводить на лекциях по психиатрии, это когда шизоидный инфантил готов бросить все важные дела и мотаться по городу в поисках ранней клубники, а потом до изнеможения стоять за ней в очереди (пример, как вы догадываетесь, взят из советского периода).

Многим ли сегодня он будет понятен? Мы имеем в виду не очереди, а патологию поведения.

"Да что такого? Мужчина просто любит клубнику, — возразит обыватель, уже поврежденный ежедневным лицемерием слабоумных, которые с бесстыдной жадностью обсасывают пальцы, вымазанные кетчупом. — Какие вы, однако, злые, ко всему придираетесь! Это, в конце концов, его дело, на что тратить собственное время!"

А ведь ценностная ориентация инфантила только кажется такой безобидной. Особенно когда вспоминаешь о современной политической обстановке: НАТОвских базах на территории бывшего СССР, бесчинстве Америки, которая ведет себя как гигантский распоясавшийся гебоид; включение России в "ось мирового зла", претензии Японии на Курилы, претензии Германии на Калининградскую область, скупка иностранцами отечественных предприятий и земель. Вот на каком фоне взрослых, боеспособных

мужчин приучают наслаждаться, выбросив из головы эти "глупости" — "все равно от нас ничего не зависит", — клинским пивом и выпечкой фирмы "Ням-ням" (название, приглашающее не просто впасть в детство, а отождествиться с младенцем, еще не вышедшим из периода лепетной речи).

И актеры, которые корчат нелепые рожи, изображая пищевой восторг, одновременно с рекламой йогурта рекламируют патологический образ человека.

А как губительна для людей истероидного склада (которых на свете не так уж и мало!) оголтелая сексуальная пропаганда и призывы раскрепоститься! Когда половые влечения гипертрофированны, особенно опасно эту сферу растормаживать, подогревать. Бытует, правда, мнение, что чем меньше себя сдерживаешь, тем лучше, в том числе и в интимной жизни. Отбросим ложный стыд — и психика якобы успокоится. Но на самом деле все наоборот. Истероидность (то есть конституциональная особенность нормального характера) может при подобной раскашке перерасти — и нередко сейчас перерастает — в натуральный истерический психоз.

— Никогда раньше не видел таких острых форм истерии, как сплошь и рядом вижу сейчас, — признался нам один психиатр с тридцатилетним стажем работы в крупной московской больнице. — Даже истерическую душу можно увидеть, о которой раньше только в литературе читал. (Это когда в состоянии истерического припадка больная выгибается мостиком).

Сейчас принято говорить "психические заболевания", но корень слова несколько затуманивает смысл. Хотя большинство людей знает, что "психе" переводится как "душа", а все же, если сказать "душевные заболевания", "душевнобольной", ситуация проясняется.

Когда человек заболевает телесно? В большинстве случаев, когда его организм не в силах справиться с какой-то инфекцией, какими-то вредными воздействиями извне. Душа же заболевает, когда она не в состоянии побороть

"вирусы" страстей, и они одерживают над ней верх, завладевают ею и порой даже полностью подчиняют себе, что и называется одержимостью бесами, то есть беснованием.

Индивидуализм как симптом шизофрении

"Пропаганда эгоизма — вещь вовсе не нейтральная, каковой ее пытаются представить защитники свободы слова. Дескать, мы выражаем свое мнение, а вы, если хотите, выражайте свое, — говорит психиатр Т. А. Крылатова. — Она очень даже небезопасна для психического здоровья легко внушаемых людей. А таких особенно много среди детей, подростков и молодежи, на которых эта пропаганда в основном и направлена. Если установка на эгоизм реализуется в достаточно полном объеме, если поверить рекламе, настойчиво твердящей, что "ты этого достоин, ты лучше всех, побалуй себя, полюби себя, главное — твой выбор и ты сам", то человек постепенно авизируется, уходит в себя, становится эгоцентриком. Ему уже вообще ни до чего нет дела, кроме каких-то своих, узко понятых интересов. При этом индивидуальность человека постепенно утрачивается и замещается индивидуализмом, формируется состояние, очень напоминающее дефектное состояние после перенесения шизофренического заболевания".

Вы спросите, причем тут шизофрения?

"Шизофрения — это тяжелое психическое заболевание сложного социально-биологического происхождения. Тяжесть этой болезни можно приравнять к онкологическим процессам. Происходит своего рода умирание индивидуума, при нарастании индивидуализма и эгоцентризма. Человек перенапряжен, он перестает фильтровать нужное и ненужное, — поясняет Крылатова. — На него наваливается все. Он не может оценить, что для него хорошо, а что плохо, и либо воспринимает все как крайне важное, либо вообще ничего не воспринимает, наглухо отгораживается от мира... Больной не может выстроить нормальные отношения и с микро- и макросоциумом".

В первую очередь при отношениях индивидуалиста с микросоциумом обычно страдают близкие люди. Болезненный эгоцентризм и снижение психической активности (еще одна из характерных особенностей шизофрении) приводят к тому, что больной начинает отторгать свою семью. Ведь любовь требует больших эмоциональных затрат. А у шизофреника эмоциональность — слабое место, и чтобы удержаться в каких-то рамках, он (разумеется, на бессознательном уровне) начинает отторгать то, что для него наиболее энергетически затратно — любовь. Но с другой стороны, отношение к близким у него двойственное, амбивалентное. На самом деле потребность в любви у него есть, поэтому ситуация отторжения травматична. И этот внутренний конфликт вызывает агрессию. В результате у шизофреника возникает агрессивное отторжение близких при том, что без них он существовать не может. В семье возникает тяжелая драматическая ситуация. Родные, если они психически адекватны, борются за

близкого человека. Они по-прежнему пытаются видеть в нем личность с ее неповторимой индивидуальностью, однако этой борьбе противостоит распад, нивелировка личности больного, его все большая отгороженность, индивидуализация, отталкивание от семьи. Он уже другой, совсем не тот, каким был раньше, не близкий и не родной. Он словно заколдованный мальчик Кай из сказки "Снежная королева", у него в сердце ледяная игла. Для семьи такая метаморфоза — глубокий стресс, близкий к шоку. Далеко не все люди способны с этим справиться.

То же самое происходит и отношениях с Родиной. Родина — некое устоявшееся понимание макросоциума, где человек любим, принят, защищен. И он в свою очередь этот уже не узкосемейный, а гораздо более широкий социальный круг любит, отстаивает, защищает. Если же у него теряется взаимопонимание с макросоциумом, то опять-таки возникает отторжение. Человек перестает включать его в категорию "мое" и начинает относиться к Родине негативно. А любовь к Родине предполагает и любовь к предкам, поскольку они тут жили. За эти места они воевали, проливали кровь, погибая, в том числе и за своих потомков.

Испытывая любовь и благодарность к предкам, ощущая Родину как свой большой дом, ребенок постепенно собирается с силами, необходимыми для того, чтобы самому проявиться в мире как личность. Это фундаментальные опоры. Можно сказать, почва, на которой человек стоит и не падает. И если она вдруг выбивается из-под ног, то человек, начинает колебаться, падает. У него возникает чувство тревоги, от которого болезненное состояние только усиливается.

В детской психиатрии широко известен такой тест. Он применяется, когда ребенок испытывает сильное беспокойство и необходимо провести тонкую диагностику, понять, то ли у него развивается шизофрения, то ли это просто яркие невротические реакции. Ребенку предлагают представить ситуацию, связанную с посягательством на то, что должно быть ему дорого. Допустим, хулиган обижает его сестру или враги напали на Родину. На чьей он будет стороне?

Нормальный ребенок, даже находясь в очень нервном состоянии, скажет, что он защитит сестру и пойдет воевать за Родину. Он и сам не будет плохо отзываться о своем отце или матери, и другим не даст. А вот маленький шизофреник поведет себя иначе. Отторгая микро- и макросоциум, он будет говорить: "Это не мое, мне это не нужно". И в таком тесте вполне может встать на сторону оскорбителей сестры или врагов. Например, начнет доказывать, что сестра сама виновата, припомнит ей массу былых обид. А про Родину скажет, что она плохая и защищать ее не следует. А это значит, если русский ребенок заявит, что в войне 1812 года он поддержал бы французов или в Великую Отечественную войну воевал бы за немцев, у психиатров есть веские основания заподозрить у него шизофрению.

Та же модель распространяется и на общество, которое состоит из отдельных людей. Если люди эти заражаются антипатриотическими и антисемейными настроениями, если превыше всего для них оказываются эгоистические интересы, то общество впадает в болезненное состояние. В нем разворачиваются шизофренические процессы деперсонализации и дереализации. Отторгая и огульно очерняя свою историю и соответственно своих предков, свой род и народ, своих героев и общепризнанные авторитеты, общество впадает в состояние хаоса. Оно не может произвести анализ, вычленив главное и второстепенное, положительное и отрицательное, утрачивает адекватное представление о реальности, о себе и уже не может обеспечить собственного выживания. У него повреждается инстинкт самосохранения. На что, кстати, обращали внимание в разгар перестроечной и постперестроечной вакханалии некоторые политологи. Вспомните, сколько москвичей, находившихся под воздействием либеральной пропаганды, осуждали в Первую чеченскую войну наших "федералов" и солидаризировались с "ичкерийскими повстанцами". Отрезвление наступило только после серьезнейшей встряски: когда взрывы прогремели уже в Москве. Вот тогда ко многим (хотя и не ко всем) вернулось адекватное восприятие реальности, поскольку шизофренизация была все-таки не настоящей, а искусственно созданной и довольно непродолжительной.

Глава VI

ЮВЕНАЛЬНАЯ ДИКТАТУРА

Жертвы прав не имут

Депутаты Алтайского края вынуждены были рассмотреть вопрос об ужесточении наказаний для несовершеннолетних преступников. После бунтов в колониях были оглашены страшные цифры: до 50 % всех преступлений в среде несовершеннолетних — тяжкие и особо тяжкие. Причем в последние годы эти преступления повсеместно поражают еще и какой-то особой изощренной жестокостью, садистской

изобретательностью.

Так, на одном из сочинских сайтов был объявлен "оригинальный" конкурс с премией в 3 тысячи долларов. Победителем должен был считаться тот, кто представит трехчасовую видеозапись садистской расправы над человеком. Только чтобы кровь была реальная, никакого клюквенного сока!

Призерами чуть было не стали восьмиклассницы из 22-й школы Приморско-Ахтарска, что на Кубани. Вдохновленные сценарным планом восемнадцатилетнего Димы Бычкова, они приволокли за волосы свою сверстницу Риту на стадион, расположенный неподалеку от школы, и в течение двух с лишним часов избивали ее перед объективами камер. В результате, кроме сотрясения мозга и опасных для органов гематом, у девочки произошел закрытый компрессионный перелом позвоночника со смещением дисков. Правда, возделенную премию получить не удалось: не дотянул "творческий коллектив" до трех часов. И не потому, что "рука бойцов колоть устала", а просто кто-то помешал. Но уже в тот же день восьмиминутный клип оказался в Интернете. А еще журналистке Ирине Давыдовой, которая написала об этом чудовищном случае в статье "Денег и зрелищ", школьники показывали минутный клип. В нем Риту и ее подружку Иру, пришедшую к ней на помощь, уже не только избивали, а и лихо убивали под бодрый рэповский мотивчик. Компьютерные технологии позволяют сейчас "подредактировать" документальную съемку, усугубив ее содержание. Убийство — это же круче, чем избивание! Соответственно и смотреться будет с большим интересом.

Журналистке, писавшей про девочек-конкурсанток, видимо, было неизвестно, что Приморско-Ахтарск является пилотным регионом по развитию ювенальной юстиции. В противном случае она бы вряд ли так недоумевала по поводу мягкости наказания. "Малолетним садисткам", как назвала их автор статьи, дали 5 и 7 лет условно. Не удивил бы ее, знай она о ювенальной юстиции, и тот факт, что заказчики садистского избивания в деле не фигурировали и что общественность не была допущена в зал. Обе эти детали типичны для ювенальных процессов.

Первая — потому что отсутствие "заказа", а значит, злого умысла, снижает тяжесть преступления. А вторая — закрытость процесса — подается ювенальщиками как одно из средств защиты детей (то бишь несовершеннолетних преступников). Дескать, присутствие посторонних может травмировать хрупкую детскую психику. Хотя в данном случае, как и во многих других, ссылка на хрупкость детской психики, по меньшей мере, неуместна. Юные преступницы несколько не испугались судимости. "Из зала суда, — пишет Давыдова, — выходили героинями". И, никого не боясь, снова угрожали расправой своей недавней жертве.

На самом деле закрытость подобных процессов позволяет без всяких помех — ни со стороны родственников потерпевших, ни со стороны прессы и общественности — творить беззаконие. Все это весьма характерно для тоталитарных систем, каковой — на Западе об этом говорят все громче — и является ювенальная юстиция. Характерной особенностью этого образчика тоталитаризма является выгораживание преступников, а не защита жертв.

Причем обратите внимание, это происходит даже в тех случаях, когда жертвы ювенальной юстиции тоже дети! И их права, уж если рассуждать в категориях защиты прав ребенка, надо отстаивать с повышенным рвением. Но ничего подобного в системе ювенальной юстиции не наблюдается.

Ведь в Приморско-Ахтарске была не одна жертва, а две. На помощь Рите прибежала ее подруга, восьмиклассница Ира. И ее тоже зверски избили. За компанию. Но судебный процесс был выстроен таким образом, что она проходила по делу не как потерпевшая, а как свидетельница. И про побои, естественно, речь не шла. "Для защиты своих интересов им [Ире и ее маме.] было предложено обратиться в суд в порядке частного обвинения по факту нанесения свидетельнице... легких телесных повреждений. Дескать, подшутили над Ирой", — пишет корреспондент.

Типичный пример ювенального отношения к несовершеннолетним преступникам и жертве приведен в книге Анатолия Гладилина "Жулики, добро пожаловать в Париж".

"В провинциальном городке, — пишется в ней, — молодежная банда угоняла машины. Пятнадцатилетний мальчик сказал своему отцу, что знает имена тех, кто украл у них машину. Отец, законопослушный француз, решил, что об этом надо официально заявить в полицию, и явился с сыном в участок. Там все записали, поблагодарили свидетелей, а потом вызвали в участок юных угонщиков, сообщили им, что на них поступило заявление, погрозили им пальцем и... отпустили.

Что сделали семнадцатилетние детишки? Почувствовав безнаказанность, они подкараулили парнишку и зарезали его. Причем резали долго и зверски. На трупе (теперь уже не пятнадцатилетний мальчик, а труп!) насчитали 14 колотых ран.

Сегодня об этом страшном происшествии написано во всех газетах, кричат радио и телевидение. Завтра успокоятся и забудут. Наказали ли полицейских? Нет, ибо полиция поступила политкорректно,

ведь убийцы не виноваты, виноваты семья, школа, общество. Вот если бы угонщиков сразу арестовали, то пресса не забыла бы и продолжила крик. Ведь нынче какая главная тема во французских СМИ? Плохо, месье-медам, живется преступникам во французских тюрьмах! Тюрьмы переполнены".

Переполнены? Неужели? А как же невиданные успехи по снижению преступности, которые нам обещает гуманное отношение к "лицам в конфликте с законом"?

— Причем тут несовершеннолетние? — возразят нам несигибаемые ювеналы. — Тюрьмы переполнены взрослыми уголовниками. А по детям совсем другая статистика.

По детям статистика, может, и более оптимистичная. Даже наверняка. Но у них, у детей, есть такое загадочное свойство: они взрослеют. И те из них, на чьи "шалости" закрывал глаза ювенальный суд, повзрослев, предстают перед судом для взрослых преступников (как "шалун" из гладилинской книги, на счету у которого к 18 годам было 500 тяжких "проказ"), и соответственно, переполняют тюрьмы. Так что эта переполненность свидетельствует отнюдь не в пользу ювенального гуманизма. Просто расхлебывать его последствия приходится сотрудникам других ведомств. Ну, и, конечно, пострадавшим. Если тюрьмы переполнены, значит, и жертв полным-полно.

Ювенальное лобби для наркоторговцев

Другим косвенным показателем "эффективности" ювенального гуманизма служит статистика по наркомании и алкоголизму. В Англии, например, каждый седьмой ребенок до 13 лет уже пробовал наркотики. Любопытная статистика и у нас. Если посмотреть ранжированность территории РФ по уровню распространения наркомании, то окажется, что в Самарской области на 100 тысяч населения наркоманов 671,3 чел., в Иркутской — 522,6 чел. А в среднем по России — 241,3 чел. Почти в 3 раза меньше! Для справки: Самарская и Иркутская области — пилотные регионы по развитию ювенальной юстиции.

А 2 июня 2009 года главный санитарный врач России Геннадий Онищенко сделал заявление РИА "Новости", что "органы власти всех уровней должны совместно бороться с курительными табачными смесями в России, которые имеют галлюциногенный эффект и разрушают психику". Наибольшее распространение, по его словам, эти смеси получили в Краснодарском крае, Самарской, Саратовской, Ростовской областях и в Москве. То есть **опять-таки в ювенальных регионах!**

С наркоторговлей вообще весьма интригующая история. Можем подарить ее кому-нибудь из авторов, подвигающихся в детективном жанре. Через многие ювенальные регионы проходят основные пути наркотрафика. Причем наркоситуация, как отмечалось 26 июня 2009 года в докладе директора ФСКН Виктора Иванова, серьезно ухудшилась. С 2001 года, когда Америка вторглась с "миротворческой миссией" в Афганистан, производство опиатов в этой стране, поданным ООН, выросло более чем в 40 раз. "В России, — цитируем доклад Иванова, — наркоситуация предопределяется героиновым давлением из Афганистана. Колоссальный поток так называемых тяжелых наркотиков афганского происхождения привел к тому, что 90 % наших сограждан, страдающих от наркозависимости, — потребители именно афганского героина. В непосредственной близости от России складированы колоссальные запасы опиатов. Они, по оценкам специалистов, достигают триллиона разовых доз. Этого объема количеству наркоманов, равному по численности сегодняшнему населению России, хватило бы на 100 лет".

Но ведь очевидно, что такие запасы копят на наших границах не зря! Владельцам запасов дальше необходимо решить две ключевые задачи: как провезти наркотики в нашу страну и как их распространить. Мы остановимся на проблеме распространения.

"Наркотики, — отметил директор ФСКН, — продаются в основном там, где есть потенциальный покупатель. Это, в частности, окрестности школ, других учебных заведений, дискотеки".

Что ж, вполне логично, поскольку в первый раз наркотики обычно пробуют в 15–16 лет, когда подростки уже становятся более независимыми от родителей и жаждут "взрослых" развлечений.

Кто же может стать наиболее успешным распространителем или, говоря по-русски, наркодилером в этой среде? Подростки — достаточно обособленная возрастная группа, усиленно напитываемая сейчас духом негативизма по отношению к взрослым. Зато сверстники и особенно те, кто чуть постарше, вызывают доверие и могут легко "заразить" своими интересами, увлечениями, пристрастиями. На этом основана технология массового информирования подростков и вовлечения их в различные неформальные сообщества. Помнится, мы впервые столкнулись с такой технологией в 1997 году, когда растление школьников под маской полового воспитания пытались осуществить по программе "От подростка к подростку", для чего мальчишкам и девчонкам, которые прошли специальные тренинги и

уже были готовы обучать других, выдавали диплом "секс-инструктора". Похожий принцип вербовки применяют и сектанты.

Право же, было бы странно, если бы наркомафия пренебрегла таким технологичным принципом, как "равный обучает равного". И она им, естественно, не пренебрегла. Тот, кто хоть немного "в теме", может сразу вспомнить о роли жителей Таджикистана в распространении наркотиков на территории России. Екатеринбургец Евгений Ройзман, много и плодотворно потрудившийся для оздоровления наркоситуации в родном городе, в бытность свою депутатом Госдумы, неоднократно пытался привлечь внимание к этому вопросу. В частности, он говорил, что через детей таджикских мигрантов наркотики быстро проникают в подростковую среду. Появления даже одного такого ребенка в московской школе нередко бывает достаточно для вспышки "наркоэпидемии".

Но пока наркомафии мешает наше законодательство, по которому дети лишь до 14 лет не несут уголовной ответственности за свои преступления. То есть абсолютно безопасно может чувствовать себя двенадцати-тринадцатилетний дилер. А ему — опять-таки по законам подростковой стаи — не очень легко внедриться в среду шестнадцати-семнадцатилетних, где наиболее вероятно найти устойчивый рынок сбыта. Поэтому взрослым подонкам, которые стоят за малолетками, принципиально важно повысить планку уголовной неприкосновенности. Лучше бы лет до 18, тогда прекрасно сработает принцип "от равного к равному" и — что еще эффективней! — "от несколько более старшего — к младшему".

И тут лучше ювенальной юстиции, пожалуй, ничего и не придумаешь. По Международной конвенции о правах ребенка, которая является фундаментом для ювенальной юстиции, детство определено как возраст до 18 лет включительно. Значит, дело за малым: надо смягчить законодательство. Собственно говоря, именно эти песни мы и слышим от наших ювеналов. Таких, например, как О. В. Зыков, который — надо же, какое удачное совпадение! — является не только правозащитником, но и наркологом. Сколько за последние годы он и его соратники гневно обличали "репрессивный подход" и "репрессивное мышление", которые якобы и являются главным источником бед в области подростковой преступности.

Обратите внимание, как грамотно, по законам информационной войны, подобраны клише. Слыша прилагательное "репрессивный", человек вспоминает об ужасах сталинских репрессий и тут же выдает желаемую реакцию: "Нет, нам не нужен репрессивный подход! Хватит! Мы это уже проходили!"

Очень профессионально выстроена и дальнейшая аргументация. Понимая, что общество может забеспокоиться по поводу уголовной ненаказуемости несовершеннолетних преступников, правозащитники заверяют нас в том, что тяжкие уголовные преступления, конечно, не должны оставаться безнаказанными. (Хотя Зыков — такой гуманист, что он и с этим не согласен. "Ребенок не может быть субъектом репрессий со стороны общества", — заявил он (*Суд без мантии и клеток*//*Парламентская газета. 2006, 6 июля*).

Но ведь розничная торговля наркотиками и не считается сегодня в России тяжким преступлением. У нас не какой-нибудь там тоталитарный Китай, а демократическое государство! Поэтому совершенно очевидно, что при введении ювенальной юстиции несовершеннолетние наркодилеры и их зрелые патроны смогут наконец почувствовать себя комфортно. Конечно, предпринимались и разные другие попытки обеспечить себе вожделенный комфорт. Например, упорно проталкивается идея введения так называемой заместительной терапии (когда героин предлагают заменить якобы лекарством, а на самом деле наркотиком метадоном, который должен выдаваться наркоману бесплатно). Лоббируются программы "снижения вреда" (за которые опять-таки по странному стечению обстоятельств ратует Зыков), настраивающие молодежь на более "безопасное потребление" наркотиков. Нередко в рамках этих программ "потребителям" — тоже бесплатно! — выдают чистые шприцы. Чтобы обеспечить безопасное потребление.

Ну и, конечно, нельзя не вспомнить печально знаменитое Постановление Правительства РФ № 231 о средних разовых дозах наркотика, по которому целых два года торговцев смертью, пойманных с поличным, не сажали в тюрьму, даже если у них находили девять разовых доз героина. Рынок, как было сказано в одной запомнившейся нам телепередаче, отреагировал благодарно...

В этой же передаче О. В. Зыков уверял телезрителей, что потребление наркотиков — это часть культурной традиции, в разных странах потребляют разные наркотики. И что табакокурение наносит куда больший вред здоровью, нежели героин (канал ТВЦ, передача "Московская неделя", репортаж Сергея Игнатова).

Когда же развернулась борьба за отмену постановления, Зыков прикладывал большие усилия для его защиты и очень переживал, что защитить не удалось. Ну, ничего. Ювенальная юстиция, если ее

протолкнуть, решит сразу много вопросов. В том числе и обеспечит силам, заинтересованным в дальнейшей наркотизации нашей страны, надежное прикрытие.

Для большей внятности приведем очень типичный по нынешним временам пример. В одной интеллигентной московской семье с шестнадцатилетним подростком, с которым до сих пор особых проблем не было, стало твориться что-то неладное. Он сделался грубым, взрывным, неуправляемым, начал кидаться с кулаками даже на отца, к которому всегда относился очень уважительно, прекратил помогать по дому, хотя раньше выполнял достаточно много домашних поручений и охотно заботился о младших сестренках. У мальчика появилась сомнительная компания, с которой он проводил время в ночных клубах. И еще у него появились большие деньги. А ведь он ни дня не работал! Мать заподозрила наркотики и обратилась к врачам. Те пообщались с парнем и подтвердили ее подозрения. По-видимому, им удалось нарисовать в беседе с подростком невеселую картину его ближайшего будущего, потому что он согласился сдать анализы и был уже готов пройти курс лечения в стационаре. Но потом, явно по наущению "старших товарищей", которым не хотелось терять клиента и, как это часто бывает, успешного дилера, вдруг заговорил о правах ребенка и пригрозил родителям, что если они посмеют еще хоть раз заикнуться о больнице, он обратится в ювенальный суд и пожалуется на психическое и физическое давление с их стороны. В итоге родители вкупе с наркологами оказались совершенно бессильны.

И вот какая вырисовывается картина: с одной стороны, как мы уже написали, розничная и мелкооптовая торговля наркотиками не входит в список тяжких преступлений. А с другой, поборники ювенальных судов, "слеза и стена" о несчастных малолетках, которых готовы посадить за царапины на автомобилях или кражу сотового телефона, никогда не упоминают о несовершеннолетних наркодилерах. Этого вообще как бы не существует. Не ради них ли вся затея? Может, наше внимание специально привлекают к мелким воришкам и дворовой шпане, которой нравится портить чужое имущество? Кстати говоря, их и без ювенальной юстиции строго не наказывают. В настоящее время около 70 % приговоров несовершеннолетним выносятся условно. И не только за действительно мелкие провинности, но и за зверские избиения, заканчивающиеся для жертвы переломом позвоночника, как было в Приморско-Ахтарске, за изнасилования, в том числе групповые. А некоторые "детки" уходят от уголовной ответственности даже за... терроризм!

10 июня 2009 года прессе было сообщено, что оперативники ФСБ и МВД России предотвратили в Москве крупный террористический акт, который планировался в канун Дня Победы.

"Задержанный — шестнадцатилетний житель Люблино, который в домашних условиях изготовил восьмикилограммовое взрывное устройство. Но привлечь задержанного к уголовной ответственности не представляется возможным, так как он является несовершеннолетним", — отметил источник в силовых структурах, сообщивший эту новость.

Не прошло и недели, как в столице судили молодых выходцев с Кавказа, которые, по некоторым данным, входили в группировку "Черные ястребы", созданную для борьбы со скинхедами. Они напали на двоих юношей славянской внешности. Произошло это в вагоне метро среди бела дня на перегоне между станциями "Киевская" и "Смоленская", то есть в центре Москвы. В результате один из пострадавших получил пулевое ранение в лицо и ножевое в область сердца, а другой, шестнадцатилетний одиннадцатиклассник, колото-резаную рану в область правого легкого. Восемь подозреваемых удалось задержать. Однако, по сообщениям СМИ, лишь двое из них были арестованы, а остальные шестеро, ввиду несовершеннолетия, отпущены под подписку о невыезде.

Предоставляем читателю удобную возможность поразмыслить о новых перспективах этнической преступности в свете ювенальной юстиции (с учетом того, что, даже переехав в Москву, многие кавказские подростки "соблюдают традиции" — носят при себе ножи), а также снова обратить внимание на однобокий гуманизм ювеналов-правозащитников, которые и в этом случае почему-то не поспешили встать на защиту шестнадцатилетнего пострадавшего.

Глава VII

ТОЛЕРАНТНОСТЬ НОВОГО ВАВИЛОНА

Воспитание терпимости к пороку

Сегодня очень часто звучит слово "толерантность". А ведь совсем недавно большинство людей и слухом не слыхивало ни про какую толерантность. Не знали, с чем ее едят. Теперь же пропаганде толерантности придается такое большое значение, что она вот-вот может стать предметом

специального изучения в школе. Министерство образования РФ при поддержке ЮНИСЕФ уже осуществляет государственную программу "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе". С 2000 года издается "Библиотека психологии и педагогики толерантности", ответственным редактором которой является А. Г. Асмолов, в свое время стоявший у истоков так называемого "полового воспитания российских школьников". Кто знает, может бывший замминистра образования в недалеком будущем получит портфель министра толерантности?

Что ж, пора, наверное, поинтересоваться значением этого новомодного слова. "tolero" — переносить, терпеть, поддерживать, сдерживать, кормить. Отсюда: "tolerans", "tolerantis" — терпеливо переносящий, выносливый. "Tolerantia" — терпеливость, терпение" (*Латино-русский словарь. М., Флинта, Наука, 1999*).

Теперь заглянем в "Биологический энциклопедический словарь" (*М., Большая российская энциклопедия, 1995*): "Толерантность" — (от лат. "tolerantia" — терпение) — иммунологическое отсутствие или ослабление иммунологического ответа на данный антиген при сохранении иммунореактивности организма ко всем прочим антигенам. Термин введен в 1953 году П. Медавара для обозначения "терпимости" иммунной системы организма".

Примерно в те же годы понятие толерантности появилось и в западной психологии с легкой руки сторонников биологизаторской теории — таких, например, как Ф. Розенцвейг. Вкратце суть сводится к следующему. Если человек сталкивается с чем-то, вызывающим у него чувство протеста, неприятия, возмущения, то он должен "канализировать" эти негативные чувства в русло, безопасное для объекта (или субъекта) возмущения. Такое умение было названо "толерантностью". Помните, как воспитывали толерантность в Японии? Рабочий, которого оскорбил начальник, должен был потерпеть до обеда, а потом в специальном кабинете психологической разгрузки ему предоставлялась возможность "канализировать" свою агрессию, отдубасив резиновое чучело оскорбителя.

Что же означает пресловутая толерантность сегодня и зачем ее так усиленно закачивают в общественное сознание? Ныне это объемное, комплексное понятие, вобравшее в себя и ослабление иммунологического ответа (то есть сопротивления) на данный "антиген", и канализацию протеста в безопасное русло, и, конечно, терпение, но об этом позже.

Применительно к нашему обществу в роли "антигенов" выступают явления, разрушающие культуру, традиционный уклад, привычные представления о должном и недолжном, о дозволенном и запретном, о добре и зле. Что такое мат, который наши прогрессисты решили интегрировать в литературную речь? Типичный "антиген". И сопротивляемость, иммунность общественного организма по отношению к мату заметно снизилась. Общество стало более толерантным. Мало того, что прибалтанные подростки, не боясь замечаний взрослых, громко сквернословят на улице. Так теперь уже и мужчины вполне респектабельного вида беззастенчиво матерятся при женщинах, а те благодушно улыбаются или отвечают тем же.

Очень повысилась толерантность и к демонстрации интимных сторон жизни. Люди бесстыдно взирают на рекламу средств от запоров и импотенции. И присылают снимки в журнал под названием "Обнаженные жены наших читателей".

А как мы стали толерантны к воровству! Голосуем за людей, ограбивших страну и хвастающих награбленным в телепередачах.

И на детей, которые роются в помойных баках и просят милостыню в метро, мы взираем весьма толерантно. Нет, конечно, не у всех еще отморожено сердце. Но для тех, в ком вскипает протест, предусмотрено множество способов канализации оного. Начиная с пива и водки, которые теперь можно лакать прямо на улице (что раньше было запрещено, поскольку считалось оскорблением общественной нравственности, и забуддыги вынуждены были скрываться в подъездах и подворотнях), и кончая опьянением маргинальной ультрапатриотической прессой, которую нередко содержат все те же воры-олигархи. А в промежутке — широчайший спектр средств для снятия эмоционального напряжения: дискотеки, игровые автоматы, телешоу, необъятные супермаркеты и вещевые рынки, компьютере Интернетом, экстремальный спорт и, естественно, "безопасный секс".

Последний канал самый главный. В светлом будущем тотальной толерантности эта сфера, судя по всему, должна стать абсолютно растабурированной. Именно сюда стараются направить протест против несправедливой жизни, яростную реакцию на социальное унижение. Зачем шум поднимать и даже зачем лупить чучело патрона, когда к твоим услугам радости садомазохизма? И вообще, все твои беды, если с помощью психоанализа как следует покопаться в подполе бессознательного, проистекают от недостаточной сексуальной культуры, а главное, от зажатости, скованности, ложного стыда. Раскрепостись, твори, выдумывай, пробуй! На этом пути твоей свободы никто не посмеет остановить. А

если посмеют, живо получают по ушам, неполиткорректные гомофобы, дремучие ортодоксы и ханжи, застрявшие в позапрошлом столетии.

Сейчас уже многие забыли (кошмары вообще быстро забываются), как перед либерализацией цен в 1992 году деятели, находившиеся тогда у кормила демократии, со свойственным им простодушным цинизмом предлагали круглосуточно транслировать при помощи спутникового телевидения порнофильмы, чтобы голодные люди могли утешиться. Патриотической общественностью это было воспринято как крайняя форма издевательства, а издевательства-то не было и в помине. Либералы просто раньше других узнали, как принято управлять людьми в демократическом обществе.

И поспешная отмена уголовной статьи, карающей за мужеложество, вовсе не была связана только лишь со специфическими пристрастиями новой элиты. Гораздо важнее было максимально расширить русло главного канала. На это же был направлен и указ Б. Ельцина, до сих пор кажущийся абсурдным даже многим психиатрам и психологам. Мы имеем в виду указ о широком распространении психоанализа в России.

"Зачем он полез в нашу профессиональную сферу? — удивлялись специалисты. — Неужели у президента страны нет более важных проблем?"

А проблема-то, между прочим, была важнейшей. Только не психологической, а политической. Кто компетентно объяснит людям, в чем истоки их страданий и где панацея? Кто умеет грамотно выстроить миф о ранней сексуальной травме — истинной причине всех твоих бед? Ведь дело не в том, что ты в 40 лет оказался никому не нужным балластом, не в том, что тебе пришлось стать беженцем и переехать из Узбекистана в Тамбовскую область, не в том, что сын, оглушенный молодежной масс-культурой, пристрастился к наркотикам. Нет, это все ложные причины, на уровне сознания. А истинная кроется в далеком, уже вытесненном из памяти эпизоде детства: в том, что ты, пересидев в полуторагодовалом возрасте на горшке по причине затрудненной дефекации, застрял на анальной фазе эроса. Забыл? Ничего страшного, дипломированный психоаналитик напомнит, попутно объяснив про сублимацию либидиозной энергии. Глядишь — и полегчает.

Теперь зададим другой вопрос. К каким социальным "антигенам" решено воспитать у нас толерантность? К чему мы должны привыкнуть? Что нас не должно раздражать, пугать, вызывать отталкивание и желание сопротивляться?

На наш взгляд, таких "камней преткновения" как минимум три. И связаны они с тремя графами анкеты: национальность, пол и вероисповедание.

Это страшное слово "нация"

Начнем с первой графы. Казалось бы, что плохого, если люди будут излечиваться от национальной нетерпимости, от ненависти к инородцам? Ведь это безусловно отрицательные свойства, приводящие к жутким последствиям.

Карабах, Таджикистан, грузино-абхазский конфликт, Чечня... Но почему призывы к борьбе с национальным экстремизмом исходят из таких странных кругов? Почему этим больше всего озабочены люди, которые, выражаясь суконным языком, занимаются подрывом государственных основ, разжигают своими выступлениями ту же национальную рознь? Почему после их миротворческих речей резня только усиливается? Почему они в разгар войны пируют вместе с чеченскими бандитами? А некий миротворец побогаче этих бандитов еще и содержит?

Весьма характерны и понятия, которыми оперируют такие люди. Обратите внимание, они стараются не произносить слова "народ". (Разве что в словосочетании "маленький свободолюбивый чеченский народ".) Это, мол, что-то кондово-коммунистическое. И еще больше негодуют при слове "нация". Это у них вообще ассоциируется с фашизмом. Нет, они оперируют современными, цивилизованными терминами: "народонаселение", "электорат", "граждане". А любимое словечко — "социум". Ну да, ведь "народ" и "нация" — государствообразующие понятия. И что не менее важно, культуурообразующие.

А в российском паспорте, основном документе, удостоверяющем личность, национальность не указывается. И подавляющее большинство граждан вторит телевидению и газетам, уверяя себя и других, что это не имеет никакого значения. Дескать, важно внутреннее самоощущение, кем ты сам себя ощущаешь: русским или татариним.

Но программы по обучению толерантности как раз и займутся вашими чувствами! Вы уже не только не сможете сказать: "Мы, грузины, гостеприимны" или "Мы, русские, незлобивы", но и подумать так не посмеете.

Ведь тем самым вы принизите другие народности. Они, что, менее гостеприимны или более злобны?! Какой вопиющий шовинизм!

Может, читатель сомневается в реалистичности нашего прогноза? Придется, как теперь модно говорить, верифицировать (удостоверить) сказанное. Заглянем в книгу из упомянутой выше серии "Библиотека психологии и педагогики толерантности". Название на обложке представляет нагромождение словес: "Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости" (авторы В. Ф. Петренко, О. В. Митина, К. В. Бердников, А. Р. Кравцова, В. С. Осипова). Ну, да ладно, не будем придирааться. Перейдем к тому, что внутри. Проанализировав отношение российских студентов к различным национальностям, авторы приходят к выводу, что "в бытовом сознании российской студенческой молодежи отсутствует образ внешнего врага и ощущение противостояния России неким враждебным силам". Не зафиксировано и никакого массового расизма по отношению к другим народам внутри страны. Но авторы вовсе не приходят к выводу, что уроки толерантности нашему обществу не требуются. Нет, их весьма тревожат некоторые "предубеждения" и "этнические стереотипы". Какие именно, скажем чуть погодя. Сначала хотим напомнить, что предубеждениями называется несправедливое, неподтвержденное опытом мнение о ком-либо или о чем-либо. Здесь же предубеждением названо, например, мнение о чеченцах как об "агрессивном", но одновременно и "самом храбром народе". А к цыганам, оказывается, наши студенты относятся предубежденно, поскольку считают их "мало затронутыми цивилизацией", "остаточно конфликтными (чужими)" и "не слишком смелыми".

Ну и где же тут предубеждение? Или надо было сказать, что чеченцы, с которыми шла война и которые захватывали роддома и отрезали нашим солдатам головы, это добрейшие и кротчайшие существа? А таборные цыгане — самый цивилизованный народ земного шара? (Это, конечно, не исключает возможности для отдельно взятого цыгана стать великим ученым. Но тогда он будет вынужден уйти из табора.)

В чем же дело? Каковы истинные цели апологетов толерантности? Как они ни стараются их скрыть, а все же по некоторым проговоркам становится понятно: им необходимо уничтожить национальный характер, разрушить национальную самоидентификацию, которую авторы называют "стереотипным мышлением".

Основные объекты толерантности

Вектор половой толерантности вполне очевиден. В Германии, Швеции, Норвегии, Исландии, Нидерландах, Франции, Дании и Бельгии уже разрешена официальная регистрация однополых браков. В ряде стран (например, в Дании) гомосексуалисты и лесбиянки добились также права усыновлять детей. А в чопорной Англии содомитов даже венчают в церкви. Это в современной Европе, встроиться в которую нам так настойчиво предлагают наши власти и Збигнев Бжезинский. Но когда куда-то встраиваешься, приходится жить по правилам хозяев.

Что ж, первые шаги уже сделаны. Не успела Россия приобрести долгожданный суверенитет, как была отменена статья в Уголовном кодексе, наказывающая за мужеложество. И сразу началась бешеная пропаганда содомского греха, который подавался не как грех, а как особенность, чуть ли не обязательно присущая яркому дарованию. Словосочетание "голубой экран" приобрело еще один смысл, поскольку, как жалуются в откровенных разговорах работники телевидения, гомосексуализм в этой среде стал отождествляться с профессионализмом. Популярные журналисты и актеры, будто по команде, начали во всеуслышание рассказывать о своей "нетрадиционной ориентации" и ее преимуществах. Эта тема заняла достойное место на страницах подростково-молодежных журналов. В уже упомянутых школьных программах по половому воспитанию, которые так воодушевленно, со ссылками на "Песнь песней" и прочие места из Библии рекламировал Асмолов, содомия преподносилась как вариант нормы. (О судьбе Содомы сей знаток Священного Писания почему-то умалчивал.)

В последнее время содомиты действуют еще более нагло. Фильмы с главными героями-педерастами широко демонстрируются в кинотеатрах и по телевидению. А как популяризировали песню группы "Тату", в которой девочка-лесбиянка угрожает родителям самоубийством в том случае, если они не поймут ее любовной срасти к подружке!

Тем не менее по вопросам пола Россия еще не может похвастаться стопроцентной толерантностью. Романтизации "голубых", конечно, очень мешает Православная Церковь, куда ходит все больше и больше людей, понимающих, что Содом — это не только часть фразеологического оборота, но и реально существовавший город, истребленный Богом как раз за те извращения, которые

сегодня так пропагандируются.

Поэтому большим подарком для проводников толерантности стало опубликованное в молодежном журнале высказывание одного из известных клириков нашей Церкви, имеющего репутацию выдающегося миссионера и полемиста. То ли в полемическом задоре, то ли еще по какой-то причине он повторил мнение некоторых протестантских сект и ультралиберальных католиков, противопоставляющих себя политике Ватикана. На вопрос, может ли гомосексуалист быть православным священником, этот клирик ответил: "Да, может. При условии, если он, как и человек нормальной сексуальной ориентации, умеет контролировать свое влечение".

Ответ, вопиющий не только по содержанию (православный священник — содомит!), но и по своему иезуитскому лукавству. Что значит "контролировать влечение"? Не кидаться на всех подряд или только в церковной ограде вести себя сдержанно? А, может, вовсе не предаваться этому пороку? (Похоже, автор высказывания имел в виду именно третий вариант, поскольку уточнил, проявив нехарактерную для священнослужителя приверженность к политкорректному новоязу, что на священство не может претендовать "**практикующий** гомосексуалист".) Но тогда как он обнаружит свой порок? Остается лишь гадать. Наверное, по нечистым помыслам. В том же новоязе для этого есть свой термин: "латентный (скрытый) гомосексуализм". Но Православие учит отсекал греховные помыслы (тем более такие грязные), а не делать их частью себя, придавая им статус личностных свойств. В общем, как ни крути, подобные сентенции не лезут ни в какие ворота, кроме безразмерных врат толерантности. Прельстительно безразмерных, как врата ада.

Но в целом наша Церковь, конечно, проявляет вопиющую, с точки зрения современных либералов, косность и нетерпимость к греху. То ли дело на Западе! Никогда не забудем католического священника, встреченного нами в мюнхенском центре для детей-инвалидов. Рассказывая о своей "карикативной деятельности" (так нынче и у нас в некоторых изданиях именуют дела милосердия), он добавил, что на церкви лежит огромная вина перед людьми, ведь она была так немилосердна: запрещала людям свободный секс и пугала их адом.

Мы тогда решили, что бедняга малость не в своем уме... У него и глаза так странно, фосфорически вспыхивали, особенно когда он рассказывал о больных крошках, которым не хватает ласки, нежных прикосновений... Но чуть позже нам стало известно, что это не мнение отдельно взятого безумца, а вполне стандартные взгляды либеральных католиков.

По мнению отечественных поборников всяческой терпимости, если бы Православная Церковь была толерантнее, не нужно было бы столько помещений строить. Сделать как во Франции... Там в соборе сперва проходит рок-концерт, потом — богослужение, потом выставляется художник из России.

Что правда, то правда. До Европы мы пока не дотягиваем. Впрочем, и до Америки тоже. К примеру, в Нью-Йорке городские власти перед Рождеством запретили использовать в школах христианские символы (высочайший уровень толерантности!). Католическая лига США обратилась в суд. Но пока суд да дело, праздник прошел.

А Евросоюз выпустил "Директиву о равном отношении". Сей толерантный документ запрещает дискриминировать трудящихся по религиозному признаку и (само собой!) по признаку "сексуальной ориентации". Даже если человек, работающий в церкви, вдруг перейдет в другую веру или вовсе станет атеистом, его, по новому закону, никто не посмеет уволить. А если какая-то религиозная организация откажется принять на службу содомита, у отверженного теперь появятся законные основания вчинить судебный иск.

Нововавилонское единство во грехе

Вавилон совсем неспроста сделался символом толерантности. Этот образ всплывает сейчас очень часто и в школьных программах, и в названиях магазинов, и на рекламных щитах. А в 1994 году, когда в России о толерантности еще и не слыхивали, мы были на психиатрическом конгрессе в Гамбурге. На плакатах, программках, декоративных флажках — везде красовалась Вавилонская башня.

Но в древнем, библейском Вавилоне не было никакого смешения народов. Напротив, "на всей земле был один язык и одно наречие" (*Быт. 11, 1*). На основе чего может быть сейчас достигнуто нововавилонское единство? Ведь тогда, в древности, единый народ разделился не по своей воле, не по решению тогдашних политических элит. Разделение произвел сам Господь. И Он же указал путь, идя по которому, человечество может вновь обрести утраченное единство. Это единение во Христе. "Ибо все вы сыны Божий по вере во Христа Иисуса", — писал апостол Павел. Только во Христе "нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе

Иисусе" (Гал. 3, 26–28).

Разве глобалистский проект Нового Вавилона подразумевает такое единение? Отнюдь. Что же может объединить "новых вавилонян"? А то же, что и старых: желание возвыситься до небес, богоборчество и разврат (который всегда несет в себе богоборческий заряд, поскольку является нарушением Божией заповеди). Новое единство — это **единство во грехе**, поэтому основные постулаты толерантности представляют собой дьявольские перевертыши: в содомском смешении уже нет ни мужского пола, ни женского. Так же, как его нет и в цирковом представлении трансвеститов (такой аттракцион предлагают туристам, посещающим Таиланд).

Вместо единого народа Божьего ("нет уже Иудея, ни язычника") — перемешанное в результате миграции население, оторвавшееся от своей почвы, истории и культуры, преуспевшее только в одной культуре — культуре потребления. В сущности, расчеловеченные люди, движущиеся не от образа к подобию Божьему, а от образа к безобразию. И само слово "толерантность" — тоже лукавая подмена.

Терпение, одна из главных христианских добродетелей, подменяется терпимостью к греху. "Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, — предостерегает нас во Втором послании к Коринфянам апостол Павел, — ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами?" (2 Кор. 6, 14–16).

Сейчас создается впечатление, что строительство Нового Вавилона решили завершить в ударные сроки, будто перевыполняя обязательства какой-то мистической пятилетки. Причем постройки старого общества пока сохраняются. До поры до времени. Чтобы приверженцы отжившего мира не лезли под руку со своими причитаниями. И толерантность играет тут неоценимую роль. С одной стороны, это таран, пробивающий брешь в традиционной культуре, а с другой, она усыпляет бдительность всяких "ископаемых". Дескать, чего галдите? Вы можете чудно проводить время с своих норках. Хотите библиотеку — пожалуйста. На дачные грядки? Сколько угодно! В консерваторию? Нет проблем.

И церкви свои восстанавливайте на здоровье. Если, конечно, найдете спонсоров. Мы же на свои гей-клубы находим, у вас не просим. Вы нам тоже не больно нравитесь, но мы уважаем чужие права и чужие свободы. О вкусах не спорят. Ведь как хорошо, когда все живут мирно и каждый получает, что ему по душе! Ну, а то, что за углом у вас казино или даже публичный дом, это уж извините, господа. Иначе в цивилизованном мире не бывает. И не надо изображать благородное негодование по поводу развращающих подростковых журналов и эротического кино. Кто мешает купить журнал "Мурзилка" и посмотреть на видеокассете старую патриотическую картину? Или даже новую! Знаете, какой отличный римейк недавно выпустили? Не хуже голливудского. Да, собственно, в одной и той же газете каждый найдет материал по вкусу. На пятой странице у нас всегда рубрика "Слово пастыря", на шестой... ну, там для тех, кто любит погорячее... сами понимаете... А на последней — потрясающие гороскопы! Потрясающие! Их составляет не какой-то жулик, а член-корреспондент Всемирной астрологической академии. И ребята нетрадиционной ориентации благодаря нашим объявлениям находят свое счастье. Им ведь тоже хочется устроить личную жизнь... И в школе должно быть разностороннее образование! Не нужно этой однобокости: литература, история, математика... Не всем же учеными быть! Уметь предохраняться в наше время тоже необходимо. Кто этим должен заниматься, если не школа? Не научишь в школе — пойдут в подворотню. А все из-за вашей нетерпимости, из-за вашего чистоплюйства! Опять же никто не мешает на одном уроке научить детей правилам "безопасного секса", а на другом — поговорить о духовности. Такова логика строителей Нового Вавилона.

Глава VIII **Религия здоровья**

"Главное — товарный вид!"

Мы часто слышим, читаем и произносим клише "смена ценностей", "изменение ценностных ориентиров". И как-то само собой разумеется, что это все не про нас. Что это злые масоны, мировая закулиса, отъявленные либералы и прочие недруги России с помощью изощренных манипуляций воздействуют на обывателей, которые верят телевизору, рекламе, газете "Московский комсомолец". Нас же, верующих в Бога, на мякине не проведешь.

И действительно, приобщение к православию очень многое расставляет по своим местам. Хотя основоположники марксизма и называли религию опиумом для народа, она-то как раз и отрезвляет. Пускай не сразу, но неуклонно. Не будет воцерковленный человек смотреть непристойные фильмы,

ставить во главу угла богатство или карьеру, жить по принципу джунглей, где сильный пожирает слабого.

Но есть некая область, в которой изменение ценностных ориентиров все же произошло тотально. Можно сказать, у всего народа. Причем довольно давно.

Не беремся точно определить когда, но полвека-то уж точно здоровье стоит в ряду основных ценностей человеческой жизни. А в последние годы все уверенней претендует на место самой главной ценности. Раньше про здоровье любили порассуждать главным образом старики. Сейчас даже пятилетние дети, подражая взрослым, желают друг другу крепкого здоровья. А взрослые прочно усвоили неизвестно кем придуманную формулу. И в телефонных разговорах, и на перронах вокзалов, и в застольях — везде, где надо выразить дружеское расположение, звучит одно и то же: "Главное — здоровье! Остальное приложится".

Чуть ли не самая частая вывеска в современной Москве — "Аптека". Иногда приходится две аптеки на один дом. А вот булочные, которые раньше были на каждом углу, почти исчезли. Нет, хлеба-то пока, слава Богу, достаточно. Его можно купить и в обычном продовольственном магазине, и в супермаркете, и в ларьке.

Дело в символической замене: лекарства стали важнее хлеба.

Вы скажете: "Народу у нас гнилой, болезненный потому и аптек так много".

Но ведь принимают лекарства не только больные, но и здоровые. Для профилактики. Пищевые добавки, распространившиеся в последние годы, — это не что иное, как непроверенные лекарства. Назвал добавкой — и можно не проводить клинических испытаний, а утвердив в соответствующей инстанции, выбросить на рынок. Пусть доверчивый потребитель ест себе на здоровье. Недаром они называются пищевыми.

Впрочем, и апробированные, "нормальные" лекарства сейчас все чаще не принимают, а едят. Почти как хлеб. И это не замедлило отразиться в языке, который вообще очень чутко реагирует на общественные изменения. Многие уже говорят: "Пойду съем (а не приму!) таблеточку". Или: "Ты вечерние лекарства сегодня ел (вместо "принял")?"

А сколько изданий посвящено здоровью! Сколько народу приходит на встречи с коллективами авторов этих изданий! Какая оживленная переписка завязывается между людьми, которые делятся рецептами оздоровления!

Мания здоровья не обошла и школу. С невероятной скоростью стали плодиться авторские программы валеологии ("vale" по-латыни — "будь здоров"), программы здорового образа жизни. Наряду с уроками математики, физики и литературы появились уроки здоровья, на которых учащимся рассказывают, как ухаживать за кожей и волосами, как следить за правильной работой гипофиза и "слушать пение кишков" (цитата из одной популярной программы для первоклассников).

Откуда же появилось такое массовое, прямо-таки всеобъемлющее поклонение здоровью? Что происходит с нашим обществом?

Может быть, поклонение здоровью — это что-то вроде языческого культа? Сейчас много говорят о возрождении язычества, о неоязыческих тенденциях в современной культуре. И на первый взгляд, это похоже на правду. Здоровье — главное божество. Что-то вроде Зевса. Его жена — богиня Медицина. И целый пантеон более мелких, отпочковавшихся от них божков: Фитнес, Стоматология, Тренинг Общения, Массаж, Пластическая Хирургия... То, что раньше было обычными элементами жизни (например, массаж или поход к зубному), стало приобретать выразительно культовый характер. Сейчас уже никого не удивляет словосочетание "целительские секты". Хотя вывески у них могут быть самые разные. И, конечно же, слово "секта" там не присутствует. "Трансцендентальная медитация", центр йоги "Крылья совершенства", Рэйки — "Система Естественного Исцеления Усуи", школа Норбекова, методика Акбашева, "Детка" Порфирия Иванова, валеологические школы и направления... От классических медицинских школ и направлений эти отличаются наличием особой духовной составляющей. По сути, каждая такая секта во главе со жрецом-гуру предлагает пациенту не просто лекарства для лечения ног, спины или глаз, а пытается приобщить его к своей вере, которая непременно отличается от традиционных религий.

Это не всегда предъясняется сразу. Человек, проходящий лечиться, как правило, поначалу не догадывается, что попал в секту. Сперва ему сообщают об оригинальной медицинской методике, которая незаметно, но неуклонно перерастает в оригинальное вероучение. А иногда подоплека обозначается с самого начала. Так, в одной из школьных программ по валеологии с простотой римлянина заявлялось: "Валеология — религия XXI века".

Ко всем этим аргументам в пользу языческого поклонения здоровью как новому божеству можно

добавить и вполне естественные переключки с жестким отношением к неполноценным и старикам в Спарте. Можно вспомнить и Древний Рим, в котором считалось доблестью покончить жизнь самоубийством, если у человека обнаруживалась какая-то серьезная болезнь или он просто дряхлел.

Так что, когда слышишь про очередную цивилизованную страну, в которой наконец-то приняли гуманнейший закон об эвтаназии, мудро не вспомнить о том, что это где-то когда-то уже было. Разве есть принципиальная разница в том, как отправить немощного старика на тот свет: сделать ядовитый укол или сбросить его со скалы в пропасть?

Аналогия с язычеством прослеживается и в отношении к неполноценным детям. Тенденция детских жертвоприношений на алтарь здоровья видна сегодня отчетливо. Все больше стран под давлением вездесущего мирового сообщества узаконивает убийство нерожденных детей, мотивируя это нездоровьем, нежеланностью младенца или угрозой для здоровья женщины.

А разве столь рекламируемая сейчас фетальная терапия чем-то принципиально отличается от лечения, которое практиковал языческий император Тибериус? Для него резали уже рожденных младенцев, чтобы он мог принять ванну из их крови. А для нынешних "хозяев жизни" убивают детей в утробе матери, поскольку добытые из них препараты якобы способствуют оздоровлению.

Правда, в многочисленных газетных рекламах это зверство называется "медициной XXI века". Слово сочетание "фетальная терапия" заменено политкорректным "терапия стволовыми клетками", т. е. "fetus" по-латыни "плод", и народу это стало известно.

В общем, аналогия с язычеством вроде бы полная. Но только вроде бы. Тут даже уместно употребить столь распространенное сейчас жаргонное "как бы". Ну, а в чем же тогда разница? Разница в том, с чего мы, собственно говоря, начали: здоровье стало для современного человека главной ценностью. А в языческом мире здоровье главной ценностью не являлось. И даже не было специального бога здоровья!

И это неслучайно. Разве можно поклоняться здоровью и одновременно ставить превыше всего воинскую доблесть, отвагу, служение родине? Без колебаний бросаться в бой, жертвовать жизнью и два раза в день мерить давление... Безусловно, хорошее здоровье приветствовалось в языческом мире ("в здоровом теле здоровый дух"), но не в качестве самоцели, а чтобы лучше воевать, лучше работать, рожать больше детей.

А что сейчас? Для чего надо быть здоровым? Чтобы стать многодетной матерью? Какое там! И одного-то ребенка рожать небезопасно: зубы разрушаются, почки страдают, кожа на животе растягивается, грудь обвисает. А токсикоз — так тот вообще может быть смертелен! (Мы не шутим, именно так сегодня пишут в "гламурных" женских журналах.) Об армии и войне лучше вообще не заикаться — сочтут полоумным. Нет, конечно, приемами каратэ, ушу или айкидо овладеть полезно. Для самообороны. То есть опять же для защиты собственного здоровья, собственной жизни.

Но, может быть, здоровье нужно для плодотворного мирного труда на благо Отечества? Что за идиотский пафос! Хороша та работа, которая приносит больше денег и отнимает меньше сил. В идеале надо бы вообще не работать, а только получать денежки. Но это если уж очень повезет.

Ладно, отойдем от морализаторской патетики. Может, здоровье требуется хотя бы для любовных утех, многочисленных амурных побед? Чтобы стать (вспомним фильм, поставленный по новелле Ф. Искандера "О, Марат!") "маленьким гигантом большого секса"? Да нет. Даже здесь причина и следствие как-то незаметно поменялись местами. Теперь не здоровье для секса, а секс для здоровья. По рекомендации врача или заменяющего его журнала.

Одна из нас недавно, придя в гости, справилась у хозяев об общей знакомой, женщине довольно преклонного возраста — около 70 лет. И услышала, что та завела любовника на 30 лет моложе себя.

Зачем? Ведь у нее уже правнуки! Неужели такая безумная любовь?

Какая любовь?! — поморщилась хозяйка. — Просто Ольга Васильевна — современный человек, следит за собой, за своим здоровьем. — И увидев на лице гостьи еще большее недоумение, снисходительно пояснила: — Это полезно, понимаешь? Даже газета такая специальная есть — "Секс для пожилых". Нельзя так отрываться от жизни, дорогая. На дворе-то уже XXI век!

Выходит, здоровье нужно само по себе, а все остальное у него на службе? Похоже, что так. И похоже, в обществе это не вызывает никакого сопротивления, а, наоборот, принимается "на ура". Разве были бы протесты против валеологии, если бы там не было элементов секс-просвета и оккультизма? Отнюдь. Да и аргументация против секс-просвета в основном базируется на том, что он вреден для здоровья, прежде всего, для психики. Именно это убеждает подавляющее большинство родителей и педагогов.

А кто будет возражать против такого, например, письма, опубликованного в журнале "Здоровье от

природы" в разделе "Письмо номера" (то есть признанное лучшим) и озаглавленного "Самая благоразумная"?

"Мне 21 год, а я уже очень серьезно отношусь к своему здоровью. Мой организм не принимает ничего химического, все только натуральное — травяной чай, соки из овощей и фруктов. Каждое утро я обливаюсь ледяной водой и протираю лицо кубиками льда из зеленого чая. Стараюсь меньше умываться водой из-под крана. Иногда балую свою кожу минеральной водой, которой я орошаю лицо из спрея. Чтобы хорошо выглядеть, надо соблюдать несколько простых правил и ни в коем случае их не нарушать. Во-первых, никаких сигарет и алкоголя. Во-вторых, должна быть сбалансированная диета. Я не ем мясо, зато ем много зеленых овощей, петрушки, укропа, салата. Кроме того, я не пью кофе, не ем ничего сладкого, мучного, жирного. Мне удалось сократить до минимума потребление соли. Ей я предпочитаю лук, чеснок, соевый соус. А вообще, самое главное — это слушать свой организм, быть с ним единым целым. Надо помнить, что мы — часть огромного мира, природы" (*Здоровье от природы. 2005. № 4. Стр. 6*).

Ну, правда же, идеальная современная девушка? Она могла бы стать живым экспонатом выставки "Здоровый город" или лидером движения "За здоровую Россию". Разве что психиатр заподозрил бы в этой, мягко говоря, преждевременной увлеченности своим здоровьем не совсем здоровое состояние психики. Хотя если в "здоровой России" будет принято с малолетства "слушать пение кишок" и вообще проявлять повышенное внимание к работе организма, то уже не девушку, а самого психиатра сочтут ненормальным.

Вот пример из того же ряда, но более гротескный, а потому пока что опознаваемый как "сдвиг по фазе". Молодой женщине изменил муж. Она в негодовании. Но не потому, что ее мучает ревность.

— Я абсолютно не ханжа, понимаю и принимаю сегодняшние правила игры. Мужская физиология требует разнообразия, с этим не поспоришь. Но как он посмел меня заразить? Он же знает, как я слежу за здоровьем, как для меня важно быть абсолютно, идеально здоровой. Нет, этого я ему никогда не прощу! Изменяй, но с соблюдением правил гигиены!

Можно было бы подумать, что, потеряв от обиды и возмущения голову, бедная женщина просто несет что-то несусветное. Но монолог на этом не заканчивался, и в нем была своя, вполне выстроенная логика.

— Я его и сама не люблю и никогда не любила. Но пока разводиться не собираюсь. Сыну всего 9 лет, я его одна не потяну. А когда мальчик подрастет, поступит в институт, я найду себе другого мужа, более перспективного. Но для этого надо быть в идеальной форме, иметь товарный вид.

Вот он, ключ: **"товарный вид"**!

Как человека превращают в товар

И что же нам этот ключ откроет? Может быть, как раз ту самую дверь в неоязыческую реальность? Но разве отношение к своему телу как к товару типично для язычества? В какой-то степени — да, но лишь в той, в которой язычество связано с рабовладением. Раба действительно считали товаром, и, чтобы продать повыгодней, старались придать ему соответствующий вид.

Но неужели эта женщина считает себя рабыней? У нее что, есть хозяин? Наоборот! Мужа она ни в грош не ставит, а себя считает полноправной хозяйкой и творцом своей судьбы. Нет, это психология, присущая новому человеку, члену общества потребления. Обычно, когда говорят об обществе потребления, перед нами встает образ человека-потребителя. Но в том-то и фокус, что в современном мире каждый человек, независимо от своего статуса, является как потребителем, так и товаром! В рабовладельческом обществе рабовладельцы товаром небыли, потому и психология у них была другой. Они могли себе позволить умереть за идею, за родину, за поруганную честь. А вот рабам эта роскошь была недоступна. Им здоровье или красота нужны были не ради какого-то высокого идеала, а просто для того, чтобы выжить, подольше протянуть, не быть выброшенными, как сломанная вещь, ветошь.

Когда практически все в обществе начинает рассматриваться в аспекте потребления, все становится товаром. Не только чашки, диваны, машины и дачи, но и люди. Недаром нам уже лет пятнадцать с паранойяльным упорством втемешивают в голову, что человека всегда можно купить. Если он не продается, значит, просто мало дали. Вопрос только в цене. Других вопросов нет.

В Америке, которую можно смело назвать "королевой потребления", давно уже принято говорить о человеке, что он стоит столько-то. И никого это не обижает. Чем дороже, тем больше уважения.

Итак, человек становится товаром. Но товар — и это внушают нам с неменьшим упорством — должен быть суперновым. Если вещь хоть чуть-чуть износилась, с ней надо без сожаления расстаться,

выбросить на помойку. Какой смысл чинить, если можно тут же купить новую, еще моднее, еще совершенней?

Совсем недавно мужа, бросающего жену, которая заболела раком, презирали, считали подонком. Теперь же... Нет, конечно, это еще не норма. Такой поступок нуждается в оправданиях, но они находятся без труда. Дескать, зачем губить две жизни? Больную женщину, обреченную на мучительную смерть, безусловно, жаль. Но ведь **обреченную!** Значит, муж, который будет гробить свою здоровую жизнь у постели умирающей, приносит совершенно бессмысленную жертву. А он еще молодой мужчина (это обычно говорится с особой интонацией, с намеком на интимную сферу, которая должна быть полноценной, что нереально с умирающей женой). Что ему, похоронить себя заживо, что ли?

Легко себе представить, что через некоторое время подобные оправдания уже не будут нужны. Но пока мы в переходном периоде, новая жизнь платит старой небольшую дань, чтобы та "не возникала".

А вот сентенции типа "лечись, кому ты будешь нужна больная" уже стали нормой. Причем говорится это обычно от чистого сердца, с лучшими намерениями. Такой добрый совет может дать любящая подруга или даже мать. И в этом совете уже практически не содержится ни сарказма, ни даже осуждения жестокосердного общества. Нет, это спокойная констатация новой реальности и готовность осудить близкого человека, который не понимает, что этой реальности следует соответствовать.

— Как ты ходишь? Сделай нормальные зубы! Тебе же на работу устраиваться, — говорят мужчине, который устраивается вовсе не в Москонцерт на ставку конферансье, вынужденного по долгу службы улыбаться во весь рот.

А уж если хозяин фирмы уволил сотрудника, который часто болеет, так это вообще в порядке вещей! Какой дурак будет держать доходягу, когда можно взять молодых, здоровых? Зачем старая вещь, когда можно купить новую? Зачем держать больного, если, только свистни, прибегут здоровые? Зачем донашивать потертые брюки, если вышел на улицу и на первом же лотке купил обновку, причем недорого?

Здоровье становится тождественным новизне вещи. Вещь покупают новую, а человека — здорового. Это касается всех слоев общества. Например, в новой реальности в состав бизнес-элиты входят управляющие высшего звена, называемые топ-менеджерами. Это очень богатые по сравнению с простыми смертными люди. По своим финансовым возможностям они вполне могли бы в прежние времена завести рабов. Но и над ними висит дамоклов меч увольнения в случае пошатнувшегося здоровья. Чтобы успешно выполнять свои функции, они должны быть в хорошей форме.

Итак, общество потребления — это общество сплошных рабов, где человек, даже если он господин, является товаром, который можно купить. А здоровье — необходимое условие для того, чтобы быть купленным. Когда понимаешь это, лозунг наших реформаторов "мы должны сделать так, чтобы болеть стало невыгодно", обретает дополнительный смысловой объем.

Пока еще картина "прекрасного нового мира" не явлена нам во всей красе. Она полуприкрыта завесой традиций. Но завеса эта становится все более тонкой, все более прозрачной. Скажем, запрет на торговлю органами — это еще дань традиции. Хотя уже не очень просто объяснить современному молодому человеку, почему, собственно, ее надо запрещать. Если кто-то хочет продать свою почку, кому какое дело? Он же хозяин своих органов! Но тут пока мнения все-таки расходятся.

А вот что касается клонирования органов, по этому вопросу мы, похоже, имеем общественный консенсус. Кто будет возражать против выращивания на продажу почек, печени, сердца, руки, ноги? Разве что с клонированной головой может выйти заминка. Как-то уж очень непривычно и что-то внутри подсказывает: "Нет, это нельзя!" Но почему нельзя, в потребительской парадигме объяснить непросто.

Когда же завеса традиций окончательно будет сдернута, больные люди, не имеющие денег на "ремонт" или "ремонту" не подлежащие (ведь далеко не все еще болезни научились лечить), будут списаны как бракованный товар. Существование по этим новым законам очень доходчиво показано в популярных сейчас антиутопиях Ю. Вознесенской, живущей на Западе и потому наблюдающей глобалистский проект в более продвинутом варианте. Герой ее романа "Паломничество Ланселота", юноша в инвалидной коляске, заранее оповещен о сроке принудительной эвтаназии. Она грозит ему в 25 лет, а когда он теряет работу, срок сокращается еще на 2 года. И ни он сам, ни его немногочисленные близкие не подвергают сомнению законность такого фашизма, а лишь судорожно ищут исцеления. Не стоит утешать себя тем, что это измышления автора и что на самом деле в западных странах — да и то не во всех — эвтаназия добровольная, а не принудительная. Очень многие вещи, которые казались нереальными еще вчера, сегодня уже настолько привычны, что воспринимаются как бывшие от века.

Может ли больной быть счастливым?

"Человек не может быть счастлив, если у него проблемы со здоровьем. Только идеально здоровый человек может обрести полноту счастья". В некоторых оздоровительных программах это декларируется прямо, в остальных подразумевается.

Как принято выражаться, "мне это что-то напоминает". Собственно, та же идеология положена в основу "планирования семьи", адепты которого неустанно твердят, что каждый ребенок должен быть здоровым и желанным.

Правда, там на этом не останавливаются, а делают логический вывод, что нездоровым и нежеланным на свет появляться не стоит. Поэтому гуманно прекратить их страдания буквально в самом зародыше. Ведь они будут несчастны, а человек создан для счастья.

Современное западное общество настолько пропиталось этим "гуманизмом", что он проник и в тамошнюю православную среду. Даже такой авторитет, как митрополит Антоний Сурожский, выступая в последние годы своей жизни на радио "Би-Би-Си" и на встречах с верующими людьми, говорил следующее: мне кажется (и за это меня, вероятно, многие осудят), что законно прибегнуть к контрацепции, то есть не дать ребенку родиться в такие обстоятельства, где он встретит только страдание, изуродование жизни, смерть. Совсем другое дело — аборт. Аборт — это убийство. Об этом и говорить нечего. Я знаю, в некоторых медицинских случаях приходится прекратить жизнь ребенка, потому что иначе и ребенок, и мать погибнут, но это — медицинская проблема. Есть еще один вопрос: дети, которые рождаются ущербными — или физически изуродованными, или психически неполноценными. Вот тут вопрос очень сложный. Некоторые женщины настолько хотят ребенка, что готовы идти на то, чтобы родился ребенок, который заведомо будет всю жизнь страдать физически или психически. Они идут на это потому только, что "хотят иметь ребенка". Это мне кажется чисто эгоистическим подходом, такие матери о ребенке не думают.

Они думают о своем материнстве, о том, как они изольют на этого ребенка свою ласку и любовь.

Но многие из таких матерей не знают, способны ли они ласку и любовь проявить к ребенку, который вызывает физическое отвращение, ужас.

Тем не менее урод тоже является человеком, а есть правило, что человека нельзя убивать, — возражает журналист. — Как тогда подходить к этому вопросу?

Честно говоря, не знаю, как к нему подойти, — отвечает владыка. — Я думаю, есть случаи, когда лучше бы ребенку не родиться на свет, чем родиться страшно изуродованным психически и физически. Когда думаешь: вот, родился ребенок... Пока он еще малюсенький, это еле заметно, но этот человек вырастет, ему будет двадцать лет, и тридцать, и еще столько лет, и в течение всей жизни ничего, кроме физической или психической муки, не будет. Имеем ли мы право присуждать человека на десятилетия психического и физического страдания, потому только, что хотим, чтобы этот ребенок родился и был моим сыном, моей дочерью? Я не знаю, как это канонически обусловить, но, думаю, тут есть очень серьезный вопрос, который можно решать врачу, даже верующему, в этом порядке. Я видел таких детей, которые рождались и были искалечены на всю жизнь, видел, что совершалось в результате с психикой матери, отца и их отношениями. А иногда бывает чисто безнравственный подход. Например, недавно я читал о том, как чета, в которой мать передавала гемофилию, настаивала, чтобы у них рождались дети, хотя знала, что они будут погибать, но — "мы хотим детей". В данном случае, конечно, выход был бы не в аборте, а либо в воздержании, либо в противозачаточных средствах — законных и не представляющих собой никакого уродства (*цит. по кн.: Зорин К. В. Что такое "наследственная порча". М., Русский хронограф, 2004. С. 290–293*).

Выходит, святые царственные мученики Николай и Александра проявили безнравственность? Ведь они же знали, что гемофилия передается по мужской линии и все равно пошли на рождение цесаревича Алексея. Не просто больного сына, а больного наследника престола, будущего царя, который отвечает перед Богом за судьбы миллионов своих подданных.

А как можно говорить про заведомые страдания? Только Бог ведает, что ждет человека. Сколько людей, имеющих завидное здоровье и материальное благополучие, все равно несчастны. И, напротив, прикованные к постели или инвалидной коляске калеки благодарят Бога за счастье жить.

Хотя, конечно, если стоять на позиции примитивного рационализма (а рационализм всегда в той или иной степени примитивен), больной человек счастливым быть не может. Он ведь столько лишен. Ему не дано в полной мере наслаждаться жизненными благами, жизненными удовольствиями, которые доступны здоровым.

Впрочем, и тут, если вдуматься, рационализм дает осечку. Теоретически — да, боль терпеть

людям не хочется, а хочется иметь здоровые зубы, здоровые ноги, здоровый желудок. Но кроме потребности в телесном комфорте, у человека есть еще потребность в любви. И эта потребность уж во всяком случае не меньшая (а может, и большая). Иначе не страдали бы так даже вполне здоровые и ухоженные детдомовские дети, лишенные материнской ласки. В медицине есть специальный термин, обозначающий болезненное состояние, вызванное недостатком родительской любви — "депривация". У ребенка с депривацией могут возникнуть на нервной почве самые разные расстройства. В том числе и болезни органов.

Давайте задумаемся: многим ли здоровым людям достается столько внимания, заботы и любви, сколько нередко получают больные? Взять хотя бы человека, попавшего в больницу. И родственники, и друзья, и сослуживцы — все рвутся его навестить, утешить, рассказать что-то интересное, принести деликатес. Больного ребенка часто избаловывают так, что потом сами не знают, куда деваться от его капризов. И хотя на сознательном уровне люди, конечно, стремятся поскорее избавиться от своей болезни, бессознательно они могут ее продлевать, чтобы тем самым продлить заботу и любовь окружающих. В крайнем своем проявлении это выливается в психиатрический симптом под названием "уход в болезнь".

Вы замечали, как старики любят во всех подробностях рассказывать о своих недугах и хворях. Повторяют одно и то же по многу раз. Не для того же, чтобы снова и снова услышать давно известные советы выпить корвалол и побольше лежать. Нет, им (опять-таки, скорее всего, бессознательно) хочется сочувствия, внимания — словом, любви.

А как часто слышишь от родителей, у которых есть ребенок-инвалид, что они его почему-то любят больше своих здоровых детей. Они и сами не понимают, в чем тут секрет, ведь с рациональной точки зрения это абсурд: такой ребенок требует гораздо больше усилий и затрат, которые к тому же никогда не окупятся, поскольку он не будет опорой в старости, не совершит ничего выдающегося, скорее всего, не продолжит род и даже неизвестно, доживет ли до зрелого возраста. И все равно его любят и жалеют больше, чем здорового. От чего другие дети нередко очень страдают. Порой они даже мечтают заболеть (а то и симулируют болезни!), как бы попытались занять место больного любимца семьи.

Так что сцепка "счастье — здоровье" не столь безусловна, как кажется на первый взгляд. Правда, с одной оговоркой сказанное справедливо для традиционного общества, в котором милосердие и защита слабых — одна из базовых ценностей, безоговорочная этическая норма.

Однажды мы слышали очень интересное выступление на конференции в Архангельске. Докладчик, настоятель университетского храма во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского Евгений Соколов, иронизируя над тем, что здоровье сегодня становится чуть ли не главной ценностью, вспомнил такой случай. Когда один важный чиновник сказал ему дежурную поздравительную фразу типа "главное — здоровье, остальное приложится", священник огорошил его довольно неожиданным ответом. А вернее, вопросом: "За что вы меня так не уважаете?" Чиновник, понятное дело, изумился. Дескать, как не уважаю? Тогда отец Евгений продолжил: "Для кого важнее всего здоровье? Например, здоровые зубы?"

Немного подумав, чиновник ответил: "Ну, не знаю... наверное, для волка".

Правильно, — кивнул батюшка. — А ноги? Кто с переломанной лапой не убежит от волка?

Заяц, — сразу угадал собеседник.

Но я же не волк и не заяц, а человек! — заключил отец Евгений. — Зачем же меня приравнять к бессловесной твари?

Зал весело рассмеялся, и докладчику, собственно, уже не обязательно было делать вывод о том, что здоровье — главная ценность **животного** мира, и что, подхватывая псевдогуманные, а на самом деле очень коварные лозунги, мы невольно низводим человека, созданного по образу и подобию Божию, до уровня зверя.

Впрочем, и в животном мире царят не такие уж звериные законы неумолимого отбора, как те, о которых нам рассказывали на уроках "научного дарвинизма". Здоровые самцы оленей в минуту опасности становятся кругом, заслоняя и защищая (подчас ценой собственной жизни) не только самок и детенышей, но и вроде бы бесполезных, старых и увечных сородичей.

А чего стоят крысы-"звезды", сросшиеся хвостами, абсолютно беспомощные, предоставляющие собой обузу, поскольку они ни кормиться, ни передвигаться сами не могут, находясь в состоянии глубокой инвалидности! И тем не менее остальные крысы, этот символ злобы и беспощадности, не уничтожают "сиамских близнецов", а берут на полное социальное обеспечение: кормят, поят и бережно переносят с места на место в период миграции.

Выходит, даже сравнение с животным миром отнюдь не в пользу человека, который постепенно

превращает здоровье в главную ценность? А если это не просто озверение, тогда что же? Какие еще аналогии могут прийти на ум?

Сила немощных

Как же учит христианство относиться к здоровью? Вопрос этот теснейшим образом связан с вопросом о смысле жизни, ведь именно ее позволяет продлить хорошее здоровье и укорачивает плохое. Но для христианина смысл жизни лежит совсем в другой плоскости и находится за пределами жизни земной. Это стяжание Духа Святого и спасение души для жизни вечной. И здоровье вовсе не залог вечного спасения. "Любовь к Богу осуществляется чрез одно только душевное действование, не нуждаясь для этого в содействии тела; подобным образом и вера есть показатель одной только психической энергии; точно также и надежда совершается одною только психической энергией; равно как и смиренномудрие действует и поддерживается чрез энергию души. И вообще говоря, все необходимые (для спасения) духовные добродетели, корень и основание которых есть чистота сердца, совершаются при помощи одной только духовной энергии нашей разумной души, не нуждаясь для своего выполнения в теле. Поэтому и увечные, и больные, и неподвижные телом чрез эти добродетели, посредством душевного действования, могут благоугодить Богу", — поучал преподобный Анастасий Синаит, святой, живший в VII веке (*Святоотеческая хринология и антропология. Пермь, Православное общество "Панагия". М., Православно-просветительский центр "Пересвет", 2003. Стр. 18*).

И даже наоборот. По крайней мере, в современной жизни отменное здоровье, дающее человеку силы не столько на подвиги, сколько на удовлетворение разнообразных страстей, нередко уводит его от Бога, препятствует спасению. А поворот к Богу начинается как раз, когда здоровье пошатнется, порой очень серьезно. Тогда-то, поскольку немощь мешает полнокровной жизни тела, появляется время остановиться, оглядеться, подумать о чем-то выходящем за пределы сиюминутных житейских проблем.

Конечно, мы, приветствуя кого-то при встрече, всегда желаем ему здоровья ("здравствуй!"). И Церковь молится о здравии своих чад. Но одновременно — помните "Покаянный канон ко Господу Иисусу Христу"? — предупреждает: "Не уповай, душе моя, на телесное здравие и на скоромимоходящую красоту".

А вот как отвечал старец Паисий на вопрос: "Геронда, болезнь всегда приносит человеку пользу"?

"Да, она приносит огромную пользу всегда. Болезни помогают людям, у которых нет добродетелей, умиловить Бога. Здоровье — это большое дело, но то доброе, что приносит человеку болезнь, здоровье ему дать не может! Болезнь приносит человеку духовное добро. Болезнь — это великое, великое благодеяние. Она очищает человека от греха, а иногда "гарантирует" ему небесную мзду. Душа человека подобна золоту, а болезнь подобна огню, которая это золото очищает. Посмотри, ведь и Христос сказал апостолу Павлу: "Сила Моя совершается в немощи" (2 Кор. 12, 9). Чем больше мучается человек от болезни, тем более чистым и более святым он становится — лишь бы он терпел и принимал болезнь с радостью" (*Семейная жизнь. М., Святая Гора, 2004, Стр. 232*).

В этой книге, для которой тема здоровья вовсе не основная, — она о семейной жизни — так много простых, понятных и в то же время очень мудрых поучений о том, как должно человеку относиться к своему здоровью и недугам, что их хочется цитировать целыми страницами.

"Когда человек в полном порядке в отношении здоровья, то это как раз значит, что-то у него не в порядке. Лучше бы ему чем-то болеть. Я получил от своей болезни [старец болел раком] такую пользу, какую не получил от всего подвига аскезы, который совершал до того, как заболел. Поэтому я говорю, что если у человека нет обязанностей [по отношению к другим], то ему лучше предпочитать здоровью болезни. Будучи здоровым, человек остается в должниках, а вот от болезни, относясь к ней с терпением, — он получит мзду. Когда я жил в общежительном монастыре, туда однажды приехал один святой епископ, очень старый, по имени Иерофей. Он был на покое и подвизался в скиту Святой Анны. Когда, уезжая, он садился на лошадь, у него задралась брюки и все увидели его страшно опухшие ноги. Монахам, которые помогали ему сесть на лошадь, стало жутко. Епископ понял это и сказал: "Это самые лучшие дары, которыми наградила меня Бог. Я прошу Его, чтобы Он у меня их не забирал" (*Там же. Стр. 235.*)

А здесь Паисий Святогорец как будто заочно полемизирует с митрополитом Антонием: "Те, кто с любовью и терпением ухаживает за больными, калеками и тому подобными, своей жертвой стирают свои грехи" (*Там же. Стр. 244*).

У старца Паисия есть даже глава с таким названием: "О том, что телесное увечье — это

благословение Божие". Читая ее, лишней разубеждаешься: православный взгляд на телесное здоровье и болезнь диаметрально противоположен либеральному.

"Если человек имеет красоту, удалство, здоровье и при этом не подвизается, не старается отсечь свои недостатки, то Бог скажет ему: "В жизни земной ты наслаждался данными тебе благами: удалством и тому подобным! Что еще Я тебе должен? Ничего". А вот человек, имеющий увечье: родился ли он с ним, унаследовал ли его от родителей или приобрел позднее, должен радоваться, потому что в жизни иной он получит воздаяние. Особенно в том случае, если он не виноват в своем увечье" (*Там же. Стр. 261*).

Один из разделов этой главы тоже имеет красноречивый подзаголовок: "Правильное отношение родителей к увечью своих детей".

"Есть такие матери, — говорит старец Паисий, — которые, узнав во время беременности, что ребенок родится увечным или умственно отсталым, делают аборт и убивают свое дитя. Они не думают, что у этого ребенка тоже есть душа. Многие отцы приходят и говорят мне: "Мой ребенок будет ущербным? Почему Бог делает так? Я не могу этого вынести". Какое же бесстыдство по отношению к Богу несет в себе такое отношение, какое упрямство, какой эгоизм!" (*Там же. Стр. 267*).

Старец Паисий вовсе не идеализирует тяжкую участь ребенка-калеки, не закрывает глаза на страдания. "Как же мучаются несчастные матери, имеющие умственно отсталых детей. Эти дети постоянно устраивают шумные сцены, все пачкают... Настоящее мученичество!" — пишет он. Но тут же рассказывает про одного умственно отсталого малыша, которого родители привозили в монастырь, где старец подвизался: "Какой разумный человек имеет доброту, которая есть у него? Как же он молится, как же он кладет поклоны! Когда, страдая от грыжи, я не мог делать поклоны, родители сказали ему: "Батюшка заболел, не может делать поклоны". — "Я за него сделаю!" — сказал малыш и начал совершать за меня поклоны... Сколько же у него было любочестия, сколько великодушия! Как-то один из соседских детей его поколотил, а он, в ответ на побои, протянул ему руку и сказал: "Будь здоров!" Видишь как? Кто из людей "разумных" так поступает, даже если читает Евангелие и целую кучу духовных книг?... Этот малыш ничего не хочет для себя, он все хочет для других. Он и сам пойдет в Рай "без экзаменов", но и родителей своих тоже приведет в Рай" (*Там же. Стр. 263*).

Заканчивается этот рассказ словами, в искренности которых невозможно усомниться. "Как бы я хотел быть на его месте! — восклицает старец Паисий. — И пусть я ничего бы не понимал, и пусть я бы не мог говорить! Бог дал мне все блага, но, несмотря на это, я эти блага неблагодарно расточил. В жизни иной в сравнении с этим малышом даже богословы отойдут на задний план. Помысл говорит мне, что на Небе святые богословы не будут в лучшем положении по отношению к познанию Бога, чем такие дети. И может быть, таким детям праведный Бог даст и что-то большее, потому что в жизни земной они были много лишены" (*Там же*).

"Что ни говори, те, у кого есть умственная отсталость, находятся в положении лучшем, чем другие, — делает вывод старец Паисий. — С таких людей не может быть никакого спроса, и поэтому они переходят в иную жизнь "без экзаменов" (*Там же. Стр. 266*).

Людам, далеким от православия, все эти речи могут показаться полным безумием. "Мы безумны Христа ради", — писал апостол Павел в послании к членам коринфской церкви (*1 Кор. 4, 10*). Даже некоторые воцерковленные христиане, которые хоть и читают духовную литературу, но на практике больше руководствуются советами журнала "Здоровье" и рецептами газеты "ЗОЖ" ("Здоровый образ жизни"), воспримут подобные поучения старца как нечто далекое от нашей повседневной реальности.

Не в назидание ли скептикам, а также тем, кто готов согласиться с глобальным переустройством мира, где больным и немощным уже не будет места ("Зачем плодить уродов и продлевать жизнь калекам? Чтобы они мучились и мучили других?"), не в назидание ли всем нам, возведшим здоровье в абсолют, Господь в последнее столетие так часто являл чудеса именно через самых немощных, самых больных, самых, казалось бы, никчемных людей?

Ярчайший тому пример — блаженная Матрона Московская, одна из наиболее почитаемых святых последнего времени. Она была не просто незрячая от рождения. У нее, как у евангельского слепца, даже не было глазных яблок. А в семнадцать лет еще и отнялись ноги.

Как будто специально для современных женщин сохранились сведения о том, что Матрона была нежеланным ребенком. "При той нужде, в которой жили Никоновы [родители Матроны], четвертый ребенок мог стать прежде всего лишним ртом. Поэтому из-за бедности еще до рождения последнего ребенка мать решила избавиться от него, — повествуется в книге о блаженной (*Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской. М., Свято-Покровский ставропи-гальный женский монастырь, 1999. Стр. 5*). — Об убийстве младенца во чреве матери в патриархальной крестьянской

семье не могло быть и речи. Зато существовало множество приютов, где незаконнорожденные и необеспеченные дети воспитывались за казенный счет или на средства благотворителей. Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют князя Голицына в соседнее село Бучалки, но увидела вещий сон. Еще не родившаяся дочь явилась Наталии во сне в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. Приняв сон за знамение, богобоязненная женщина отказалась от мысли отдать ребенка в приют. Дочь родилась слепой, но мать любила свое "дитя несчастное" (*Там же*).

Но как раз это, по мирским понятиям, "несчастное дитя" вскоре стало кормилицей и славой семьи. И именно Матрону, беспомощную калеку, а не кого-то более "полноценного" праведный Иоанн Кронштадский назвал своей сменой, "восьмым столпом России".

Поразительна и история Григория Журавлева, который родился в Самаре, как сейчас говорят, "обрубком" — без рук и без ног. Если бы такой плод продиагностировали на УЗИ, то наверняка рекомендовали бы аборт. И очень многие люди, в том числе православные, поддержали бы такую рекомендацию. Но в конце XIX века УЗИ еще не было, поэтому младенец с таким страшным увечьем появился на свет. А поскольку он был еще и девятым (!) ребенком в семье, естественно, пошли разговоры про лишний рот.

Но одна прозорливая старица предсказала родным Григория, что именно этим ртом он и накормит всю семью. Как часто бывает с предсказаниями, смысл проявился не сразу. Кто бы мог подумать, что Григорий станет церковным художником и будет рисовать ртом?! В музее Самарской семинарии хранятся иконы его письма. А в деревне Утеевка он расписал целый храм! Братья держали его на руках, а он держал в зубах кисть. Трудно даже вообразить те муки, которые испытывал этот великий подвижник. По крайней мере, известно, что он полностью сточил себе зубы. А пророчество сбылось буквально: император Александр III назначил Григорию Журавлеву пожизненную пенсию, на которую смогла прожить вся его родня.

Можно вспомнить и блаженную исповедницу Матрону Анемнясевскую, физически недоразвитую настолько, что она помещалась в небольшом ящичке, но укреплявшую многих людей во время гонений на церковь; и Дуню Дивеевскую, которая в детстве почти не двигалась, а потом и вовсе перестала, но была знаменита своим благодатным душепопечительством — множество заблудших людей она наставляла на путь праведности; и не прославленного еще блаженного старца Димитрия из села Пески Московской области, разбитого параличом. Его дар прозорливости подтвержден множеством свидетельств, которые публиковались в прессе. Сколько их было — сильных в немощи!

В заключение хочется отметить, что в Священном Писании о здоровье говорится всего два раза!

Первый раз, когда Иосиф, увидев братьев, "... сказал: здоров ли отец ваш старец, о котором вы говорили?" (*Быт. 43, 27*). И второй раз в Притчах Соломоновых: "Не будь мудрецом в глазах твоих, бойся Господа и удайся от зла: это будет здравием для тела твоего и питанием костей твоих" (*Притч. 3, 7–8*). Вот такой рецепт здоровья дает нам Библия.

Глава IX КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ

Яйца курицу учат

"Белые платочки"... Этот образ уже прочно вошел в нашу жизнь и вызывает вполне определенные ассоциации, прежде всего, со старческим возрастом. Хотя белые косынки можно увидеть и на молодых женщинах, и на девушках, и даже на малютках, еще не умеющих ходить, "белыми платочками" называют церковных старушек. Словом, наблюдается несоответствие ассоциативного образа реальной действительности. И еще одно, быть может, более загадочное несоответствие относится к области психолингвистики. Ведь белое-символ чистоты, а также праздничности. Уменьшительно-ласкательный суффикс в слове "платочки" должен настраивать на умиление, симпатию. То есть "белые платочки" теоретически должны были бы вызывать ассоциации сугубо положительные, а вызывают усугубленно-отрицательные. ("Эти злые бабки, которые только шикают, одергивают, все им не так. Не так крестись, не так стоишь, не так одеваешься. Видите ли, колени и плечи надо прикрывать. Щас! Мне не до того было, на душе тоска, а тут старухи учат жить. Вообще больше не пойду никогда!")

В общем, мы наблюдаем очень грубое искажение словесно-образной связи, которое произошло, конечно, не само по себе, а потому что разные авторитетные люди многократно употребляли и продолжают употреблять словосочетание "белые платочки" в отрицательном контексте.

В результате сформировалось устойчивое негативное представление о церковных старушках как о некоем враждебном классе, преграждающем молодежи дорогу к храму. Иногда, правда, раздаются возражения: дескать, не надо так нападать на бедных старух. Ведь именно "белые платочки" вкупе со священством в советское время спасли Церковь. Но возражения эти погоды не делают, утопая во множественных рассказах о злодеяниях наглых бабок. И соответственно люди, волнующиеся за будущее Церкви, встают на сторону молодежи. Настоятели многих храмов строго-настрого запретили бабушкам делать замечания молодым. И бабушки эти стали тише воды, ниже травы. Но разговоры про "белые платочки" не утихли. На них продолжают вешать всех собак.

А некоторые пошли дальше. Однажды мы присутствовали на церковной конференции, где старшеклассница поучала с трибуны уже не только бабушек, но и самих священников, как надо правильно обращаться с молодежью, чтобы произвести на нее благоприятное впечатление. А то иные батюшки так бестактно себя ведут, что оскорбленные ребята могут больше никогда не прийти в храм. "Какое право имеют священники делать замечания девушке в брюках или с непокрытой головой? А если ей не идут юбка или платок? Это же такая мелочь! Зачем цепляться?"

Правда, юная наставница бабушек не нашлась, что ответить на вопрос: "Если это мелочь, то почему вам должны уступать, а не вы? Когда приходишь в гости, делаешь так, как принято у хозяев. Разве вы будете спорить, если вас в чужом доме попросят переобуться в тапочки или вытереть руки определенным полотенцем?"

Однако большинство в зале, судя во всему, наших взглядов не разделяло, и девушке торжественно вручили приз: ее сочинение, которое она и зачитала в качестве доклада, было признано лучшим на конкурсе детских работ по теме "Православная культура в современном обществе". То есть девочку наградили за осуждение старших, причем облеченных священническим саном. И наградили не сотрудники какого-нибудь, условно говоря, фонда Сороса, а именно те, которых она с таким апломбом учила жить — священники. Хотя все они, наверное, много раз слышали пословицу "яйца курицу не учат". А ведь эта народная мудрость простым, но весьма доходчивым образом иллюстрирует библейскую заповедь, служа своеобразной профилактикой греха хамства. И нам кажется, что ее, эту пословицу, сейчас надо бы вспоминать почаще.

О преднамеренном разжигании конфликта поколений написано, в том числе и нами, довольно много. Уже понятно, что сраживание "отцов" и "детей" есть важнейшая задача глобалистского проекта. Делается это для разрушения традиций и морально-этических установок, которые обычно передаются от старших к младшим и которые, по замыслам глобалистов, необходимо заменить антитрадиционными, антихристианскими и античеловеческими "ценностями". Без дискредитации нормальных взрослых это невозможно.

К сожалению, в последние годы разрушительные процессы начали проникать и в церковную среду. Кампания против "белых платочков" — яркое тому подтверждение, что неудивительно: Церковь у нас хоть и отделена от государства, но ее члены живут не в вакууме, а в том самом обществе, о котором сейчас идет речь.

Наверное, какие-то охранительные механизмы мешают нам по-настоящему увидеть, в насколько искаженной реальности мы живем. Когда начинаешь серьезно задумываться, вздрагиваешь. Нет, конечно, нельзя сказать, что старость у нас в принципе считается чем-то презренным. До такого мы пока не докатились. Но спросим себя, какое место занимает старшее поколение в традиционных культурах, и сравним с сегодняшним днем. А также с тем, что намечается на день грядущий.

Поскольку глобализм еще не утвердился по всей планете, на ней пока что довольно много мест, где можно воочию увидеть традиционное отношение к старости, традиционную роль стариков в жизни общества. В Непале, например, пожилые и старые родственники до сих пор имеют **решающее** право голоса, когда молодые собираются вступить в брак. Жрецы, выполняющие там, помимо всего прочего, роль психиатров, тоже весьма преклонного возраста.

А вот свидетельство сирийца: "Мой отец — очень прогрессивный, очень демократичный человек. Таких широких взглядов у нас мало кто придерживается. Представляете? Я при нем могу даже выпить бокал вина!" (Сириец был христианином, а не мусульманином, поэтому в принципе вино потреблял.) Заметим, что на момент разговора сыну прогрессивного отца было около сорока лет, он имел уже своих детей и в недалеком будущем мог стать дедушкой.

Да надо ли так далеко ходить, когда и на Кавказе, причем в курортной полосе, где гораздо более "продвинутые" нравы, до сих пор существует совет старейшин, к которому апеллируют как к истине в последней инстанции при решении разных спорных вопросов: от конфликтов в семье до конфликтов государственного масштаба.

Но старику для того чтобы его почитали, не обязательно входить в совет старейшин. Ему достаточно войти в комнату — все немедленно встанут и не садятся, пока не получат от вошедшего разрешение. Абхазская невестка и сегодня, в век компьютера (который она, между прочим, если есть нужда, прекрасно осваивает), в буквальном смысле слова не подает голоса в присутствии свекра. Так она выражает ему свое сугубое почтение. Когда в тех краях умирает старик, скорбь полагается выражать сильнее, чем по молодому. Вроде нелепость: один пожил, сколько положено, другой ушел преждевременно. Но абхазцы считают, что у старого человека больше заслуг, оттого и утрата его более значительна.

Сейчас нам все это кажется экзотикой, но не так давно (во всяком случае в историческом масштабе) старики и в России играли совсем не ту роль, что играют сейчас. "Во главе крестьянской семьи стоял один человек — большак. Это положение его как главы в религиозно-нравственном, хозяйственном и даже административном отношениях признавали все члены семьи, община и власти. Из таких глав каждой семьи, а, следовательно, и хозяйственного двора, состояла сходка общины. Большаком, как правило, становились по праву старшинства" (*Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., Паломник, 2000. Стр. 341*).

Хотя в семье и в более широких социальных средах главенствовал мужчина, почитали и пожилых женщин. "Каждое сложное семейство повинуется одному хозяину... а женщины, кроме хозяина, еще и хозяйке, — рассказывал в середине XIX века этнограф А. Архангельский. — Все в семействе твердо знают и опытом научены, что для счастья семейства необходимо, чтобы все повиновались одному старшему, умнейшему и опытнейшему в семействе, от которого бы зависели все хозяйственные распоряжения" (*Там же. Стр. 345*).

Собственно говоря, в последней цитате вполне определенно обозначено, какие свойства старости получали особое признание общества, что давало пожилым такой высокий статус, почему этот возраст даже назывался "почтенным". Мудрость — вот качество, особо ценимое в людях данного возраста. Качество, иному возрасту, как правило, не присущее, потому что оно приходит с жизненным опытом.

Да и на нашей детской памяти эта роль стариков была еще актуальной. Обе мы проводили много времени со своими бабушками и дедушками и хорошо помним, как к ним приходили соседи, знакомые, бывшие сослуживцы — самые разные люди более молодого возраста. Приходили именно как к старшим, чтобы получить совет в какой-то затруднительной ситуации. Другие члены семьи воспринимали это как нечто само собой разумеющееся: с кем еще советоваться как не с людьми, прожившими жизнь? И гордились тем, что к их родственнику столь многие обращаются за советом. Хотя им, учитывая тогдашние жилищные условия, это доставляло определенные неудобства. И так деваться было некуда, а тут еще чужие люди сидят.

Старики в глубине души тоже гордились оказываемым им доверием и подходили к делу очень ответственно. В каких-то особо сложных случаях они отвечали не сразу, а посоветовавшись с другими стариками.

Важно подчеркнуть, что наставническую роль давала человеку сама старость, а не профессиональные заслуги, не богатство или социальное положение. Наши бабушки, например, всю жизнь были домохозяйками. Но их мнение во многих вопросах ценилось не меньше (а то и больше!), чем мнение иных ученых с регалиями. Для того, чтобы стать "мудрецом местного значения", старику нужна была лишь открытость, лишь готовность делиться своим житейским опытом с другими.

Старость в традиционной системе координат была в каком-то смысле наградой за правильно прожитую жизнь. Почитая в юности старших, молодежь знала, что когда она доживет до седин, почтение бумерангом вернется к ней. Это помогало вытерпеть отца с крутым характером, ворчливую свекровь, и перспектива старости уже не рисовалась столь печальной, несмотря на неизбежные в этом возрасте скорби.

К концу 60-х ситуация стала вроде бы не очень заметно, а на самом деле довольно быстро меняться. Сказывалось бурное строительство городов, но главное, давали о себе знать новые тенденции. Ведь именно тогда мир начали активно переделывать под глобалистский проект. Хотя мы еще долго этого не подозревали и даже слов таких, как "глобализм", "глобализация" до последнего времени не слышали.

Дежурные по храму

Старики, переезжая в новостройки, лишались своего привычного мирка, и молодежь уже потихоньку настраивалась на новый лад. Вошло в обиход понятие "бабушки на лавочках", окрашенное

отрицательно и обозначающее праздных, вредных и злобных старух. Они от нечего делать целыми днями сидят у своих подъездов, лузгают семечки, сплетничают, смотрят, кто с кем и к кому пришел. У них досье на всех жильцов, но особенно они ненавидят молодых, шипят вслед. Брюки надела — выглядишь "как мужик", мини-юбки — "разврат"... Житья от них нет! Лучше бы занялись чем-нибудь полезным вместо того, чтобы нос совать в чужие дела.

То, что эти бабушки натрудились в своей жизни так, как последующим поколениям и не снилось, было вынесено за скобки. Главное, что они портили настроение, мешали жить.

Кстати, не кажется ли вам, что между "бабушками на лавочках" и "белыми платочками" есть нечто общее? И не только то, что и там, и тут речь идет о старых женщинах. Есть и кое-что поинтересней. Опять хорошим, безусловно положительным словам придан отрицательный смысл. И снова уменьшительно-ласкательные суффиксы, на сей раз в обоих словах, что для нормального русского языка, которым пользуются взрослые люди, нехарактерно. Такая перегрузка бывает лишь в общении с ребенком, да и та порой звучит как-то неестественно-слащаво. Что это? Цэрэушный прокол от недостаточно глубокого знания оттенков чужого языка? (Тогда ведь уже вовсю велась "холодная война", которую многие сейчас называют "третьей мировой".) Или намеренная апелляция к архетипу ребенка в расчете на то, что у молодых, еще недавно бывших детьми, он легко актуализируется?

Как бы там ни было, все это очень похоже на изоцированную манипуляцию из разряда психолингвистических. Представьте себе форму, которая бы соответствовала смыслу: бабки на лавках. Конечно, общественное сознание того еще достаточно патриархального времени мгновенно отторгло бы это как нестерпимое хамство. Даже вникать бы не стали, ведь память о Великой Отечественной войне была тогда не каким-то дремучим, а совсем еще недавним прошлым, и о старушках, соседках по подъезду, знали, что у одной погиб сын, у другой — оба сына, третья сама была на фронте и потому хромает на правую ногу... И вообще, грубость была тогда не в почете, тем более по отношению к преклонному возрасту.

Вы, наверное, недоумеваете, почему мы так детально рассматриваем какую-то частность, мелочь. Да потому что мелочь мелочи рознь. Пуля тоже мелкая, но если попадет в сердце, убьет человека. "Бабушки на лавочках", равно как и "белые платочки", это очень точный выстрел в десятку. Тихий, почти бесшумный, он разрушает нормальную систему отношений между поколениями. Из мудрых советчиков, строгих, но справедливых арбитров, учителей жизни, старики превращаются в лишний, глубоко чуждый и даже враждебный элемент, который своими нравами, наоборот, мешает жить. И его, этот мешающий элемент, надо устранить. Или, по крайней мере, вывести за скобки, нейтрализовать.

Причем те, кто нападает на стариков, не выглядят агрессорами и не воспринимаются остальной частью общества в качестве таковых, потому что "уста их коварны" и поругание облекается в ласково-уважительную форму. И, напротив, как агрессивная сторона, выступают старики, которые ворчат, шипят, осуждают. Неважно, что у них душа болит за молодых. Упор снова делается на форму, в которой педалируется ее агрессивная составляющая ("ворчат, шипят, осуждают"). Так в общественном сознании происходит переворот: агрессор и жертва меняются местами.

Какие вы счастливые! У вас бабушки на улице делают чужим детям замечания, — говорила нам в начале 80-х учившаяся здесь мексиканка.

Ничего себе счастливые! Что в этом хорошего? Ко всем лезут, суют нос не в свое дело, — возражали мы, уже зараженные духом возмущения против "бабушек на лавочках".

Вы не понимаете! Они же ругают, потому что им не все равно. Они фактически делают то, что не успевают сделать родители. Ваши старики — это добровольные, бесплатные воспитатели. Такого больше нигде нет.

Теперь и у нас нет.

Многие наверняка укажут нам на то, что далеко не все бабушки делают (вернее, делали, теперь боятся!) замечания из любви. Что, разве не бывает злых, сварливых старух? Хлебом их не корми, только дай поругаться. Но и среди молодых встречаются, прямо скажем, не ангелы. Если уж на то пошло, общество куда больше страдает от молодых, чем от стариков. Громкая ругань в публичных местах, пьянство, наркомания, грабежи, изнасилования, автокатастрофы, убийства — все это вытворяет главным образом молодежь. Но представьте, как бы отнеслись сейчас к людям, которые, ссылаясь на эти бесспорные и весьма многочисленные факты, потребовали бы заклеить молодежь позором как враждебный класс и исключить из общественной жизни. Сколько было бы воплей про человеконенавистничество, жестокость, фашизм! Выходит, с одними (старыми) можно так обращаться, а с другими (молодыми) нельзя? С этими другими, наоборот, чем они хуже себя ведут, тем больше

носятся: ищут к ним подход, уважают как личность, стараются говорить на их языке, боятся ранить, оттолкнуть, прослыть ретроградами. Если милиция применит силу к несовершеннолетним хулиганам, "зарвавшимися" назовут не хулиганов, а "ментов". Вам не кажется, что под аккомпанемент сетований об ужасающих тяготах жизни наших юных граждан они как-то незаметно превратились в новый привилегированный класс?

Старики же — опять-таки под аккомпанемент вздыханий насчет того, как их унизили и ограбили — все откровеннее списываются в утиль. За постсоветскую эпоху мы уже привыкли к существованию возрастного ценза при приеме на работу: гораздо охотнее берут пускай ничего не умеющих, но молодых, чем знающих и опытных людей за 40. мода эта пришла с Запада, который, кажется, так любит выслеживать самые разные виды дискриминации. Но в данном вопросе проявляет истинно нордическое хладнокровие. Разве что из сочувствия к старикам разрешает эвтаназию.

Церковь, как оплот вечных ценностей, вроде бы должна быть чужда этих новых веяний. Однако проникшее в церковную среду противопоставление "белых платочков" и молодежи не может не настораживать. Конечно, пока старикам еще не указывают на дверь, но наставнической роли потихоньку лишают и здесь. Уже не раз выдвигалось предложение назначать в храмах дежурных из числа верующей молодежи, которые бы помогали сориентироваться тем, кто приходит в дом Божий впервые и потому чувствует себя там неуверенно. В отличие от ворчливых "белых платочков" расторопные парни и девушки будут вести себя очень корректно, предупредительно. Ведь многие из них, успев поработать в сфере услуг, владеют технологией общения с клиентами на уровне мировых стандартов.

Вы только представьте себе, какой комфорт:ходишь, еще не успел оглянуться — к тебе подлетает очаровательное юное создание. Нет, разумеется, не в платочке, чтобы не отпугнуть, а в яркой бейсболке. Радостно улыбаясь, — ведь в Церкви все должно быть радостно! — спрашивает: "May I help you?" Сейчас ведь по внешнему виду не поймешь, кто он: наш или иностранец. И тут же переводит на русский: "Я могу быть вам чем-нибудь полезной?"

А неподалеку стоит молодой человек. Он вообще никому ничего не навязывает. Просто на груди у него большой круглый значок. Нет, разумеется, не с рекламой гербалайфа, а с аккуратным крестиком и надписью строго по теме: "Не знаешь, как вести себя в храме — спроси меня!"

Грамотно выстроенный, цивилизованный сервис будет привлекать все больше людей. Это вам не старухи, которые лезут со своими поучениями и замечаниями, когда их не спрашивают. В общем, хамят.

Таким образом, слово "хамство" окончательно утрачивает свой первоначальный смысл. Еще недавно сын не мог сказать матери, а внук деду: "Не хаами!" Даже если в семье случались ссоры и скандалы, и даже если там сроду не слыхивали о Хаме и его отце Ное, сын и внук интуитивно чувствовали, что слово "хамство" по отношению к старшим неуместно, что это абсурд. Хамить мог лишь младший старшим. Младший по возрасту, по званию, по социальному положению. Даль объясняет, что "хам" — бранное прозвище лакеев, холопов или слуг. Как он выражается, "людей низкого рода". Это они, зарвавшись, могут хамить привилегированному классу господ. Подставьте сюда мам-пап, дедушек-бабушек, которые "хамят" привилегированному в глобалистской реальности классу молодежи, и вы получите перевернутую возрастную иерархию, что вполне закономерно, ибо перевертыши — основа глобализма.

Асимметричный ответ

Конечно, пока еще негативизм по отношению к старикам не охватил все общество. Но даже в тех кругах, где не возмущаются хамством "белых платочков", которые смеют поучать молодых, отношение к старикам далеко от традиционной нормы. В лучшем случае это жалость. Дескать, бедные-несчастные пенсионеры, никому-то они не нужны, совсем выброшены из современной жизни. Ребенок гораздо чаще слышит о бабушке: "Оставь ее в покое, она устала", чем: "Посоветуйся с бабушкой, ей виднее". Если дед — академик или народный артист, то внук, может, еще что-то и узнает о его былых заслугах. "Обыкновенный" же дедушка воспринимается в основном как источник подарков, а также носильщик рюкзака, сопровождающий юный талант в студию раннего развития личности.

Отнимая у стариков право на общественно востребованную мудрость, глобалистская идеология бесповоротно разрушает смысловой стержень этого возраста. Конечно, старение практически всегда сопряжено с болезнями, с физической немощью, ослаблением зрения, слуха, подвижности, памяти. И это во все времена вызывало жалость. Но одно дело жалеть человека, относясь к нему снизу вверх, когда на первом плане — почтение, а иногда и благоговейный трепет. Тут даже скорее не жалость, а

осторожное, бережное внимание. И совсем другое дело, как сегодня, жалость к старикам сверху вниз, с высоты своего здоровья, молодости, красоты и всезнайства. В сущности, это мало чем отличается от жалости к стареющей кошке или собаке. От них уже не ждут ни ловли мышей, ни охраны дома, а просто дают, чтобы скрасить угасание, кусочек колбаски и накрывают на ночь теплой тряпочкой.

И старики в последнее время как-то оуклились, закапсулировались. Они не только перестали поучать, но даже не рвутся вспоминать прошлое, фактически отказавшись от одной из самых характерных и драгоценных особенностей своего возраста.

Однако логика глобализма с его культом ratio и прагматики не позволит долго топтаться на месте, потому что места для бесполезных особей в финальной стадии глобального проекта не предусмотрено. Эвтаназия смертельно больных — лишь начало финишной прямой. Ведь если рассудить логически, мучительно не только тяжелая болезнь. Разве влачить жалкое существование не мучительно? И разве не гуманнее покончить с лицемерной жалостью, одним махом освободив стариков от бремени бессмысленной жизни, а еще дееспособных членов общества — от неприятных впечатлений? Старость — не радость, и лицемереть ее тоже, между прочим, не особенно радостно. Для нормального же функционирования необходимо получать как можно больше положительных эмоций и как можно меньше отрицательных. А то насмотришься на морщинистые лица, выпавшие зубы да согбенные спины и такая депрессия нахлынет, что и сам жить не захочешь.

Кульм молодости, красоты и силы, царящий в глобализованном пространстве, плохо совмещается с сантиментами. Надо быть жестким, собранным, а не разнюниваться. А где жесткость, там совсем рядом, на расстоянии всего лишь одной буквы, — жестокость. Тем паче, что молодежь нынче через специфическую субкультуру усиленно информируют о всяких малоприятных физиологических подробностях, связанных со старением. Подробностях, которые, естественно, вызывают у эгоистичных, грубых натур брезгливое отторжение.

Вы заметили, что раньше молодой человек, не желавший уступить место старому, хотя бы опускал глаза, утыкаясь в газету, или закрывал их, делая вид, что спит? Теперь спокойно смотрит в упор "холодными голубыми глазами пулеметчика", как выражался Хэмингуэй. А в подростково-молодежной прессе уже инструктируют, как этим "пенсам" (пенсионерам), смеющим посягать на ваше законное место, давать отпор. Причем не тупо с ними собачиться, а поставить их на место весело, с истинно молодежным задором. Об одном таком "приколе" нам недавно рассказала женщина, ставшая его свидетельницей. В автобус вошла старушка и попросила юношу уступить ей место. В ответ он прикинулся иностранцем и стал, гримасничая, изображать, что не понимает по-русски (в журналах предлагают и такую "модель поведения"). Хотя за минуту до этого он очень бойко болтал со своими приятелями. Старушке уступила место сидевшая рядом с парнем пассажирка, тоже не первой молодости, а другие пассажиры умеренно повозмущались. Видимо, парня это задело, потому что, выйдя со старушкой на одной и той же остановке, он в отместку снял штаны и показал ей голую задницу под одобрительный гогот своих товарищей.

Неужели все пропало? Неужели на этот сатанинский вызов "Русь не дает ответа"? К счастью, дает. Исходит он, как и должно быть в борьбе с сатанизмом, от христиан. Но поскольку ответ — используем популярное нынче в политологии слово — асимметричен, он не сразу опознается как таковой. Будь он симметричным, "белым платочкам" оказывали бы у нас в храмах почет и уважение. В православных же семьях внуки не дерзили бы бабушке и дедушке, а набирались бы у них разнообразной жизненной премудрости. Но такой идиллии пока не наблюдается. Слишком мало времени прошло после семи директивно-безбожных десятилетий.

Зато наблюдается нечто неожиданное. Вдруг по всей России появились старцы, к которым народ буквально валом повалил. И хотя этих старцев немало, нуждающихся в них несравненно больше. Люди готовы сутками ждать возможности хотя бы передать записку с вопросом, не говоря уж о трехминутном свидании. Причем вопросы самые разные, вплоть до хозяйственно-бытовых, с которыми прежде обращались не к духоносным старцам, а к обыкновенным старикам — своим или соседским.

...Вспоминается такая картина. Монастырь в русской глубинке, поздняя осень, дождь. Седовласый монах, до этого много лет живший на Афоне, идет по двору. Его осаждают людская толпа. Келейник пытается поскорее увести старца в тепло, потому что он недавно болел, а сейчас промочил ноги. Но тот останавливается возле женщины, опирающейся на костыль и, стоя прямо в луже, выслушивает ее горестные жалобы по поводу заболевшей козы. Келейник уже откровенно выказывает недовольствие. Толпа тоже недовольна, что старца отвлекают по пустякам. А он все слушает и слушает, а она все жалуется и просит совета. Наконец вопрос лечения козы разрешен, и старец поднимается на крыльцо. Разгневанная толпа, видя, что он через мгновение исчезнет, готова наброситься с упреками на

владелицу болящего животного: дескать, из-за тебя никто не успел подойти.

Но старец оборачивается и говорит: "Не сердчайте. Для нее коза — это все: и кормилица, и дитя малое. А посоветоваться не с кем. Кончились советчики. Один телевизор остался. Но он про козу не разумеет".

Конечно, может, и правы те, кто утверждает, что подлинное старчество — это редчайший дар, столь же редкий, как дар поэтический. Мы об этом судить не беремся. Господь рассудит, кто подлинный, а кто не подлинный старец.

Но даже если все правда, как правда и то, что в народном поклонении старцам много магизма, попытки развенчать это, на наш взгляд, опрометчивы. По крайней мере, в сегодняшнем историческом контексте. Ведь традиционная роль старости под натиском глобализма сокрушена. И старцы сейчас борются — помните песню? — "за себя и за того парня" (в нашем контексте — деда). В человеческом организме тоже, если какой-то орган поражен, включаются компенсаторные механизмы и другой орган может частично взять на себя функцию вышедшего из строя. (Так, у слепого обостряется осязание, он как бы видит руками.)

Стоит ли добивать тяжело больной социальный организм, нападая на "белые платочки" и высмеивая тягу народа к старцам? Может, лучше попробовать восстановить разрушенные функции? В данном случае — вернуть старость на ее законное место. Тогда, глядишь, про козу будут спрашивать у "простых" стариков, а у старца, как и положено, про спасение души.

Глава X ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Безрадостное воцерковление

Сколько бы ни твердили либеральные СМИ про "жалкую кучку православных маргиналов", даже невооруженным глазом можно увидеть, что в наших храмах народу заметно прибавилось. По воскресеньям в больших церквях и то порой бывает тесно, а в небольшие просто невозможно войти. И это, конечно, радует, хотя и создает личные неудобства. Но вместе с тем новая ситуация породила новые нешуточные проблемы. Об одной из них мы решили написать.

Когда дружно воцерковляется вся семья, включая бабушек и дедушек, эта проблема так остро не стоит. Но обычно бывает иначе. Обычно к Богу и соответственно в церковь приходит сначала какой-то один член семьи. Чаще женщина. То ли она от природы чувствительней, то ли сердце ее размягчено любовью к детям, а потому больше готово воспринять христианскую проповедь любви, то ли она острее переживает всякие семейные беды и больше нуждается в поддержке... Гадать не будем, но факт остается фактом: первой сейчас чаще воцерковляется мать семейства.

И тут начинаются осложнения. Постепенно обнаруживается, что православному человеку мало просто ходить в храм, ставить свечки, писать записки и даже регулярно участвовать в церковных таинствах. Он должен менять свою жизнь. И чем глубже человек проникает в суть православия, тем яснее ему становится, что изменения должны быть кардинальными, ибо современная жизнь — вся целиком! — построена на неправославных, а зачастую и антиправославных основаниях. Поэтому новообращенная женщина пытается свой образ жизни поменять. Но поскольку живет она не сама по себе, такие перемены не могут не затронуть членов ее семьи. В результате возникают конфликты, ведь ее родные считают, наоборот, что, нельзя жить иначе.

Муж, например, считает, что нужно ежедневно есть мясо. Какие могут быть посты у человека, ежедневно ходящего на работу?! А дети — те от постов просто загнутся. Это ж растущие организмы! Как они развиваться будут без животного белка? Ну, тут, предположим, можно возразить, что пост — дело индивидуальное, вопрос личного благочестия. Она вольна отказаться от скоромного, а муж с детьми пускай едят гуляш и котлеты. Дескать, мир в семье важнее. Но вот супружеские отношения предполагают уже участие двух сторон. И если вторая сторона категорически не желает воздерживаться — а современная культура прямо-таки нашпигована страшилками о вреде воздержания, — то между мужем и женой вспыхивают ссоры, грозящие разводом.

Дети тоже недовольны и вообще подозревают, что у мамышки поехала крыша. Восьмилетнему сыну она теперь не дает бить компьютерных монстров, смотреть фильмы с Джеки Чаном, читать "Гарри Поттера" и даже — ну, это полный маразм! — играть в динозавров, киборгов и покемонов. Дочь-студентка имеет свои претензии. То мать "доставала" ее недовольством по поводу ночных клубов и отношений с парнями. Теперь, казалось бы, радоваться должна, что дочка остепенилась, живет в

пробном браке... Так нет, опять плохо! Постоянный партнер — это, видите ли, тоже грех...

А бабушка с дедушкой переживают не только за внуков. Старшая внучка хотя бы живет с бой-френдом отдельно. А они, сосуществуя с дочерью под одной крышей, вынуждены терпеть все ее выкрутасы. Особенно по вечерам, когда хочется спокойно посмотреть телевизор. Столько интересного сейчас! Не успеваешь переключать с одной программы на другую... Ах, ребенку, видите ли, вредно смотреть современные передачи! А расти, как в джунглях, не зная реальности, не вредно, да? Раз печешься о здоровье ребенка, то не в церковь его по воскресеньям таскай, а все выходные проводи на даче. Работы там всегда невпроворот. А для здоровья-то как полезно!

Женщина терпит, молится, исповедуется. Батюшка говорит: "не обострять". Но ведь не всегда это возможно. Разные бывают ситуации... Скажем, любая попытка ограничить компьютерные игры кончается бурным скандалом. Сын, истерически рыдая, бежит к бабушке с дедушкой. Те при ребенке кричат, что она не мать и крутят пальцем у виска. А муж, который никогда особо не жаловал тестя с тещей, теперь в таких конфликтах всегда на их стороне.

Ну, а уж если она приходит с литургии, да еще причастившись, то домашние будто с цепи срываются. Причем это совершенно не зависит от того, как она себя ведет. В воздухе плотным облаком повисает раздражение, и как ни реагируй, обязательно разразится гроза. Молчишь — ты стала равнодушной к своим домашним. Отвечаешь — всегда "не тем" тоном. Пытаешься что-то рассказать — "несешь какую-то чушь". Спросила о чем-то — "чего лезешь?" А осмелишься пошутить или улыбнуться — это вовсе "издевательство".

Вскоре ей начинает казаться, что вся семья ее ненавидит. И евангельские слова "враги человека домашние его" (*Мф. 10,36*) становятся пугающе реальными.

И вот однажды вечером, когда дом засыпает, наша героиня достает из сумочки православную газету, купленную в церковной лавке, и обнаруживает статью "На приеме у психолога". А ей к тому времени (не потому, что отец с матерью в сердцах посоветовали, а действительно) впору обратиться к психологу. Она жадно вчитывается. Еще бы! Ведь пишет-то не просто специалист, а православный! Именно то, что ей так необходимо...

В статье приводится случай, чем-то похожий на ее собственный. Была красивой женщиной, следила за собой, хорошо одевалась. Семья была дружная: хороший муж, сделавший неплохую карьеру, послушные дети. И вот сейчас вся семья разваливается.

"Так и у меня, — вспомнила наша героиня, — была хорошая семья. Вечером все собирались за столом, что-то друг другу рассказывали, потом смотрели телевизор (чтобы не ссориться, их в доме было целых три). В субботу отсыпались, ездили на оптовку за продуктами, вечером еще успевали прибраться, постирать. В воскресенье, конечно, тоже спали вволю, потом шли с ребятами в парк, в лес, кино, иногда в театр, а то и на какую-то интересную выставку в музей. А с мужем любили вдвоем закатиться к друзьям, случалось, и до утра.

Конечно, всякое бывало — обиды, ссоры. Доходило даже до слез. Но мир восстанавливался как-то удивительно быстро. А после примирения все шло так, как будто никогда и не ссорились. А сейчас... сейчас между ней и ее близкими стеной встала **непримиримость**".

Она жадно поглощала печатный текст. Но дальше возникал какой-то окарикатуренный образ, с которым уже было трудно полностью отождествиться. В статье внушалось, что, придя к вере, многие женщины опускаются, даже причесываться перестают, ходят в невзрачных балахонах, прекращают вкусно готовить и буквально силой заставляют близких поститься.

Наша героиня вроде бы такой не стала, хотя, конечно, одевалась теперь скромнее. Готовила она по-прежнему вкусно, только это не занимало такого, как раньше, места в ее сердце.

Сказать, что она, увлекшись церковной жизнью, перестала выполнять обязанности жены и матери, хозяйки — нет, этого сказать было нельзя. И поститься она силой никого не заставляла. А позиционная война, о которой говорилось в статье, разгорелась в полной мере.

До сих пор наша героиня думала, что это искушения, неизбежно возникающие, когда человек приходит к вере. Об этом ей говорили и батюшка, и женщины, с которыми она познакомилась в храме. И в какой-то книге она прочитала, что пока человек живет, как живет, не задумываясь о Боге и греховности своей жизни, бесы его не трогают. Зачем? Он и так их "кадр". А вот если он пытается спастись, тут они ополчаются и хотят уязвить побольнее, всячески стараются увести его с тесной тропы спасения. А как легче всего уязвить семейного человека? Естественно, через семью.

Но из статьи выходило, что тяжелая атмосфера, возникшая в доме, является результатом ее неправильного воцерковления. Это она стала искушением для своих близких, которые поначалу относились к Церкви нейтрально, а теперь из-за нее стали ненавидеть все, что связано с православием.

"А должно быть иначе, — говорилось в статье. — Мамочка воцерковляется — и всем в доме становится лучше: обеды вкуснее, дома чище, ругани меньше, радости больше". И еще напоминалось, что радоваться призывали Христовы ученики — апостолы.

Статья повергла женщину в горестное недоумение. "Чему же я должна радоваться? — в растерянности думала новоначальная христианка. — Нет, конечно, я понимаю, что не надо скандалить. Но я же и не скандалю. Но радоваться... Муж засыпает с включенным телевизором под звуки выстрелов и сексуальные стоны. Этому радоваться? Или тому, что дочь живет с любовником и травится контрацептивами? И что за радость видеть, как сын, подражая папе, грубит и уже не мыслит жизни без телевизора и компьютера, книги не берет в руки, по воскресеньям находит массу отговорок, чтобы не пойти в храм? А папа, еле переживший второй инфаркт, слышать не хочет об исповеди и только лихорадочно ищет какие-то новые способы оздоровления, даже к экстрасенсам готов обратиться. Разве можно с философским спокойствием смотреть, как самые любимые, самые близкие для тебя люди гибнут, да еще радоваться? Но ведь это пишет авторитетный православный психолог. Он же не может писать ерунду. Значит, я просто плохая христианка... В чем же здесь дело?"

Зададимся этим вопросом и мы — в чем здесь дело? Ведь апостолы и вправду призывали: "Всегда радуйтесь" (1 Фес. 5, 16). И Сам Господь Иисус Христос учил: "... когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры" (Мф. 6, 16).

Критика чистой радости

Давайте подумаем вот о чем. Если христиане призваны исключительно к радости, то почему Христос плакал о Иерусалиме (Лк. 19, 41)? Почему предрекал такие печальные, такие страшные события? "Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами: и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне (Лк. 19, 43–44).

Причем сказано это было в момент радостного ликования, после того как Спасителя, въехавшего в Иерусалим, толпа встретила криками "Осанна!" И вот не побоялся испортить людям настроение, не побоялся, что Его упрекнут — не знаем, как это звучало по-древнееврейски — в "пессимизме" и "алармизме".

Да и грозные слова из Евангелия от Матфея рисуют нам картину, далекую от радостного семейного консенсуса. "Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, тот недостоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее" (Мф. 10, 34–37).

Так что, может, завет апостола Павла "всегда радуйтесь" (7 Фес. 5, 16) — это о какой-то другой радости? Не о той, когда чуждые по духу родственники сообща смакуют вкусный обед?

"Если любить ближнего для себя, надо желать исполнения хотений своей плотской воли, — писала известная подвижница второй половины XIX века игуменья Арсения. — Если любить его ради самого, надо исполнять его волю, его желания. А если любить ближнего ради Господа, то надо стремиться и в отношении его исполнять волю Божию и ходить непорочно в оправданиях Его. Будем любить ближнего ради Господа" (Игуменья Арсения. М., Издательство Сретенского монастыря, 2004. Стр. 326).

Фактически нынешние идеологи не омрачаемой конфликтами радости призывают ко второму виду любви (любить ближнего ради его самого). Но преподносится это как истинное христианство. А третий вариант (любить ближних ради Господа) выдают за первый и называют ханжеством, неофитством и эгоизмом. Дескать, с какой стати вы портите родственникам настроение? Почему они должны плясать под вашу дудку? У них свой путь, свой выбор (иногда еще говорят "свои отношения с Богом"). А вы ведете себя эгоистично.

Хотя из эгоистических соображений воцерковившейся женщине куда проще не ссориться с невоцерковленными родственниками, не трепать себе нервы. А если просить **для себя**, то чего-то совсем другого. У мужа, к примеру, новую шубку или, на худой конец, кофе в постель.

Проявлением эгоизма была бы как раз безмятежность в то время, когда самые близкие тебе люди упорствуют в погибельных страстях. Вряд ли даже самый либеральный врач призвал бы мать к радостному потаканию сыну, который, заболев панкреатитом, не хочет соблюдать диету и пить лекарства, а требует любимых чипсов, жареной картошки и копченой колбасы. Так уместно относиться к

старой больной собаке. Все равно ей помирать пора. Пусть напоследок полакомится, чем хочет. Даже если это для нее отравка. Но, когда речь идет о духовной гибели, почему-то раздаются призывы к миру любой ценой и терапии радостью. А ведь душа в отличие от тела бессмертна, и ее гибель может длиться вечно...

Твой ребенок, твой муж или твой отец сделали свой "свободный выбор". Они, вопреки призыву пророка Исайи "выбери жизнь", выбрали духовную смерть. А ты не смей их отговаривать и только радуйся, что сама обрела Бога. Глядишь — и они захотят приобщиться. Ну, а если нет — на все воля Божия. Кто ты такая, чтобы вмешиваться в Божественный Промысл? Молчи, не суйся. Поменьше обращай внимание на то, кто что делает, кто что ест. Занимайся лучше собой.

Получается, надо подражать Каину? Нет, не во всем, конечно. Но ведь первый в мире человекоубийца был и первым поборником "свободного выбора". "Разве я сторож брату моему?" — ответил он Господу на вопрос "где брат твой Авель". Это, мол, его личное дело, его право. Я в его жизнь не суюсь.

Ну, положим, Каин изображал равнодушие к судьбе брата, чтобы отвести от себя подозрения. В этом была пускай недальновидная (ведь Бог всеведущ), но логика. Только нам-то, зачем эту логику перенимать? Неужели неясно, что в условиях, когда мировое зло вышло на авансцену и навязывает человечеству свои правила, позиция "молчи, не суйся" все больше загоняет христиан в угол? Тем, кто в этом сомневается, полезно посмотреть на более "авангардную" Европу. Наверное, есть особый промысл Божий в том, что Европа уже являет некоторые итоги такого радостного невмешательства.

Началось с запрещения исполнять в государственных школах рождественские гимны и песни (это же оскорбляет чувства нехристиан!). Очень скоро запрет коснулся и молчаливого напоминания о Христе: послышались требования убрать христианскую символику даже — несмотря на коммерческий интерес — с витрин, где обычно чуть ли не за полтора месяца ставился рождественский вертеп и зажигалась Вифлеемская звезда. А теперь и само Рождество собираются переименовать в Праздник подарков Санта-Клауса.

Сторонники "радости во что бы то ни стало", наверное, и тут порекомендуют не омрачаться, не ломать копья, а вспомнить, что это в конце концов пустые формальности. Главное — нравственное самосовершенствование. Но вот какую интересную подробность сообщает нам большой знаток истории масонства Борис Башилов: "Масоны английской системы верили и проповедовали сами, что стоит каждому заняться совершенствованием своей личности, как на земле возникнет земной рай" (*Башилов Б. История масонства. М., Лепта-пресс, 2004. Стр. 347*).

Вот, оказывается, где истоки толстовства, его, как нас учили в школе, оригинальной теории непротивления злу насилем. Теории, которая, по сути, и лежит в основе радостной толерантности, усиленно насаждаемой сегодня в православной среде.

Когда осмысливаешь это, становится особенно ясно, какое лукавство проявляют одни и недопонимание — другие, цитируя именно в непротивленческом контексте поучение преподобного Серафима Саровского "стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся".

Да, конечно, человек должен прежде всего видеть свои грехи и одолевать свои страсти. Но обычный человек не монах, отрекшийся от мира, чтобы в уединении молиться за весь мир. У каждого из нас есть обязанности: родственные, профессиональные, общественные. От их правильного выполнения во многом и зависит наше личное спасение. Не надо забывать, что православная личность — это личность соборная, а не атомизированная, отделенная от ближних.

Как может спастись мать, которая не противится тому, что ее ребенок играет в компьютерные игры, разжигая злость и наполняя фантазию демоническими образами? Или хамит, копируя уголовников, или дружит с ребятами, которые в 15 лет уже переболели венерическими заболеваниями?

"Чем ты в конце концов оправдаешься? Не предоставил ли Я, сказано будет тебе (Богом), дитяти жить с тобой с самого начала? Я поставил тебя над ним (дитятей) в качестве учителя, наставника, опекуна и начальника — всю власть над ним не отдал ли Я в твои руки? Не повелел ли Я его, такого нежного, обрабатывать и упорядочивать? Какое же ты получишь оправдание, если с беспечностью смотрел на его прыжки? Что ты скажешь? Что он разнуздан и неукротим? Но тебе нужно было глядеть на все это сначала — обуздывать его, когда он был молод и доступен узде; тщательно его приучать, направлять к должному, укрощать его душевные порывы, когда он был восприимчивее к воздействию; сорную траву тогда нужно было исторгать, когда возраст был нежнее и исторгнуть можно было легче, — вот тогда бы оставленные без внимания страсти не усилились и не сделались неисправимыми", — говорит святитель Иоанн Златоуст (*Как воспитать ребенка православным. М., Дарь, 2005. Стр. 68*).

И добавляет: "Как никто не может рассчитывать на оправдание и снисхождение в собственных

грехах, так нет оправдания родителям в грехах детей" (*Там же. Стр. 69*).

Да и учительница, радеющая о личном спасении, но с истинно буддийской радостью вззирающая на школьниц, которые приходят в класс с голыми пупами и читают журналы для малолетних проституток, напрасно тешит себя мыслью, что поступает в соответствии с заветом преподобного Серафима.

А люди, уверяющие в нынешней критической ситуации, когда само существование России может быть поставлено под угрозу, что православным не следует интересоваться политикой, что скажут на Страшном суде предкам, положившим живот за Отечество, и потомкам, у которых с распадом страны будет отнято Богом данное пространство спасения? Что они хотели держаться подалеже от "всей этой грязи", которая омрачала их радость?

Радовался ли преподобный Никон Оптинский, когда в 1926 году наблюдал расцерковление народа. Он даже среди своих родных, в своей семье был печален. Вот что он пишет в своем письме: "Чувствую себя как-то грустно. Никогда я не чувствовал себя таким чужим в своей семье, как этот раз... нет отклика моему настроению в окружающих. Мне кажется, я еще никогда не слышал и не участвовал в таких разговорах, какие я слышу. Костюмы женщин и дома, и в церквах, и на улице — возмутительны. У детей совсем не детские разговоры. Родные по плоти — чужды по духу" (*Оптинский календарь. 2005 года, М., Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2004. Стр. 244*).

А вот современное свидетельство из книги о. Алексия (Мороза) "Верой и молитвой". Повествуя о священнике Василии Лесняке, занимавшемся экзорцизмом, автор приводит такие его слова: "Были моменты, когда хотелось бросить все. Хотелось спокойно служить литургию, наслаждаться молитвенным общением с Богом, общаться с нормальными людьми — забыть мерзких бесов и прямую войну с ними. Но приходили несчастные, лили слезы и просили о помощи их матери, родственники, друзья, и не выдерживало сердце горя людского, и снова начиналась отчитка" (*Мороз А., свящ. Верой и молитвой. СПб., Нева, М., Олма-пресс, 2003. Стр. 121*).

То есть даже литургическая радость не может в совестливом сердце заглушить печали о погибающих душах! Печали и стремления помочь им спастись. "Скорбь — одно из наиболее частых проявлений любви", — отмечал святитель Николай Сербский. А модная нынче бесконфликтность или, как еще говорят, "позитивное мышление" — это лукавая уловка, которая фактически табуирует критику утверждаемого порядка вещей и в итоге делает сердца слепыми и глухими, лишает их, по выражению И. Ильина, "совестной впечатлительности".

Любовь духовная и душевная

Мы нарисовали портрет женщины страдающей при воцерковлении. Такие женщины нам попадаются очень часто, и обстоятельства их жизни мы знаем достаточно глубоко.

Они обычно бывают совсем не вздорными, покладистыми, милыми, интеллигентными. Им присуще повышенное чувство ответственности, совестливость и альтруизм. Чего у них нет — и в этом состоит их проблема — так это твердости характера, умения дать в каких-то случаях решительный отпор. Они теряются от грубости и хамского напора. Поэтому им легко сесть на шею, что нередко и делают их ближние, в данном случае в семье. Такие женщины — вовсе не командиры. Наоборот, ими командуют все, кому не лень. В том числе, к сожалению, и дети. Конечно, описанная нами героиня должна пещься о спасении своей души. Об этом нам постоянно напоминают Библия, святые отцы, молитвы, батюшки в проповедях. Но спасением своей души дело не ограничивается. "...Прошу и умоляю иметь великое попечение о своих детях и постоянно заботиться о спасении души их", — призывал святитель Иоанн Златоуст (*Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., СПб. Духовная академия, 1898. Т. 3, кн. 1*).

Но не только дети должны входить в круг нашей заботы. Вот что говорит далее святитель Иоанн Златоуст: "Мы дадим страшный ответ и в том, что теперь кажется маловажным, ибо Судия с одинаковой строгостью требует от нас попечения о спасении и нашем, и наших ближних. Посему Павел везде убеждает: "Никто не ищи своего, но каждый пользы другого" (*1 Кор. 10, 24*); поэтому он и коринфян сильно порицает за то, что они не попеклись и не позаботились о впадшем в прелюбодеяние, но оставили без внимания опасную рану его (*см.: 1 Кор. 5, 1–2*) и в Послании к Галатам говорит: "Братия! Если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового" (*Гал. 6, 1*). А еще прежде их он убеждает к тому же самому и фессалоникийцев, говоря: "Увещевайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете" (*1 Фес. 5, 11*)..." (*Там же. Т.1, кн.1*).

Ну, а теперь вернемся к семье описанной нами женщины и спросим себя: в чем должна

проявляться христианская любовь по отношению к ним? Если печься о спасении их душ и считать это попечение главной стратегической целью, то необходимо добиться выполнения двух тактических задач: они должны раскаяться в грехах и не предаваться больше им.

В жизни, правда, человек, поработанный грехом, далеко не всегда хочет (и может) от него освободиться. Поэтому ему необходимо помочь, создать условия. Конечно это очень трудно сделать, но бороться за душу человека, одержимого страстями, это истинно христианский подвиг.

"Не смейте говорить о грехах и пороках! — поспешат одернуть нас специалисты по христианской любви. Потом процитируют что-нибудь из святых отцов на тему "займись лучше своей душой вместо осуждения ближнего".

А мы здесь вновь процитируем святителя Иоанна Златоуста: "Дабы кто-нибудь не сказал: "Что мне заботиться о других? Погибающий пусть погибает, а спасающийся пусть спасается. Это несколько меня не касается, мне повелено смотреть за собой", — [апостол] Павел, желая истребить такую зверскую и бесчеловечную мысль, противопоставил ей такие законы, повелевая оставлять без внимания многое из своего, чтобы устраивать дела ближних, и требует во всем такой строгости жизни. Так и в Послании к Римлянам он заповедует иметь великое попечение об этом долге, поставляя сильных как бы отцами для немощных и убеждая их заботиться об их спасении (см.: Рим. 15, 1). Но здесь он говорит это в виде увещания и совета, а в другом месте потрясает души слушающих с великой силой, когда говорит, что **нерадящие о спасении братьев грешат против самого Христа и разрушают здание Божие** (см.: 1 Кор. 8, 12)".

Но ведь этак ваша женщина будет давить на своих ближних — воскликнут сторонники толерантности. А она должна жить по-христиански, то есть любить всех, терпеть и смиряться.

Казалось бы, все правильно. Но их ошибка в неразличении духовной христианской любви и любви душевной, которая нередко (особенно когда имеешь дело с человеческими страстями и пороками) оборачивается грехом человекоугодия.

Об этом прекрасно сказал И. Ильин: "Душевная любовь ослабляет дух, она неопределенна и беспредметна. Она враждебна волевым порывам. Она тяготеет к всепримиряющему и всеприемлемому нейтралитету. Это бесцельная любовь. Она не несет в себе ни духовного задания, ни духовной ответственности. Это самоценное наслаждение. Кто не позволяет ничему внешнему вывести себя из этого состояния, тот объявляется правым. Такая любовь не сближает любящего с другими людьми, ибо самодовольна и безразлична к их судьбе. "Главное, чтобы я любил, а остальное не в моей власти"" (Ильин И. *О сопротивлении злу силою*// *Новый век*. 2006. № 3(35)).

Конечно, в жизни бывают сложные ситуации. А главное, сложные чувства, когда нелегко отделить душевную любовь от духовной, эгоистическую от жертвенной. Порой даже в довольно простых случаях возникает путаница. Приведем весьма характерный пример. Подобные истории слышишь в православной среде нередко. Муж был хроническим алкоголиком, регулярно приходил (а то и приползал) домой, по модному нынче выражению, "никакой". Но жена ему ни разу ничего не сказала, а лишь кротко укладывала в постель. И наутро тоже не заводила с ним разговоров о его пьянстве и уж тем более не упрекала. Все терпела — ведь любовь долготерпит, плакала втихомолку, молилась... И Бог услышал ее молитвы! Муж довольно скоро умер от цирроза печени.

— Вот это вера! Вот это смирение! — заключила одна из рассказчиц. — Я лично своего бросила, не выдержала. Жить с алкашом никому не пожелаешь — это сущий ад. А она... Ни одного слова упрека! Вот что значит христианская любовь!

И сердце уже готово отозваться согласием на такую оценку. Но если подумать, подключить к сердцу ум, то станет не очень понятно, чем тут восхищаться. Муж жил, как свинья, и умер без покаяния. А жена его своей якобы христианской любовью в этом свинстве укрепляла. Алкоголики ведь часто не считают себя алкоголиками. Дескать, если захочу — брошу. Но пока не хочу. Я ведь не просто так пью, а с горя, я — человек чувствительный. Или с друзьями, за компанию. И потом, кому это мешает? Жена мне никогда слова не сказала...

А у нашей героини разве ближние духовно не погибают? Муж от порнофильмов, дочь от блуда, ребенок от дьявольских компьютерных игр, а все вместе, включая бабушку с дедушкой от неверия, от безбожности.

"Любовь к ближнему есть любовь к его духу и духовности, а не жалость к его страдающей животности, — писал И. Ильин. — Любовь унизительна, если ее воля не направлена к духовному совершенству любимого".

Любовь наоборот

Сегодня народу вернули право верить в Бога. Теперь все, даже далекие от Церкви люди знают, что Бог есть Любовь и что надо любить друг друга. А свидетельств оскудения в мире любви предостаточно: миллионы аборт, социальное сиротство, семейные конфликты, разводы, рост числа убийств, самоубийств, похищение детей, терроризм.

Теперь сплошь и рядом говорят "в тебе нет любви". Причем не только выясняя личные отношения, но и когда хотят заткнуть рот противнику в споре. Это что-то вроде словесного кляпа. Аргументы по существу вопроса можно даже не подбирать. Главное, первому заявить об отсутствии любви, и дело в шляпе. Твой оппонент вынужден замолчать. А что ему, бедолаге, остается делать? Доказывать, что любовь у него есть? Но, во-первых, не очень-то принято рекламировать свои добродетели даже в тех случаях, когда в них кто-то сомневается. И, во-вторых, это не доказуемо: на каких весах взвесить, какой линейкой измерить любовь?

Например, попробуй заикнись перед толерантными либералами о смертной казни для наркодельцов и о принудительном лечении для наркоманов. Ты жесток и немилосерден. У тебя репрессивное мышление. О наркодельцах вообще стараются не упоминать: дескать, все равно с ними ничего не поделаешь, что понапрасну сотрясать воздух? А о наркоманах, если не хочешь, чтобы тебя обвинили в нехватке любви, нужно говорить исключительно как о страдающих личностях. Страдания же их родителей, умирающих раньше времени от горя, жен и малых детей, живущих в аду, прохожих, ограбленных и покалеченных ради дозы, любвеобильных гуманистов несколько не трогает.

А еще они заботятся о том, чтобы не страдали блудники и извращенцы. Разве позволительно ущемлять их право на свободу информации и культурный досуг? Невозможно забыть, как пекся о "бедных старичках" режиссер С. Говорухин, когда в конце 90-х, в бытность свою депутатом Государственной Думы, продвигал закон, который (будь он принят) фактически легализовал бы порнографию в нашей стране. Среди православных этот закон так и назывался — "говорухинский". Попечение депутата о "старичках", правда, выглядело довольно экзотично. "Противники нашего закона совершенно не думают о пенсионерах! — патетически восклицал депутат. — Старики ведь немощны, сами уже не могут. Так пусть хоть по телевизору посмотрят про это, сходят в магазин интимных товаров, молодость вспомнят, взбодрятся..." (Цитируем по памяти, поэтому за словесную точность не ручаемся, но смысл высказывания был именно такой).

Как вы догадываетесь, обобранные и униженные пенсионеры в таком "милосердии" нуждались меньше всего. Закон нужен был порнодельцам и людям с признаками сексопатологии. Но подавалось все под соусом гуманизма и заботы о социально незащищенных.

Любовь к развратникам и маньякам уже привела к тому, что дети в крупных городах лишились возможности нормально развиваться и взрослеть. Всего двадцать лет назад они, начиная с пяти лет, самостоятельно гуляли во дворе. А чуть попозже сами ездили (конечно, недалеко) в кружки или в музыкальную школу. Теперь об этом не может быть и речи. Во двор если и выпускают, то гораздо позже, лет в девять-десять. В "самостоятельное же плавание" — и вовсе в подростковом возрасте.

В результате упускаются так называемые "сензитивные" (оптимальные) периоды для выработки навыков самостоятельности, ответственного поведения, умения дружить, играть в команде, спокойно проигрывать, не выпячивать себя и т. п. Короче говоря, у многих детей вовремя не вырабатываются качества, совершенно необходимые для нормального взросления, то есть возникает задержка психического развития.

А развитие физическое? То, что сейчас лишь частично и не всем удастся компенсировать спортивной секцией, еще недавно ребенок получал безо всяких материальных затрат во дворе. В буквальном смысле слова играючи. Салки, прятки, вышибалы, классики, прыгалки, походя развивали ловкость, быстроту бега, скорость реакции, прыгучесть.

Но вместо того, чтобы запретить пропаганду разврата и насилия (каковая, разумеется, ведет к умножению числа маньяков), а также усилить охрану общественного порядка, либералы кричат, что это возвращение к полицейскому государству. И предлагают — в целях безопасности — детей до двенадцати лет никуда не выпускать без сопровождения взрослых, инструктировать их в каждом постороннем человеке подозревать потенциального насильника и потому никогда, ни при каких обстоятельствах не вступать с ним в контакт. А некоторые даже поговаривают, что хорошо бы детям давать с собой оружие! К примеру, газовые баллончики и пистолеты. (Пока, правда, законодательство до четырнадцати лет этого не позволяет. Но законы меняются. Было бы желание...)

Мы много раз спрашивали тех, кто рассуждает о любви с позиций либерального гуманизма:

почему они так избирательны в своих чувствах? Почему им жалко строго наказать педофила и не жалко детей, ставших его жертвой? Не жаль убитых горем родителей? И не получали внятного ответа. Даже наоборот. Стоило заговорить о страданиях родителей, как те моментально делались объектом нападок: дескать, любовь у них недостаточная, от этого все беды.

Ловко устроились растлители всех мастей! Пробыли законы, позволяющие беспрепятственно развращать детей, загадили все культурное пространство демонстрацией насилия, непристойности, демонизма, а вину сваливают на "плохих" родителей. Пожалуй, апофеозом такой наглости была передача "Солнечный круг", посвященная детям-жертвам сатанинских сект. Героиней передачи стала четырнадцатилетняя девочка. Она приобщила к модному нынче молодежному течению "готов", широко разрекламированному в Интернете и в печатных изданиях. Среди адептов этого течения, как выяснилось, практикуется вампиризм. Девочка тоже стала вампиром и производила впечатление повредившейся в рассудке.

Ее мама, не выдержав потрясения, незадолго до передачи скончалась от разрыва сердца. На отца же больно было смотреть — такая маска страдания застыла на его лице. Однако он согласился принять участие в передаче, чтобы предупредить других родителей о страшной опасности, нависшей над детьми. Но когда речь зашла о необходимости серьезной борьбы с сатанинскими сектами, в которые попадают сотни, если не тысячи подростков, и отец девочки сказал, что нужно убрать из открытого доступа информацию о "готах", на их защиту тут же ринулась приглашенная в качестве эксперта известная феминистка.

- Опять информация виновата?! Дело не в информации! Надо любить детей, и все будет в порядке. Вы просто недолюбили свою дочь, — не постеснялась она заявить несчастному отцу.

Эту сцену трудно описать словами, ее надо было видеть. Наглая особа, сделавшая неплохой бизнес на обслуживании реальности, в которой детей можно губить беспрепятственно, и тихий, раздавленный горем человек, потерявший жену и фактически потерявший дочь. Он не знает, как спасти девочку, он уже истерзался самообвинениями. И его, лежачего, наотмашь бьет "эксперт по вопросам родительской любви".

В православной среде понятие о любви к ближнему, слава Богу, столь грубо не искажается. Но все же отдельные нотки этих мотивов нет-нет, да и проскальзывают.

Например, с неприязнью говорят иные православные миряне и даже священнослужители о стареньких прихожанках! Они и глупые, и невежественные, и погрязшие в обрядовости, и заедающие век молодых. И к мощам-то они любят прикладываться, и чудесам верят, и за крещенской водой готовы простаивать часами, и исповедуются во всякой ерунде. Даже если эти упреки отчасти справедливы, все равно такое отношение мало сопрягается с декларируемой христианской любовью.

А ведь именно эти старушки в своей повседневной жизни и есть "униженные и оскорбленные". Мало того, они еще и слабые и забытые. Забытые настолько, что боятся попросить молодого парня уступить им место. А если за них это делает кто-то другой (что бывает нынче редко), они еще больше пугаются и лепечут: "Не надо, не надо! Сиди, сынок, мне скоро выходить".

А представим себе вошедшую в вагон метро старуху, которая не стала покорно смиряться с тем, что здоровые парни сидят, развалясь, и не собираются уступать ей место, а начала возмущаться. Разве пассажиры дружно встанут на защиту молодых? Нет. Слава Богу, до такого наше общество еще не дошло. Может быть, далеко не все (увы!) ринутся защищать старуху, но и осуждать ее всем миром не посмеют.

А ведь церковная старушка не за сидячее место бьется, не о себе радеет. Она хочет, чтобы в доме Божиим соблюдались приличия. Конечно, всегда лучше сохранять спокойствие и помнить о вежливости. Но если у старой и, скорее всего, больной женщины сдали нервы, то благородным людям (каковыми по идее должны быть истинные христиане) не подобает на нее обрушиваться или высмеивать. Не подобает из уважения к возрасту, из сострадания к старческой немощи. Даже если она не права!

Глава XI

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ПРАВЕДНЫМ ОСУЖДЕНИЕ?

Политкорректность — прицельные удары без насилия

Может быть, у читателей этой книги возникнет следующий вопрос. А почему они взялись судить о разных проблемах, более того, осуждать? Например, сторонников реформирования образования, ювенальной юстиции, защитников секс-меньшинств да и самих представителей этих меньшинств. Ведь

должны быть политкорректными, а главное, как христиане, должны следовать заповеди Христовой "Не судите, да не судимы будете".

Что ж, ответим своим оппонентам. Во-первых, о политкорректном. Скажем сразу, что политкорректность чаще всего используют, как один из манипулятивных приемов, заключающихся в маскировке, затуманивании истинного смысла явлений, когда на черное говорят "белое" или, в лучшем случае, "светло-серое", но так ловко подбирают слова, что подмена незаметна. Например, вторжение вражеских войск на территорию другого государства может называться "миротворческой операцией", "гуманитарной интервенцией", "установлением демократии". Или проститутку называют "секс-работницей", а фактическую легализацию употребления наркотиков — "программой снижения вреда".

Может показаться, что политкорректному пересмотру подвергаются все сферы жизни. Но при некотором размышлении этот тезис приходится отбросить. Сфера применения весьма избирательна. Вот в кулинарии — разве предлагают соблюдать политкорректность? Нет, все называется прямо, как есть. Русские щи, японские суши. Не запрещено даже словосочетание "русские пельмени", хотя можно было бы при желании обвинить нас в грубейшем нарушении авторских прав, так как оно в данном случае принадлежит Китаю.

И в ботанике как-то не видно особой политкорректности. А ведь девушки с именем Маргарита могли бы обидеться и потребовать переименования цветка из маргаритки в Маргариту, чтобы их имя не произносилось с таким уничижительным суффиксом. А уж как могли бы возмутиться защитники животных! Сколько исков о защите чести и достоинства собаки, осла, крысы, подколодной змеи, барана и других "братьев наших меньших" вчинили бы они тем, кто употребляет эти слова не по прямому назначению, а в ругательном контексте! Заодно, в русле зоополиткорректной логики, пришлось бы переписать подавляющее большинство произведений мировой литературы. А некоторые, как особо оскорбительные и совершенно неисправимые, попросту запретить. Например, басни Крылова или Лафонтена.

Так какие же сферы жизни подвергаются политкоррекции? Ну, ясное дело, политика. Тут и думать нечего, само название подсказывает. Национальный вопрос? Безусловно. Русские щи — пожалуйста, русская культура — уже с оговорками. А русское государство — ни-ни! Ужас как неполиткорректно! Впрочем, это тоже политика.

Взаимоотношения полов... Вроде бы политика тут ни при чем, а политкорректоры стараются вовсю. Так, например, сегодня развернулась настоящая схватка за права содомитов, которых так называть нельзя. Неполиткорректно.

Намечается и новое направление борьбы — за права вырожденков, растлевающих детей. Их, вырожденков, теперь очень красиво называют "педофилами", любителями детворы. Еще недавно это слово если и употреблялось, то в специальной литературе о половых извращениях. Теперь же оно стало достоянием масс, и вполне вероятно, что вскоре придумают еще более политкорректный термин, который будет уже полностью оторван от смысла обозначаемого явления. Примерно по той же схеме, по которой происходило облагораживание другого содомского греха (как правило, тесно связанного с только что упомянутым): "педераст" — "гомосексуалист" — "человек нетрадиционной ориентации" — и, наконец, "гей" или "голубой".

Вообще, в сфере половой морали немало политкорректировок. Разнообразными вывесками закамуфлирована пропаганда разврата. Тут и "сексуальное просвещение", и "половое воспитание", и "пропаганда здорового образа жизни", и "борьба со СПИДом", и "безопасный секс". Порядком заминированы политкорректорами и другие области морали. Сколько усилий было положено либеральной интеллигенцией на то, чтобы стало почти неприличным произносить слова "предатель", "дезертир", "изменник Родины"! Вместо этого услужливо подсовывались более нейтральные: "перебежчик", "невозвращенец", а то и "герой, боровшийся с тоталитарным режимом". Одному такому "герою"-изменнику, Олегу Гордиевскому, английская королева демонстративно вручила орден за заслуги в укреплении безопасности Великобритании.

Людей алчных, продажных, взяточников, коррупционеров начали вдруг именовать нейтральным, каким-то мутноватым словом "прагматик" и даже весьма положительным "хороший хозяйственник". (Часть из этих "хозяйственников", правда, впоследствии оказалась на нарах, за что "силовики" стали подвергаться весьма неполиткорректным нападкам в прозападной печати.)

Можно было бы вспомнить и о политкорректном отношении к наркоманам, которых правозащитники любят именовать "наркозависимыми" или, совсем уж зашифровано для широкой публики, "аддиктами", и про многое другое. Но, пожалуй, пора сделать выводы.

Вывод первый: политкорректность применяется в различных областях человеческих

взаимоотношений, хотя отнюдь не во всех.

Вывод второй: политкорректность позволяет без видимого насилия изменить моральные оценки и ценности.

Вывод третий (здесь придется кое-что разъяснить): требования политической корректности в таких вроде бы аполитичных сферах, как взаимоотношения полов, не содержит никакого противоречия, ибо изменение ценностей рано или поздно влечет за собой изменение законодательства и в целом политики государства. Так, например, поощрение аборт, контрацепции, стерилизации и разврата под политкорректным прикрытием "планирования семьи" ведет к депопуляции и вынуждает правительства смягчать миграционное законодательство.

Борьба с "сексизмом" льет воду на ту же мельницу: женщины, которые качают права, не нуждаются в мужской защите и помощи, настаивают на абсолютном равенстве полов, для многих мужчин перестают быть притягательными. (Недаром русские невесты, пока борьбой с "сексизмом" не зараженные, так ценятся на Западе.) Меньше семей — хуже демография. Выходит, опять политика!

Политкорректность по отношению к содомитам тоже способствует депопуляции, так как они не склонны продолжать род. Следовательно, чем их больше, тем меньше будет рождаться детей. И тем опять-таки актуальней становится политический вопрос о замещающей миграции. Кроме того, лояльное отношение к "геям" влечет за собой законодательное расширение их прав. Постепенно им удастся проводить на самые верхи государственной власти своих людей, которые формируют "новую политику" — политику Содома. Мэр Берлина, например, "открытый гей", и совсем недавно город заполнили сотни тысяч (!) ему подобных, которые вместо ежегодного, уже привычного там "парада гордости" решили устроить грозную акцию протеста, требуя дальнейшего расширения своих прав. Можно не сомневаться, что мэр поддержит, где надо, это многотысячное сексуальное меньшинство.

Мэры-гомосексуалисты Берлина, Лондона и Парижа, столиц крупнейших европейских государств, активно влияют и на международную политику. Так, в свое время, будучи мэром Москвы, Юрий Лужков с трибуны рассказывал, как эти господа давили на него (по его выражению, "прессовали"), вынуждая разрешить извращенцам "погордиться" у Кремлевских стен.

Вывод четвертый: на самом деле политкорректность не просто один из манипулятивных приемов воздействия на общество. Это мощнейшее оружие информационной войны. Оно позволяет мягко, незаметно дезориентировать и деморализовать противника, чтобы он сдался без боя, поскольку бой — это верх непolitкорректности. Ну, а при мастерском владении этим оружием противник переходит на твою сторону, встает под твои знамена и от души рукоплещет победе добра и справедливости. Тот же, кто не переходит, артачится, будет наказан по всей строгости нового, политкорректного закона.

Так, бельгийские содомиты подали в суд на епископа Намюрского Анри-Мутьена Леонарда, обвиняя его в "ненависти к педерастам", что в Бельгии является уголовным преступлением после принятия закона по борьбе с дискриминацией в 2003 году. В интервью еженедельнику "Tele Moustique" епископ назвал извращенцев "ненормальными людьми". По мнению Мишеля Грейндо, адвоката содомитов, епископ "заклеймил" извращенцев, чье "достоинство и идентичность унижены, так как епископ считает их неполноценными и неправильными людьми". Грейндо даже сравнил высказывание епископа с действиями нацистов в Германии. Этот случай — лишь один из серии преследований христиан за их убеждения.

Библия без благодати

Некоторые граждане (почему-то чаще мужчины, причем вполне "традиционной ориентации") нервно реагируют на упоминание об информационной войне, манипуляции сознанием. Наверное, кто-нибудь из них, прочитав пассаж про "политкорректное оружие", не выдержит и возмущенно воскликнет: "Опять враги? Опять заговор? Все высосано из пальца! Они просто на Западе вежливые, тактичные. Инвалидов называют людьми с ограниченными возможностями, а негров США — афроамериканцами. Авторы привыкли к совковому хамству и гуманное отношение к людям считают оружием!"

Что ж, мы бы охотно присоединились к мнению о тактичности политкорректоров, если бы нам помогли разрешить некоторые недоумения. Почему на современном Западе тактичность к извращенцам сплошь и рядом оборачивается вопиющей бестактностью по отношению к нормальным людям? Почему политкорректоры не подают в суд и даже не возмущаются не просто бестактностью, а запредельной грубостью, с которой содомиты публично говорят о женщинах?

А ведь среди правозащитников есть и феминистки, патентованные поборницы женских прав.

Почему же они молчат? Да и мужчинам, несмотря на антисексизм, негоже давать женщину в обиду. Или по сравнению с "геями" она не человек, и потому права человека на нее в данном случае не распространяются?

Еще вопрос: как сочетать с тактичностью выставление напоказ всего того, что традиционно относилось к сфере интимного и в мало-мальски культурном обществе прилюдно не обсуждалось? Когда появилась телевизионная, уличная, газетно-журнальная и прочая реклама прокладок и тампаксов, очень многие люди были этим шокированы. Помнится, в одной из телепередач, имитировавшей судебный процесс, женщина предъявила иск к рекламодателям, мотивируя свое заявление тем, что ей стыдно теперь смотреть телевизор вместе с мужем и взрослым сыном, а также ходить по улицам, поскольку такая реклама причиняет ей моральный ущерб, унижает ее человеческое достоинство, наносит психическую травму. Но ни один правозащитник ни тогда, ни после, не кинулся защищать эту женщину. Как, впрочем, и миллионы других, считающих подобную рекламу крайне бестактной и даже бесстыдной.

О тактичности секс-просвета можно говорить разве что в фельетонной манере, которая так удается Татьяне Толстой. А самое, пожалуй, "тактичное" отношение к людям явили американцы во время войны с Сербией: поздравления с Пасхой были написаны прямо на бомбах!

Нет, уважаемые оппоненты, не сходятся тут концы с концами. Чувство такта, в отличие от политкорректности, не носит избирательного характера и не оборачивается в определенных ситуациях вопиющим хамством, тем более кощунством. А вот информационное оружие как раз применяется избирательно. Зачем палить впустую, куда попало? Так поступают дети, играя в войну. Когда же война настоящая, бьют прицельно, по мишеням. Причем главными мишенями информационной войны, ведущейся сегодня против России являются традиционные ценности — **мораль, нравственность, духовность.**

Поразить ее сразу невозможно, потому что она относится к сфере сакрального, к той сфере, которую нормальное, здоровое общество всегда защищает особенно ревностно. А чтобы люди перестали защищать свои святыни, нужно заразить их ядом индифферентизма, безразличия. Для этого и придумано было такое информационное оружие, как политкорректность. Если бы людям сказали: "Наплюйте на свои святыни! Ешьте, пейте, веселитесь, ибо завтра умрем", то далеко не все последовали бы этому призыву. А те, которые бы последовали, в основном и без призывов жили примерно таким образом и отродясь никаких святынь защищать не собирались. Нет, оружие под названием "политкорректность" придумано не для них. Оно для людей с развитым "верхом", приверженных высоким идеалам, обладающих чувствительным сердцем. Такие люди хотят быть хорошими, терпимыми, милосердными. Им не хочется никого обижать, напротив — очень хочется быть примерными христианами. Привлеченные гуманным отношением к инвалидам и неграм, они-то и попадают в ловушку политкорректности, которая как раз подсказывает им якобы верный путь, предлагая гораздо более правильные, нейтральные слова. Слова, не ранящие и без того раненных своей долей.

Но поскольку слово неотделимо от смысла, смягчается и смысл обозначаемого явления. Не падшая, не публичная женщина, не проститутка, а "секс-работница". Или даже "ночная бабочка". Смягчается и отношение к ней: как осуждать "ночную бабочку"? Это ведь так красиво, романтично, безобидно! Только идиоты могут осуждать бабочек. Но память-то подсказывает, чем она занимается, эта бабочка. И как ее называли недавно, тоже трудно сразу забыть. Одно накладывается на другое, сталкивается, вызывает противоречивые чувства... Нет, лучше вовсе не думать об этом. Пусть оно как-нибудь само... Моя дочь (жена, мать), к счастью, не проститу... не "ночная бабочка". Короче, это все не о нас. Так что пусть живут, как знают, и называются, как хотят.

Отстранение соседствует с охлаждением. Когда этого отстранения много, то разовое охлаждение переходит в хроническую теплохладность. А ее, эту теплохладность, еще и морально подкрепляют, выдавая грех человекоугодия за истинно христианскую любовь. И постепенно человек привыкает молчать о том, о чем он как христианин молчать не должен. Привыкнув же, сдает и следующие рубежи. Тем более, что натиск на христианские святыни тоже ведется иезуитски-изощренно, под видом любви к людям.

"В некоторых приходах, — писал еще в начале 60-х годов католический кардинал Лефевр, выражая свое несогласие с начавшейся модернизацией католической церкви, — родителям, готовящим детей к первому причастию, не советуют помещать распятие в детской, "чтобы не травмировать их", но предлагают заменить его "изображением, понятным их возрасту, например, собаки как символа верности", — изображением, которое они повзрослев, найдут в катехизисе, где не будет ни слова о

распятом Христе.

В поисках новых слов французские католические богословы доходят до того, что в молитве Господней при крещении, вместо "Que ta volonte soit faite" ("Да будет воля Твоя") предлагают "Que ta volonte soitfete" ("Да будет воля Твоя праздником"). Это богословие упразднения креста, в обход страданий. Мы видим, что выбор слов делается так, чтобы непременно угодить человеку с современной психологией.

...Перед нами мессианский гуманизм, где Бог растворяется в человечестве. Это страшное размывание границ света и тьмы не может, разумеется, не вызывать жгучей тревоги у многих католиков. В очень трезвой книге "Церковь миссионерская и демиссионерская" Андре Пьеттр пишет: "Уже не говорят о чуде, об искуплении, о Евхаристии, о Приснодевстве, о молитве, о благодати, о грехе... но о диалоге, о свободе, о радости, о любви и т. д. Короче говоря, отрицают молчанием" (*Марсель Лефевр, архиеп. Они предали Его. От либерализма к отступничеству, СПб., Владимир Даль, 2007. Стр. 8–10*).

Призывы Лефевра остановиться не были услышаны. Наоборот, после II Ватиканского собора "осовременивание" католической церкви стало набирать обороты, а строптивного "ретрограда" Ватикан в конце концов наказал отлучением.

О положении нынешнего дня читаем в книге С. Г. Кара-Мурзы: "Сегодня мы видим, как модернизация сокрушает последний бастион языка, сохраняющего древние смыслы — церковь. Мало того, что священники вне службы, даже в облачении, стали говорить совершенно "правильным" языком, как журналисты или политики. Модернизации подвергаются священные тексты. Действия в этой сфере — целая программа. Приступают к изданию новой Библии с "современным" языком в Англии, тиражом 10 миллионов экземпляров. Теологи старого закала назвали ее "модерн, но без Благодати" (само понятие Благодати из нее изъято и заменено "незаслуженными благами"). Вычищены из Библии и понятия искупления и покаяния. И, наконец, ключевое для христиан слово "распятие" заменено "прибиванием к кресту". Наполненные глубинным смыслом слова и фразы, отточенные за две тысячи лет христианской мысли, заменены "более понятными". Как сказал архидиакон Йорка, Библия стала похожа на телесериал, но утратила сокровенное содержание.

Мы уж не говорим о пошлой и конъюнктурной политической цензуре Священного Писания. Недавно в США начали переходить на новый, "политически правильный" перевод Библии, из которого исключено упоминание о том, что Христос был распят иудеями. Был, мол, распят, а кем и почему — неважно. Это — чтобы устранить из Евангелия "антисемитизм". Чтобы не обидеть феминисток, изменено понятие Бог Отец (он теперь Бог Отец-Мать), так что рушится вся суть Троицы. Внесены и многие другие подобные "демократические" изменения" (*Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., Алгоритм, 2000. Стр. 91*).

Да, коварное, поистине дьявольское оружие придумали богоборцы, создав такое понятие, как политкорректность! Они будут оголтело разрушать Церковь, а им слова не смей сказать. В противном случае будешь объявлен не только непolitкорректным, а бессердечным и злым. Начинаются политкорректные "наезды" и на Русскую Православную Церковь. Не так давно Антидиффамационная лига обвинила ее "в использовании за литургией антисемитских пассажей". Это никакой не курьез или недоразумение, а первая проба пера. Выражаясь по-военному, разведка боем.

О православной миссии

Архиепископ Аверкий (Таушев) писал: "Мы живем в страшное время, когда самые понятия христианские, здравые и истинные, подменяются понятиями фальшивыми и ложными, зачастую злонамеренно изобретаемыми с несомненной целью, конечно, отклонить людей от правого пути истинной христианской жизни. Во всем этом видна какая-то планомерно действующая черная рука, которая стремится как можно крепче привязать людей к этой временной земной жизни, заставив их забыть о неизбежно всех нас ожидающей жизни будущей, жизни вечной.

Так, например, достаточно кому-нибудь начать регулярно ходить в церковь, молиться Богу дома, соблюдать посты, вести себя целомудренно и воздержанно, уклоняясь от всех современных, столь нескромных развлечений и увеселений, как окружающие сейчас же набрасываются на него с насмешками и укоризнами: "Да что ты? В монахи, что ли, собрался? Или хочешь показаться перед нами каким-то праведником, святошей?" Это и прежде бывало, но никогда в такой мере, как теперь, когда — увы! — и некоторые современные пастыри, либерально и модернистски настроенные, относятся к подобным подвижникам благочестия (иначе их в наше время и не назвать!) явно неодобрительно.

Стоит пастырю, желающему только честно и добросовестно исполнять свой пастырский долг, без всяких поблажек и уступок современной моде и развращенным нравам, начать учить своих пасомых истинно христианскому пути жизни, как сейчас же весьма многие из современного мнимохристианского общества обрушиваются на него со всею силою ожесточенного озлобления, начинают всячески хулить и порочить его, стремясь дискредитировать в глазах остальных и подорвать его пастырский авторитет" (*Аверкий (Таушев), архиеп. Всему свое время. М., Издательство Сретенского монастыря, 2006. Стр. 104–106*).

Владыка Аверкий написал это в Америке в 1961 году. Но разве не то же говорят церковные либералы в современной России? Хоть и страна другая, и полвека прошло с тех пор, как это было написано, а претензии все те же. Что значит "хочешь показаться святошей"? Значит, хочешь прославить себя, выставив свое "я", свое "эго" в выгодном свете.

Послушание духовнику, соблюдение иерархии пытаются дискредитировать, сказав, что священники просто тешат так свой эгоизм, властолюбие и тщеславие. В более корректной форме критика ортодоксальных, серьезно относящихся к церковным правилам и традициям пастырей сводится к тому, что они забывают о христоцентризме, приводят к себе, а не ко Христу. Хотя, конечно, представители младостарчества и "гуруизма" тоже у нас встречаются, но нападают ведь почему-то в основном не на них, а на батюшек, которые как раз заботятся о подлинном воцерковлении своей паствы, о серьезном отношении к вере, к церковным таинствам, к молитве, к православному образу жизни, на тех, кто "полагает жизнь за овец" (*Ин. 10,11*). Именно такого "пастыря доброго" по лукавой диалектике перевертыша обвиняют в эгоизме.

Естественно, в эгоизме обвиняют и "старушек у подсвечника", многие из которых, как пророчица Анна, всю жизнь не отходят от храма. Не просто проводят там все свое время, а трудятся не покладая рук, не жалея сил, невзирая на преклонный возраст и телесные недуги. И, пожалуй, только в среде, насквозь пропитавшейся духом эгоизма, могут найти поддержку сентенции, что "злые бабки просто самоутверждаются за счет молодых". В обществе, не утратившем традиционных христианских представлений о добре и зле, такие сентенции не могли бы прижиться. Во-первых, потому что христианство учит прежде всего заглядывать в себя и в себе искать вину, а во-вторых, потому что грех хамства невозможно было бы выдать за добродетель.

Очень показательная полемика развернулась в последний год и по вопросу миссионерства в молодежной среде. Тех, кто не приветствует сомнительный принцип "цель оправдывает средства" и возражает против некоторых миссионерских экспериментов, считая это оплошанием Благой Вести, сторонники подобных экспериментов называют "миссиофобами". И даже — в стилистике то ли Французской революции, то ли Третьего рейха — "врагами миссии", с которыми надо расправляться со всей беспощадностью.

Когда читаешь про "миссиофобов", может представиться некое страшное и одновременно тупое мифологическое животное, которое ("друзья миссии", они же "миссиофилы", всерьез это утверждают!) ненавидит молодежь и всеми силами старается не пустить ее в Церковь, боясь, что веселые, свободные, сильные молодые люди придут в храм и потеснят его. То есть зверюга-миссиофоб эгоистичен прямо-таки до слабоумия. Не желает, хоть тресни, увеличения малого Христова стада, не стремится приобретать помощников и единомышленников. Естественно, полемика с таким кошмарным существом невозможна. Ведь что взять со слабоумного?

А интересно, что бы они сказали об архиепископе Аверкии (Таушеве), живи он сейчас? Неужели тоже записали бы его во враги миссии? Ведь владыка Аверкий утверждал буквально следующее: "Теперь многим нравятся пастыри, которые, приноравливаясь к вкусам, взглядам и настроениям современной расцерковленной толпы, унижают высокий христианский идеал жизни, едва ли не втоптывают его в грязь, фальшиво подменяя и извращая все подлинные христианские понятия, лишь бы только кому-то **угодить**."

Совершенно справедливо говорит наш выдающийся гомилет профессор Киевской духовной академии В. Ф. Певницкий, что истинный пастырь не должен поддаваться заманчивой идее примирения христианства с современностью и что "нельзя допускать ни малейшего изменения начал веры Христовой", "никакой уступки ввиду ходячих заблуждений времени, никакого послабления строгих требований евангельского закона, ввиду понизившейся нравственности и нежелания подчиниться им со стороны расслабленной воли" (*Церковное красноречие и его основные законы, Киев, 1906. Стр. 164*). Нельзя проповедовать какое-то "новое христианство", "христианство разжиженное и расслабленное", ибо задача пастыря не в том состоит, чтобы принижать высокие требования Божественного закона до уровня понизившейся жизни, но в том, чтобы эту понизившуюся жизнь возводить до той высоты, на

какой она должна стоять, по требованию слова Божия и указанию Церкви" (см. там же). Современные "христиане" хотят, чтобы пастыри не стесняли греховных стремлений человеческой природы, и только под этим условием согласны войти в единение с Церковью и жить ее жизнью" (*Аверкий (Таушев), архиеп. Всему свое время. М., Издательство Сретенского монастыря, 2006. Стр. 106–109*).

Как все повторяется!.. Нынешние "миссиофилы" тоже пугают, что молодежь, увидев в православии "религию запретов", не придет в храм. А та, что пришла, с негодованием хлопнет дверью и больше никогда не вернется.

Может ли христианин осуждать?

В связи с политкорректностью очень важно рассмотреть тему осуждения, ведь она актуальна и в православной среде. Действительно, христиане не должны осуждать, осуждение — это грех. Практически в любой книге о духовной жизни можно найти цитаты, подтверждающие эту мысль. Вот всего одна. Святитель Тихон Задонский: "Когда что худое увидишь в твоём ближнем, то запечатлей уста твои молчанием, а о нём воздохни ко Господу, да исправит его; и о себе молись, дабы в такой же порок не впасть, потому что мы — немощные, и с нами может случиться то же или даже ещё худшее".

Но, конечно, главный аргумент против осуждения — это слова Спасителя в Евангелии от Матфея: "Не судите, да не судимы будете" (*Мф. 7,1*). Однако чуть позже в том же Евангелии Господь прямо повелевает обличать согрешившего брата (*Мф. 18,15–17*). Да и Сам порой говорит весьма нелицеприятно: "лицемеры", "сын погибели", "род лукавый и прелюбодейный", "сатана" (причем последнее слово относится апостолу Петру!).

Разве не обличал грешников Иоанн Креститель? "Порождения ехиднины! — обратился он к фарисеям и саддукеям. — Кто внушил вам бежать от будущего гнева?" (*Мф. 3,7*). Он не побоялся осудить даже самого царя Ирода, за что и поплатился головой.

И многие христианские святые далеко не всегда проявляли политкорректность. Священномученик Афиноген, возмущенный арестом монашеской братии, придя в город к судье, начал громко кричать: "Зачем ты обокрал меня, мучитель, расхитив церковь мою? Пусть видит Бог злое дело, совершенное тобой и пусть обрушится Своим гневом на тебя!" А когда игемон Филомарх пытался заставить его принести жертву идолам, святой ответил ему, прямо скажем, не очень вежливо: "Мучитель беззаконный, пес прескверный и бесстыдный! Не испугаешь нас своими угрозами, делай, что хочешь: мы готовы терпеть все за нашего Бога".

Не церемонилась со своим истязателем и великомученица Марина: "Мерзкий пес! Свинья! Ты пожираешь человеческое мясо", — вот что он услышал от нее.

И мученица Христина князя, который ее терзал, назвала нечестивцем, а своего отца — слугой сатаны.

Какой же вывод можно сделать? Можно ли осуждать или нужно следовать словам "не судите, да не судимы будете". Разрешимо ли это противоречие? Сами разрешать его мы не дерзаем, поэтому обратимся к писаниям святых отцов Православной Церкви.

Святитель Василий Великий на рассматриваемую нами тему пишет: "Поскольку Господь иногда говорит: "Не судите по наружности", а иногда повелевает: "Но судите судом праведным" (*Ин. 7,24*), то не вовсе запрещается нам судить, а показывает различие суда... Поэтому если что зависит от нашего произволения, иногда даже бывает и неизвестным, за то не надобно осуждать брата, по сказанному у апостола о неведомом: "Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения" (*1 Кор. 4, 5*). Но защищать суды Божий — непререкаемая необходимость, чтобы умалчивающему самому не вкусить гнева Божия..." (*Алфавит духовный. М., Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2006. Стр. 322–333*).

История Вселенских соборов, жития святых ярко иллюстрируют нам это поучение. Вот, например, как противостояли Брестской унии 1596 года верные пастыри Православной Церкви. Иоанн Вышенский, уроженец Судовой Вышни под Львовом, подвизавшийся на Афоне, слал своим соотечественникам вдохновляющие послания. Короля Сигизмунда III, боровшегося с православными и всячески способствовавшего укреплению униатов, он называл "дьяволом в короне". А в "Послании к епископам, которые отступили от православия", писал: "Для чего именем христианским бесстыдно осмеливаетесь себя называть, если чести этого имени не уважаете?.. Будьте прокляты вы, (униатские) владыки, архимандриты, игумены, которые опустошили (православные) монастыри и сделали себе из святых мест имения, сами вместе с друзьями и слугами проводят там развратную и животную жизнь, возлежа на святых местах... а в монастырях нет монашеской жизни, нет пения и молитвы, воют псы..." (*Гайдук Н.*

Брестская уния 1596года. Минск, Православное Братство во имя Архистратига Михаила, 1996. С. 68). А святитель Афанасий Брестский проклинал унию даже перед своей казнью, стоя на краю выкопанной для него могилы. Как видим, совершенно никакой политкорректности там не было.

В согласии со святителем Василием Великим рассуждал и святитель Иоанн Златоуст. Поясняя изречение Господа "не судите, да не судимы будете", он говорил о том, что Спаситель не всех и не за все запрещает судить, а только если человек, будучи исполнен бесчисленных грехов, порицает другого за маловажные проступки. Это рассуждение приводит в своем труде "Отпущение грехов и мнимая христианская любовь и всепрощение" фактически наш современник, архиепископ Аверкий (Таушев). Увидев ужасы кровавой богоборческой революции в России, а потом попав на Запад и убедившись, что либерально-демократическая идеология и там производит ползучий богоборческий переворот, он прекрасно понимал, каким тоталитаризмом греха чревата в современных условиях проповедь тотального неосуждения: "А теперь, в переживаемое наше страшное время циничного и откровенного лютого безбожия, мы, как христиане, верные Христу Спасителю и Его Истинной Церкви, не можем не осуждать со всей решительностью безбожников и кощунников, лютых богоборцев, стремящихся искоренить во всем мире веру Христову и разрушить Святую Церковь, осквернивших Отечество наше и надругавшихся над нашими святынями... Надо хорошо знать и помнить, что совершенно чуждо истинного христианства зловерное толстовское учение о непротивлении злу: всякий истинный христианин непримирим ко злу, где бы и в ком бы он его ни встречал. Мы осуждаем слуг грядущего Антихриста и самого Антихриста. Неужели все это есть греховное осуждение, запрещаемое Евангелием, как пытаются убедить нас в этом современные умники-неохристиане, исполненные какой-то необыкновенной сверхлюбови и всеохватывающего прощения?"

Архиепископ Аверкий пишет и о том, кому выгодно подобное всепрощение: "Совсем никого и ни за что не осуждать — такого настроения в современном христианском обществе только и хотят добиться слуги грядущего Антихриста для того, чтобы им легко и просторно было действовать, подготавливая в мире обстановку, благоприятную для скорейшего воцарения их властелина. Неужели в наше время каждому честному и сознательному христианину еще может быть не ясно, что безусловное всепрощение нужно лишь врагу Христову Антихристу, дабы люди окончательно потеряли чувство различения добра и зла, помирились бы со злом, охотно приняли его, а затем и самого Антихриста, не помышляя о борьбе с ним?"

О том же говорил в 1925 году и Иван Ильин: "Если я, не вмешиваясь, предоставляю свободу злодею духовно губить и кощунствовать, то я соучаствую в его злодеяниях. Где расточенная доброта попирается свирепыми животными (*Мф. 7,6*), там необходимы гроза, страх, меч и страдание. А не говорить злу ни "да" ни "нет", значит сказать ему "да", поэтому прячущийся вовсе не выжидает, а предаёт, ибо молчанием предается Бог" (*Новый Век. 2006. № 3, (36)*).

Эту же позицию подтвердил в свое время и приснопамятный Святейший Патриарх Алексий, говоря о необходимости активной борьбы с развращением детей и молодежи: "Если мы будем молчать, нас просто уничтожат".

Праведное осуждение

Итак, осуждение осуждению рознь. По каким же критериям, кроме лицемерия и ханжества (когда, не обращая внимание на бревно в своем глазу, возмущаются сучком в чужом), предлагают святые и праведники Православной Церкви опознавать греховное осуждение?

Критерии эти в сердце человека. Что им руководит? Он действительно печется о Божественной истине или хочет свести личные счеты, унижить кого-то из зависти к его успеху, показать себя, получить какую-то выгоду? Современно выражаясь, есть ли у него скрытая греховная мотивация? Со стороны понять это далеко не всегда возможно, но христианин, который не хочет впасть в грех осуждения, должен внимательно прислушиваться к себе, испытывать свою совесть.

Важно и не распалаться злобой. Авва Макарий сказал: "Если ты, делая кому-либо выговор, придешь в гнев, то удовлетворишь своей страсти. Таким образом, чтобы спасти другого, ты не погуби самого себя" (*Древний патерик. М., Планета, 1991. Стр. 52*). И архиепископ Аверкий говорит, что "запрещается не суждение о поступках ближнего и не осуждение его злых поступков само по себе, а злое чувство в душе по отношению к ближнему со стороны человека, который сам так же грешит или даже еще больше, не думая о своем собственном исправлении".

Запрещаются и сплетни, злые пересуды, злоречие. Они ведь тоже часто происходят не из желания установить истину, а из тщеславия, излишней подозрительности, склонности замечать в окружающих

только дурное, мизантропии.

"Иными словами, — подытоживает архиепископ Аверкий, — запрещается всякая злоба и злорадство в отношении грешащего ближнего, на личной почве, а отнюдь не справедливая, чисто идейная оценка его поступков и поведения, каковая не только не противна Евангелию и не предвзвешена, а наоборот, даже необходима, дабы мы не стали в конце концов относиться безразлично к добру и злу, и зло не восторжествовало бы вследствие этого в мире".

Попробуем привести несколько примеров. Многие знают старинную историю, как некий человек, наслышанный об аскетизме монахов одной из обителей, был очень смущен тем, что, когда они пригласили его на трапезу, на столе были разнообразные яства и даже вино. Он ушел от монахов с осуждением в душе, решив, что разговоры об их подвижничестве — выдумка. Но Бог очень скоро открыл ему неправедность его осуждения. Волею обстоятельств этот человек неожиданно вернулся в монастырь и застал совсем иную картину. Никаких разносолов и вина не было в помине. Хлеб с водой, да и те в небольших количествах. И он устыдился, поняв, что яства на столе свидетельствовали о любви к гостю, а не о чревоугодии хозяев.

На основании этой истории делается совершенно правильный вывод, что не нужно спешить с осуждением непостящегося человека. Мало ли по каким обстоятельствам это происходит? Может, он забыл, что день постный (как произошло в юности с преподобным Силуаном Афонским). Или не может выдержать по слабости здоровья, или — что чаще — по слабости воли. То есть это его личный грех, за который он сам и ответит.

Но если человек возводит несоблюдение поста в принцип и к тому же стремится распространить его на других, молчать нельзя. И уж тем более не следовало бы это делать, если бы кому-нибудь вздумалось "модернизировать" таким образом Церковь, заявив, что католики посты практически отменили. Чем мы хуже?

А вот про содомитов, на наш взгляд, не следует говорить, что пусть они у себя дома занимаются, чем хотят, лишь бы парад на Красной площади не устраивали и не рекламировали свой образ жизни. Содомия (как и разврат вообще) не личное дело каждого. Это воронка, в которую мало-помалу втягивается все больше людей, в том числе юношей, подростков и даже маленьких детей. Так что содомию необходимо осуждать, не дожидаясь, пока содомиты явятся в школы. И не только осуждать, но и карать по закону, о чем недвусмысленно говорит Священное Писание. Этот подход худо-бедно соблюдался вплоть до начала 90-х, пока в условиях однополярного мира Россию не начали втягивать в построение нового мирового порядка, в котором "христианская составляющая", как мы видим, все быстрее сходит на нет. Сейчас, когда Россия явно укрепляет свои экономические и политические позиции, пора вернуть "традиционную ориентацию" и в подходах к мужеложеству.

Попробуем понять и то, чем отличается праведное осуждение от сплетен, пересудов и злоречия. В сплетнях обычно бывает много лжи, клеветы-того, что совершенно несовместимо с христианской нравственностью. Но даже если все, говорящееся о человеке (или сообществе людей) — правда, следует задать себе вопрос: для чего это говорится? Чтобы почесать языком? Тогда мы впадем в грех празднословия. Чтобы показать, какой человек плохой, а мы хорошие? Тогда мы горды, тщеславны и прочее. Но, когда мы видим, что собеседник по незнанию готов связаться с человеком непорядочным, опасным, лукавым, предупредить его — наш долг. Можно обличать чьи-то плохие поступки и в назидание другим. Воспитывают ведь не только на хороших примерах, но и на отвращении от дурных. Это задает систему координат. В любой культуре, даже в самой толерантной, есть свои герои и злодеи. Без восхваления первых и осуждения вторых нет ни педагогики, ни литературы, ни истории, ни политики. Вообще нет нормальной социальной жизни, а есть этакая "вселенская смазь", создающая питательный раствор для моральной деградации.

Кстати, в последнее время можно услышать, что христиане не должны осуждать умерших. Но, исходя из этой логики, не надо осуждать Гитлера. Зачем ему столько лет поминают Холокост и угнанных в рабство славян, убитых солдат и сожженные вместе с жителями села? И Нерона не надо осуждать, и Иуду. Они же умерли. Так может, и про них "или хорошо, или ничего"? Впрочем, все это давно уже было. Иуде, как известно, большевики поставили памятник в городе Свяжске (правда, он долго не простоял). А споры о том, можно ли осуждать умерших, бытовали в христианской среде задолго до нас. В частности, на V Вселенском соборе, когда решался вопрос о посмертном анафематствовании Феодора Мопсуэстского. "Защитники Феодора говорили, что его нельзя осуждать, так как он уже умер. Собор доказывает неосновательность подобного суждения, ссылаясь на примеры, показывавшие, что не безвременное осуждение еретика и после его смерти. Здесь Собор останавливается главным образом на свидетельствах святителя Кирилла Александрийского и блаженного Августина. Святитель Кирилл писал:

"...и так должно осуждать тех, которые повинны в дурных поступках, в живых они находятся или нет" (*Аверкий (Таушев), архиеп. Семь Вселенских соборов. М.-СПб., 1996. Стр. 85*).

Путаница в вопросе "осуждать — не осуждать" часто возникает еще и потому, что не все поучения, предназначенные для монахов, годятся для жизни в миру. "Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие, — поучал преподобный Иосиф Оптинский. — И если мы не начальствуем над людьми, то должны равнодушно взирать на зло".

Большинство монахов действительно ни над кем не начальствуют. Они умерли для мира, у них нет ни семейных, ни общественных, ни государственных обязанностей. Их главное делание, главный способ противостояния злу — это молитва. (Хотя в нынешних условиях многим монастырям приходится вести огромную социальную работу.)

Но почти любой взрослый мирянин над кем-то начальствует: родители над детьми, муж над женой, учителя над учениками, руководители над подчиненными, офицеры над солдатами, власть над народом. И они не имеют права равнодушно взирать на зло! Если, конечно, хотят оставаться христианами.

Обличать других, конечно, следует "в духе кротости". Авва Пимен говорил: "... если человек согрешит и будет отречься, говоря: "Я не грешен", — не обличай его, иначе отнимешь у него расположение (к добру). Если же скажешь ему: "Не унывай, брат", — чрез это возбудишь душу его к покаянию" (*Древний патерик. М., Планета, 1991. Стр. 174*).

Но, увы, это поучение не универсально. В том смысле, что применимо не ко всем. Из самого текста поучения явствует, что "брат" хотя бы в глубине души унывает из-за содеянного, что совесть его неспокойна. Иными словами, у него есть пускай скрытый, но все-таки импульс к покаянию.

Однако бывает — причем в современной жизни не так уж редко, — что совесть крепко спит и для ее пробуждения требуется что-то вроде барабанного боя. Можно ли было кротко вразумить бандитов, захвативших заложников в "Норд-Осте"? Можно ли ласково увещевать насильника, деторастлителя, наркомана, которому срочно нужна доза? Да какое там! Куда более законопослушные, вполне социализированные и даже претендующие на управление социумом люди (к примеру, чиновники) нередко вразумляются, только услышав сверху грозный окрик или лишившись места, а то и свободы.

Так грозным окриком вразумлял в своей переписке игумен Никон (Воробьев) пьющего человека. Здесь будет уместно привести этот случай, поскольку чаще всего из этой переписки цитируются "политкорректные" места. Например, такой совет игумена Никона жене алкоголика: "Если он пьет, то надо его пожалеть. Он уже раб своей страсти. Один, своей силой избавиться он не может... ты не должна требовать от него здоровья, когда он болен, а должна оказывать снисхождение его немощи. Не должна ругать, когда он пьян, а молчать, чтобы не вызвать на что-либо худшее. И в трезвом состоянии ты должна не пить его, а совместно обсудить с ним, как вам быть, чтобы общими усилиями победить его слабость..." (*Носители духа святителя Игнатия. Духовные советы современным христианам. М., Формат, 2009. Стр. 121–122*).

Однако высказывание это вырвано из общего контекста переписки, которая сложилась по следующему случаю. Вкратце суть дела такова. Сначала игумен Никон писал письма жене "пьющего брата". Утешал, уговаривал потерпеть, говорил: "Ты стоишь на верном пути, а он на гибельном". Потом к нему приехал ее муж. По словам игумена Никона, "со скорбью рассказал" об их взаимоотношениях, и, как это часто бывает с алкоголиками, постарался в своем пьянстве обвинить жену. Она-де сварливая, то и дело осуждает и огорчает. А учитывая нередко присущий алкоголикам артистизм, обвинения его могли прозвучать вполне правдоподобно. Во всяком случае игумен как раз после этой встречи и послал К. (жене "пьющего брата") процитированные наставления. Но потом познакомился с С. (мужем) поближе, и тон его разговора с ним стал меняться, постепенно переходя от мягко-увещательного к строгому и даже суровому. Вначале: "Дорогой, милый, добрый, умный С! Опомнись: куда ты идешь? Если тебе здесь тяжело, то каково будет после смерти?.. В светлую минуту помолись Господу, Он поможет тебе и все простит... Приезжай к нам".

Через какое-то время тон уже более сдержанный: "С, ты имеешь все условия для покаяния и спасения... какие в наше время редко кто имеет... Очень советую тебе: не оправдывай себя ни в коем грехе, как бы мал он ни казался".

Еще через некоторое время: "Дорогой С, я слышу, что ты совсем попал в сети врагии. Неужели ты этого не видишь? Неужели не ясно, что враги хотят тебя погубить? Жить тебе осталось немного. Если не одумаешься, то после смерти попадешь прямо в руки бесов. Ты знаешь, как они жестоки... А ты что делаешь, кое-как исповедуешься и чуть ли не в пьяном угаре причащаешься. Что это такое? О чем ты

думаешь? Знай, что Бог поругаем не бывает... Ты стоишь на краю пропасти. Бесы легко могут столкнуть тебя в бездну".

А вот чем закончилась эта переписка: "Получил твое многословное письмо. Из него видно, что ты ничему не научился. Все та же старая песня, самооправдание, обвинение других и нежелание потрудиться над своим спасением... Твое дело ясно. Если хочешь спастись, перестань напиваться и предавать себя в руки бесов. Не будет от них пощады тебе, если Господь отступит от тебя за твои мерзости... Ко всем грехам своим ты еще прибавляешь фарисейство. Твой несчастный язык оправдывает тебя во всех мерзостях и грехах, а обвиняет других. И люди верят этому, а ты в очах Божиих делаешься фарисеем, которых так не любил Господь и заживо осудил их, если не покаются".

Напоследок зададим вопрос: верны ли сами проповедники тотального неосуждения заявленным принципам? Проявляют ли они сами безграничную терпимость и всеобъемлющее прощение?

Нисколько! Они тоже осуждают, причем весьма энергично. Хотя и в духе политкорректности. Что же подвергается осуждению? Составим краткий перечень:

- патриотизм ("ура-патриоты");
- приверженность корням, традиции ("традиционалисты", "фундаменталисты");
- защита нравственности ("моралисты");
- искренняя, горячая вера, защита православных ценностей ("ревнители", "ура-православные").

То есть все эти слова, изначально имеющие положительный смысл, стараются сделать "культурно-ругательными", опустить их вниз, поставить знак минус. И в рамках информационной войны за построение глобалистского миропорядка это вполне логично. Любовь к своей Родине и народу, нравственный образ жизни и, главное, живое, ревностное православие мешают довершить создание "прекрасного нового мира", который придется по вкусу Антихристу.

А что по этой логике должно выступать со знаком плюс? Политкорректоры пока дипломатично молчат. Ничего, мы скажем за них, выстроим пары смысловых антиподов.

Итак, "ура-патриоты" — плохо. Тогда что же хорошо? Вероятно, "ура-предатели"? Быть фундаменталистом плохо. Значит, надо быть нефундаментальным, безосновательным, строить на песке. Моралистом быть плохо. Выходит, защищать или попускать разврат — похвально? "Ревнитель"... Как бы поточнее сказать наоборот? Пофигист? Этот неологизм уже прочно вошел в разговорную речь, но лучше выразимся пополиткорректней, предложив собственный неологизм — "наплеватель".

"Ура-православные". Тут, пожалуй, возможны два контрварианта, выбирайте на вкус: "капут-православные" или, если особо не политкорректничать, "ура-сатанисты". По сути это одно и то же.

Нет, нельзя, поддавшись на грошовые уловки, отказываться от хороших понятий и слов, бояться прослыть патриотом, ревнителем и моралистом. Не стоит и отдавать извращениям голубой цвет, цвет неба и Богородицы. Политкорректность не просто лукава, она вероломна, нацелена на слом веры. А поскольку оружие это информационное, то и заряжают его словами. Вот почему так важна сейчас битва за слова и смыслы.

Как известно, "ура!" — боевой клич победы. Не заменить ли нам дефис в слове "ура-православные" на запятую? И тогда получится: **"УРА, ПРАВОСЛАВНЫЕ! В АТАКУ!"**